

Ася Федотова

Мой Младший
СОСЕД

Мне исполнилось двадцать один, а ему восемнадцать. Я учусь в университете на третьем курсе, а он в одиннадцатом классе. Между нами нет ничего общего, кроме того, что живем в одном подъезде.

Это совершенно не моя история, но мальчик, кажется, думает иначе...

— Что мне с тобой делать? В танчики играть?

Выдыхаю ему в губы, потому что Кирилл стоит непозволительно близко.

— Останься и узнаешь.

Едва уловимое касание, и меня простреливает до кончиков пальцев.

— Сейчас укушу — рычу ему в губы. — Пусти.

— Кусай — шепчет в ответ. — К нему собралась? — парень вжимается в меня всем телом.

— А если и к нему, то что?

— Не пущу.

Мой младший сосед

Ася Федотова

Глава 1

Ульяна

Мама всегда учила, что от мужиков нужно брать самое лучшее, а именно деньги и покровительство. Артем был старше меня на семь лет, имел бизнес, бабки, огромную квартиру в шикарном районе, первоклассное тело и до жути ревнивый характер.

И в очередной раз, когда он устроил скандал в ночном клубе, куда мы решили зарулить с девчонками, я поняла, что пора заканчивать с этим дерьмом. Будут еще на моем пути такие Артемы, и не только.

Как только щелкает замок, тут же вылетаю из машины и несусь к подъезду.

— Уля! — кричит мне вслед. Нагоняет. Но я и не думаю останавливаться. Сейчас завалится ко мне на квартиру, и потом дело — труба.

— Все, хватит! — ору в ночную пустоту и останавливаюсь напротив двери, разыскивая в сумочке ключи.

Дрожащими руками, потому что Артем уже за моей спиной дышит в затылок, прикладываю магнитный ключ к замку и дергаю дверь на себя. Но тот сразу же выставляет ладонь и толкает ее обратно.

— Такого больше не повторится, прости — перехватывает меня рукой за талию.

— Ты уже это говорил, пусти — цепляюсь за его ладонь на своем животе.

На улице уже тепло. Конец апреля. И под моей курткой короткий топ. Его горячие пальцы обжигают кожу.

— А если нет? — шипит мне на ухо.

— Закричу, ты меня знаешь.

Парень на миг замирает, а я пытаюсь отдышаться. На улице никого, и мне становится страшно.

— Детка, хватит — обнимает второй рукой и притягивает к себе вплотную.

— Нет, я сказала — уворачиваюсь от губ, что касаются шеи.

— Твою мать! — бьет кулаком по железной двери, и я вздрагиваю, жмурясь изо всех сил.

Я знаю, каким Артем может быть ублюдком. Я долго терпела.

— Слышь, отпусти ее — позади нас раздается голос не то парня, не то еще подростка. Высокий, но с хрипотцой.

— Свали на хрен, пока не получил! — рычит Артем.

— Чувак — насмешливо тянет этот бессмертный. — Я не по хренам, сорри.

— Чего, бл*ть? — Артем тут же выпускает меня из рук.

Оборачиваюсь и застываю на месте. Потому как Артем направляется в сторону парня в просторном худи с капюшоном на голове и джинсовой куртке поверх. Он высокий, выше Артема, но тот определенно сильнее. Я ежусь от липкого ужаса.

— Пацан, нарываешься — обманчиво спокойным тоном произносит Артем, пока, как опасный зверь, крадется к жертве.

А тот даже не думает свалить, так и стоит в расслабленной позе с тлеющим окурком, зажатым между пальцев. Вообще левый парень, а, может даже молодой пацан, из-за капюшона не разобрать.

— Детей не обижаю — с долей усмешки басит Артем, как только подходит к этому

адренальнищику совсем близко, почти в упор. — Давай, топай к мамке, время позднее.

— Уже можно. Мне восемнадцать, не ссы — в той же насмешливой манере выдает пацан.

Восемнадцать! Он — труп. Нужно бы что-то делать, но у меня язык к небу присох от сковывающего все внутри страха, ведь Артем вообще без башки.

— Значит, по-хорошему не понимаешь?

Артем замахивается кулаком. Я жмурюсь, а когда распахиваю глаза, понимаю, что он не попал, пацан успел увернуться и ударить Артема в живот, ненадолго выводя того из равновесия. Но он быстро очухивается и накидывается на парня, сбивая того с ног. Усаживается ему на живот и бьет по челюсти. Темная кровь со слюной летит на мокрый асфальт, и я вскрикиваю.

— Тема, хватит! — подбегаю сзади и хватаю его за плечи.

Он отталкивает руку.

— Отошла быстро! — твякает в мою сторону, не отрываясь от пацана.

— Ты совсем больной! — не унимаюсь. — Я полицию вызываю.

Подхожу сбоку и демонстративно достаю из сумки телефон. Набираю полицию.

— Я не шучу — взвизгиваю в панике и показываю тому дисплей с экстренным номером.

Артем не мигая смотрит на горящий экран, а потом медленно поднимается с пацана. Брезгливо отряхивает колени и шатающейся походкой бредет к тачке.

— Сама приползешь! — орет мне, прежде чем сесть за руль и удрать ко всем чертям.

Пацан так и лежит на асфальте. В свете фонарей замечаю, как он улыбается. Нет, ржет. В голос, блин! Больной.

— Ты как? — спрашиваю дрожащим то ли от хлынувшего в кровь адреналина, то ли от холода, сковывающего голую кожу, голосом.

— Норм — хрипит в ответ и сгибает ноги в коленях.

— Давай, помогу — протягиваю ему руку.

— Я сам — пацан приподнимается на локтях и медленно встает на ноги.

— Не нужно было — отхожу на шаг.

Он высокий и широкоплечий.

— Эм — оглядываюсь по сторонам. — Я живу здесь. Может, поднимешься? Могу раны обработать. Или в больницу?

— Вообще то я тоже здесь живу на втором.

— А? — растерянно переспрашиваю. Силюсь вспомнить соседей с второго, но тщетно. — Ну, тогда, не знаю... Спасибо.

— Ага, пожалуйста — пожимает плечами.

Все еще прибывая в шоковом состоянии разворачиваюсь и топаю к подъезду.

— Погоди — окликает меня.

Оглядываюсь.

— Слушай, я на тусе был, надрался слегка, похерил ключи и телефон, а родаки в отпуске — подходит ближе. — Может,пустишь к себе? Помажешь чем-нибудь, чтобы кровь не текла, как из крана, и одолжишь телефон друзьям позвонить. Мне где-то перекантоваться надо.

— Ну — подозрительно оглядываю парня. — Конечно, пойдём.

Заходим в подъезд. Чувствую, как он топает следом. Вызываю лифт на семнадцатый и кошусь на своего спасителя.

— Со второго, говоришь? Что-то я тебя не помню.

В этом доме квартиру я снимаю уже третий год с начала учебы, но соседей не особо знаю, разве что тетю Лиду из двушки напротив.

Парень хмыкает и скидывает капюшон.

— Зато я тебя помню. Этот хрен часто к тебе на своей тачке приезжал.

Теперь видно его лицо. Узнаю. У него еще собака такая мелкая вечно тьякает. Пацан хоть и рослый, но выглядит на свои восемнадцать, не больше. Отросшие темно-русые волосы лезут в глаза скорее медового, чем карего оттенка, и прикрывают уши. Он довольно симпатичный, даже смазливый. Девочкам такие нравятся. Школота.

— Кирилл — хитро щурится на меня.

Боже мой, только этого еще не хватало!

— Ульяна.

Открываю дверь и впускаю после себя гостя. Щелкаю выключателем.

— Раздевайся, а я аптечку поищу.

Иду в ванную комнату и достаю из навесного шкафчика контейнер с лекарствами. Вытаскиваю Мирамистин, упаковку пластырей и Банеоцин, на всякий случай. Прихватываю ватные диски и выхожу в коридор.

Пацан так и стоит у двери оглядываясь по сторонам.

— Пойдем — увожу за собой в сторону гостиной и по совместительству — спальни.

— Присаживайся — киваю на офисное кресло возле письменного стола, а сама беру табурет.

Кирилл садится в кресло и застывает, прикрывая веки, когда я подношу смоченный раствором ватный диск к его лицу.

На глазу уже наливается синяк, и намечается отек на переносице. Обрабатываю раны и приклеиваю пластырь.

— Если хочешь, можешь заявить. Я покрывать не стану.

Он мотает головой.

— Неа — и распахивает глаза. Ресницы длинные и пушистые. — Посмотришь че со спиной?

Отъезжает немного назад на кресле и встает, задирая худи.

Пацан совсем не дохлик. Видно, что со спортом дружит. Мне немного не по себе.

— Че там? — спрашивает, оглядываясь на меня через плечо.

Пожимаю плечами.

— Синяки. Не знаю, я не врач.

Не хочу даже дотрагиваться.

— Ладно — одергивает кофту. — Теперь дашь позвонить?

— А, да, конечно — протягиваю мобильник.

Наливаю себе воды и отхожу к окну, пока мой новый знакомый трещит по телефону.

Спустя минуту слышу позади себя шаги.

— Мне тут друган такси вызвал — оборачиваюсь. — И спасибо за пластырь, Ульяна — растягивает губы в широкой, буквально обезоруживающей улыбке и подмигивает.

Мне. Подмигивает. Малолетка.

Капец!

Пока я медленно отхожу, тот уже машет курткой, зажатой в руке, и хлопает входной дверью.

У меня адский будильник. Специально такой установила, чтобы учебу не проспять. Для того, чтобы он заткнулся нужно ответить на вопрос. Сегодня такой: сколько будет шестьдесят помножить на пять. Быстро набираю ответ и откидываюсь на подушку.

Долбаное утро. Поднимаюсь с кровати и подхожу к окну. Вид на школу. Микрорайон у нас новый, и школа тоже. Большая современная. Взгляд ненароком цепляет лужайку перед домом. Там стоит тот самый парень со своей шавкой. Ключи что ли нашел?! На голове бейсболка козырьком назад. Пялится на окна. Выцепляет взглядом мои.

Отлетаю назад, дергая шторой, и мчусь в душ. Вот еще напасть на мою голову. Быстро привожу себя в порядок и наспех завтракаю йогуртом с крепким кофе. На улице солнечно и судя по прогнозу достаточно тепло. Выбираю расклешенные от бедра джинсы и телесную водолазку-лапшу с вырезами на плечах. Волосы просушиваю и распускаю, подвивая на кончиках.

Макияж — дело тонкое. К этому подхожу основательно. Выравниваю тон, подкрашиваю брови и оттеняю глаза. На губах нюдовый оттенок помады. Хватаю сумку, накидываю сверху удлиненную косуху и выхожу из квартиры.

У меня последний этаж, поэтому лифт особенно по утрам приходится дожидаться долго.

Когда выхожу на улицу, в лицо ударяет теплым весенним воздухом. Глубоко вбираю его в себя и двигаюсь в сторону остановки мимо школы.

У ворот стоит он в кругу таких же школьников. Большая компания. Все вперемешку: девчонки, парни. У кого-то из них долбит музыка, и почти у всех в руках вейпы. Модники, мать вашу!

На нем серые свободные джинсы — бананы и фисташковый плюшевый анорак. Бейсболки уже нет, и волосы в хаотичном порядке закрывают лоб.

Прохожу мимо, прижимая сильнее сумку. Только бы не заговорил. Но нет.

— Эй, Ульяна! — слышу позади знакомый голос, но не сбавляю шаг. — Привет — нагоняет и равняется со мной.

— Иди. В школу опоздаешь — бросаю по пути.

— Нам ко второму, время есть — как ни в чем не бывало отзывается пацан.

Я семеню до остановки, а этот увязался за мной. Идет рядом. Вышагивает, зажимая на плече лямку от рюкзака.

— Ключи то нашел? — спрашиваю как-то само собой, а мысленно отвечаю себе тумачков. И какого хрена вообще!

— Ага, у друга. Пришлось вчера на такси вернуться к нему. И телефон там же был.

— А если бы не нашел, что бы было с собакой?

— Не знаю, засрала бы всю хату. Мне бы влетело.

— Слушай, как там тебя, не помню — останавливаюсь на пути к остановке и тру переносицу. — Ты зачем за мной идешь?

Впериваюсь в него. Он выше. Приходится голову задирать. Да, еще и солнце слепит. Пацан вбирает нижнюю губу и сверлит взглядом. Обида? Злость?

— Кирилл.

Да, пацан явно к такому от девчонок не привык. С его то внешностью. Но я не

школьница. Так что, сорян.

— Ну, да, Кирилл — оглядываюсь на стоянку с автобусами. У нас конечная.

Играет желваками. Точно злится. Это хорошо.

— Время свободное есть. Хотел поболтать, узнать, не достает ли тебя этот хрен на крутой тачке.

— Не достает. Все?

— Ты че какая заведенная? — делает шаг ко мне. — Расслабься.

— Слушай, спасибо тебе, конечно, за вчерашнее, но мы не друзья. Типа: «Хэй, хэй, как дела?» — такого между нами не будет. А теперь отвали, я на учебу опаздываю.

Перебегаю дорогу к остановке. А когда захожу под козырек, замечаю, что Кирилл все также стоит на том самом месте, потягивая вейп. Потом пинает камень кроссовком и удаляется, перед этим отсалютовав мне рукой.

Придурок малолетний.

В автобусе вставляю битсы и включаю DoJaCat. По дороге в исторический центр города, где находится мой универ, собираем все имеющиеся в это время пробки. У ворот уже встречает встревоженная Машка Варвина, с которой вчера тусили в клубе.

Надо сказать, перед универом я немного притормозила, оглядываясь по сторонам, не пасет ли меня Тема. Но с облегчением понимаю, что его здесь нет. Вчера я точно решила с ним расстаться. Такие отношения не для меня, даже если там куча бабок.

— Привет — подхожу к подруге.

— Фу — протяжно вздыхает Машка. — А я уже думала, может, закопал где. Ублюдох бешеный. Надеюсь ты с ним расстанешься.

— Уже — киваю подруге, когда входим внутрь здания.

Перед парой, как всегда, направляемся к кофейному автомату. Я беру крепкий эспрессо, а Маша капучино.

— Ну, и как это произошло? — выпытывает подруга.

Пересказываю ей свое ночное происшествие, пока добираемся до нужной аудитории.

— Блин, бедный пацан, и как он вообще?

— Да, нормально. Видела сегодня. Нос немного распух и губа.

— И ты бы реально полицию вызвала? — заглядывает на меня Машка, когда продвигаемся между рядов к местам на галерке, попутно здороваясь с одноклассниками.

— А что мне оставалось делать? Я же думала, он реально этого мальчишку покалечит.

— Капец — умозаключает подруга.

— Давайте сюда! — машет нам с дальних рядов Даша Новицкая.

Эта тоже ждет от меня подробностей. Господи, они теперь точно не отстанут.

— Значит ты с Артемом своим порвала? — интересуется Дашка, когда в перерыве между парами зависаем в кафетерии универа.

— Да, я теперь точно все — собираю трубочкой остатки молочного коктейля на дне стакана.

— Не знаю — морщится в ответ Дашка. — Артем твой просто ревнивый, а в остальном... Мне бы найти такого. Красавчик, при бабках, недвижка, тачка крутая.

— Так забирай — удивленно плююсь в ответ. Ага, просто ревнивый. — Он теперь свободный. Только не удивляйся, когда Артем тебя в своей этой недвижке одну запрет на всю ночь, а сам в клуб свалит. Или когда во время секса придушивать начнет. Или неожиданно отберет телефон, чтобы просмотреть всю историю сообщений, соцсети. Только

потому, что ему что-то там померещилось.

— Ладно, хватит уже собачиться — встречается Маша. — Нашли из-за кого.

Досиживаем еще две пары. Даша убегает на подработку в магазин спортивных товаров. Прощаемся с Машей. На остановке снова оглядываюсь.

Артем меня не ищет и не звонит. Даже немного отпускает. Удивительно, первое время, когда только начинали встречаться, и он еще себя во всей красе не показал, я боялась, что мы можем расстаться. Мне даже казалось, что я втрескалась по самые уши. Но теперь понимаю, что чувствую лишь облегчение. И зачем вообще столько тянула?! Мазохистка.

По дороге домой забегаю за продуктами. Маме решила пока не рассказывать про расставание с Артемом. Думаю, она не поймет. Ей вообще, наверное, пофиг, что я чувствую, главное, чтобы хорошо пристроена была.

Сначала готовлюсь к предстоящей сдаче курсовой, а затем на скорую руку приготавливаю простой ужин, состоящий из запеченной индейки и тушеной стручковой фасоли.

Перед сном загружаю на нетбуке третий сезон «Американской истории ужасов». Просто обожаю этот сериал. И в основном из-за Эвана Питерса. Особенно его роль Тейта в первом сезоне.

А когда выхожу из душа, заваливаюсь на кровать с телефоном. Открываю соцсети. И... Блин.

Кирилл Золотарев прислал заявку в друзья. Захожу в другую соцсеть. Там тоже на меня подписался.

Кликаю по его страничке. Много фоток. Вот он снимает себя в раздевалке перед зеркалом. Влажные волосы прикрывают глаза, на губах застыла кривая ухмылка. На нем спортивные шорты и черная свободная майка с большими прорезями по бокам. На другой в обнимку с девчонкой строят рожицы. Еще одна — лежит головой на парте. Свет ударяет ему в лицо подсвечивая глаза, отчего их цвет становится почти желтым. Видео — идет по заснеженной аллее. Щеки румяные, улыбается и подмигивает на камеру.

И зачем это все! Меня окатывает волной адреналина. На порыве добавляю его в друзья и выхожу из сети.

Утро субботы. Сегодня по расписанию одна лекция, на которую я решила благополучно забить, все равно даже не отмечают. Позволила себе понежиться в кровати почти до обеда, но мой сон прервал настойчивый звонок в домофон.

Набрасываю на плечи халат и плетусь в прихожую.

— Кто? — отвечаю сонным голосом.

— Уля, это я. Впусти, поговорим.

Вот блин, а я уж думала отстанет.

— Тем, нет, уходи — кладу трубку на место и забираюсь обратно в теплую постель под настойчивый дребезжащий звук. Он не унимается несколько минут, а потом все стихает. Ныряю под одеяло с головой.

Даже в окно выглядывать не хочу. Там ли он или же уехал. Но через некоторое время звонок раздался уже у двери. Настойчивая трель долбит по мозгам.

Вот настырный.

Терплю до последнего, но, когда к звонку подмешивается стук ботинок о железную поверхность, меня подбрасывает от злости. Рваными движениями снова набрасываю на плечи халат и мчусь в прихожую, по пути приглаживая волосы.

Приоткрываю дверь. Артем стоит на пороге с шикарным венником из алых роз.

— Перестань, сейчас соседи еще ментов вызовут.

— Перестану, еслипустишь — хватается за дверь, оттягивая ее сильнее, но у меня цепочка, как в старые добрые времена.

— О чем говорить? Ты перешел все границы, я не хочу таких отношений — цепляюсь пальцами за дверной косяк.

— Детка, прости. Я погорячился. Больше такого не повторится.

— Ты уже это сотню раз мне обещал, Тем. Проблема в том, что я больше тебе не верю.

Артем сжимает губы в тонкую линию и щурит глаза, опустив свой венник.

— То есть между нами все? Я правильно понял?

— Да — даже не мешкаю, только бы свалил уже. Видеть его не могу.

— Кем ты себя возомнила, овца? Думаешь об меня можно вот так вытереть ноги?

Дергаю дверь, чтобы закрыть, но Артем удерживает ее.

— Ты еще пожалеешь, поняла? Ты вспомнишь, только я назад тебя не приму.

— Хорошо — устало вздыхаю. — А теперь уходи.

Бьет венником о стену и алые лепестки разлетаются по лестничной клетке.

— Шлюха, ты просто шлюха — рычит напоследок и скрывается за дверью, ведущей к лестнице.

Закрываю. Меня колотит. Между нами столько всего было, и я не понимаю, как этот человек умудрился так все изгадить.

Списываюсь с девчонками, и все вместе решаем пойти вечером в клуб. Только куда-нибудь в более демократичное заведение, чтобы не было возможности пересечься там с Артемом.

Выбор падает на заведение под названием «FEST». Такое место для тусовок хипстеров. Туда уж Артем точно не зайвится.

Остаток дня трачу на доработку двух курсовых и сборы в клуб. Уже вечером ко мне

подъезжает Маша. С остальными договорились встретиться у входа.

Между делом поглядываю в соцсети, нет ли там новостей от моего "нового друга". Но тишина. Чувствую что-то наподобие разочарования. Ну, а что я хотела? Да, собственно, ничего.

— Я давно тебе говорила — многозначительно тянет Машка, развалившись на моей кровати, пока я сосредоточенно рисую стрелки.

— Знаю — вздыхаю, прерывая процесс наведения красоты. — Просто я думала... Знаешь, что у нас есть будущее. Тема мне казался принцем на белом коне, когда вытащил меня с этой долбаной работы. А теперь придется снова искать подработку. Деньги, которые мы с тобой сколотили летом, у меня уже почти на нуле, а у мамы я просить точно не буду.

— Ничего себе, я уже давно все промотала — ухмыляется подруга, потягивая вино из бокала. — И куда думаешь?

Дергаю плечами, возвращаясь к макияжу.

— Может, по специальности. Переводами займусь.

Натягиваю короткое черное платье без рукавов с высоким горлом и придирчиво оглядываю свой образ в зеркале.

— Ладно, поехали. Девчонки уже ждут.

Вызываем такси. Нырять в грубые ботинки и накидываю сверху удлиненную косуху.

Клуб находится рядом с главной пешеходной улицей нашего города. В подвале. Небольшой, но внутри атмосфера, что надо. Удивительно, почему мы раньше сюда не забредали. Наверное, потому что ловить здесь особо нечего. Разве что действительно оторваться на полную катушку, чтобы ни о чем не думать.

Усаживаемся с девчонками за столик в углу и сразу же заказываем крепкие напитки. После первого же бокала музыка подхватывает. Оглядываюсь по сторонам и отмечаю, что здесь тусует одна молодежь примерно нашего возраста.

Вдруг взгляд замирает на парне посередине танцпола. В ушах долбит ремикс на песню BlackEyedPeas — ImmaBe.

Высокий в растянутой дизайнерской футболке с прорезями в разных местах и темных джинсах. На руке поблескивает браслет в виде цепи, а на шее цепочка с кулоном. Волосы взмокли и рваными прядями падают на лицо. Рядом с ним трется белокурая девчонка в белом топике, сверкающем и отливающим разноцветными блестками, и парень с кудрявыми завитушками.

Я узнаю его.

В груди становится жарко. Сама не понимаю, почему. Но он привлекает внимание, гипнотизирует, пока движется в так музыке.

— Маш — толкаю подругу плечом. — Видишь парня? — показываю в сторону моего соседа.

— Которого? — пытается сфокусировать взгляд подруга, откидывая рыжеватые пряди за спину.

— Вон тот, высокий — указываю на Кирилла.

— О, да — одобрительно кивает подруга.

— Это тот самый сосед, которому Артем навалял.

Подруга округляет глаза и снова пялится в толпу.

— Боже мой, ему восемнадцать?

Киваю, не отвлекаясь от парня.

— Ох, Улька — отпивает из стакана, и я за ней осушаю свой до дна. — Сасный мальчик.

— Он нашел меня в соцсетях — говорю ей на ухо, потому что музыка оглушает.

Та резко поворачивается ко мне.

— И?

— Просто попросился в друзья и подписался на страницу.

— А ты?

Закусываю губу.

— А я добавила.

— Покажи — заинтересованно тыкает в меня.

Открываю его страницу и передаю телефон подруге. Машка просматривает одну фотку за другой.

— Черт, Улька, какой горячий. Хоть и малолетка.

Слово "малолетка" режет по ушам, но это, действительно, так и есть. Еще со школы я встречалась с парнями постарше. Даже не знаю теперь, что и думать.

Чувствую, как кожу заливает краской. Тепло пробирается по венам. Адреналин несется по кровеносным сосудам. Наливаю себе еще и делаю глоток, отчего внутри становится намного жарче.

— Пойдем — тянет меня Машка.

— Куда? — начинаю паниковать.

— Как куда? — подмигивает через плечо. — Танцевать, конечно.

Утягивает меня за собой на танцпол. Но во мне плещется алкоголь, и я смиренно ныряю за подругой в толпу.

На пути к танцполу зацепили в баре по текиле. Внутри обожгло горячим потоком по пищеводу. Тем временем сменился диджей, и пошло какое-то безумное техно.

Пробираемся с Машкой в середину толпы, но на приличном расстоянии от моего соседа, чтобы особо не палиться. Нырять в музыку с каждым битом все сильнее. Погружаюсь с головой, отключая мысли. Только грохот в ушах, и мерцающие огни перед глазами.

Давно я так не отрывалась. Те клубы, куда мы обычно ходим больше похожи на притоны для богатых папиков и мажоров. Там другие ритмы, другая музыка, другая публика и вообще обстановка. На тебя смотрят оценивающе, предвзято, а здесь всем пофиг.

Двигаюсь, как подсказывает тело. Мне хорошо. Да, мне клево. Машка тоже отрывается по полной. Сквозь туман, окутывающий танцпол, цепляю глазами знакомую высокую фигуру парня.

Его голова откинута назад, подставляя профиль под разноцветные огни. Этот парень определенно умеет танцевать. Его движения то плавно-расслабленные, ленивые, то ускоряющиеся, заводные. Кажется, Кирилл не замечает никого вокруг, даже трущуюся рядом с ним блондинку. И тут его взгляд проходится по толпе, останавливаясь на мне.

Парень замедляется. Даже с расстояния замечаю, как ползут вверх его брови в удивленной ухмылке. Поворачиваюсь к нему спину и продолжаю танцевать. Становится жарко. Чистый адреналин. Меня повело, или это все алкоголь.

— Уль — кричит мне на ухо Машка, отвлекая от интригующей игры. — Я выдохлась, пойду сяду. Ты со мной? — бросает взгляд за спину в сторону моего соседа. — Или как?

— С тобой — последний раз кошусь на парня и возвращаюсь с Машей к столику. К Даше с Аней уже присоединились два незнакомых нам парня. По возрасту, может, на год, другой старше нас, но не более.

Один из них с короткими темными волосами и татуировкой на шее, выглядывающей из-под ворота свободной рубашки, пробежался по моей фигуре с ног до головы и облизнулся. Но мне совсем неинтересно, пусть лучше Аню окучивает.

Присаживаюсь и замираю, потому что Кирилл подходит к большой компании через два столика от нас и плюхается с блондинкой на широкий диван.

Мы совсем недалеко друг от друга. Парень сидит лицом ко мне, его рука на плече у блондинки, а в другой руке стакан.

— Уль — привлекает мое внимание Даша. — Это Антон — показывает на рыжеватого симпатичного парня. — А это Матвей — на того с татуировкой.

— Привет — улыбаюсь и тянусь к своему стакану.

— За знакомство — поднимает бокал темноволосый.

Этот с татуировкой то и дело бросает в мою сторону недвусмысленные взгляды, что немного нервирует. Ситуацию даже Аня не вывозит, взяв его в оборот.

Поэтому подрываюсь с места, чтобы не мешать, и возвращаюсь на танцпол. По дороге отмечаю, что блондинка уже сидит у Кирилла на коленях и что-то бормочет ему на ухо, отчего тот заливается смехом, запрокидывая голову.

Выкидываю все это дерьмо из головы. Мне все равно. В конце концов, я пришла сюда, чтобы отвлечься от предыдущих отношений, чтобы выдохнуть, потому что я, наконец, свободна. Вот и нужно получать удовольствие, а не перетирать в своей голове бредовые

мысли.

Прикрываю глаза и снова уплываю на волнах дикого техно. Я, наверное, протусила в толпе не менее часа, а потом меня нашла Маша.

— Уль, можно я сегодня к тебе поеду? Дома отец, а я так напилась. Опять нотации начнет витать.

— Да, без проблем — пожимаю плечами, двигаясь под музыку.

— Слушай, Даша еще останется с этим рыжеволосым, а Аня уехала в Матвеем.

— Серьезно? — пялюсь на нее.

— Ага — лыбится подруга. — Крутого парня отхватила, да? Красавчик, да, еще и на шикарной тачке. Она кинула фотку, хочешь посмотреть?

Тычет мне в лицо дисплеем телефона. Да, тачка что надо. Хотя и по шмоткам было понятно, что парень не простой.

— Круто.

— Слушай — хнычет Маша. — Поехали домой, мне что-то нехорошо.

Вот, блин!

— Потому что намешала. Раз уж пила вино, то и продолжала бы — кричу подруге в ухо.

— Да, знаю, но теперь то уж чего говорить!

Оглядываюсь по сторонам. Мне совсем не хочется уезжать, но и подругу бросать нельзя.

— Ладно, только сумку захвачу.

Пробираюсь к столику, прощаюсь с Дашей, забираю сумку и возвращаюсь к подруге, поджидающей меня.

— Пошли.

Выходим к коридор.

— Ой, погоди, я в туалет, а ты пока одежду захвати в гардеробе — подает мне свой номерок.

— С тобой точно все нормально? — озадаченно разглядываю пожелтевшее Машкино лицо. — Может, мне с тобой?

— Нет — отмахивается та. — Иди за куртками, я скоро.

Забираю в гардеробе одежду и подхожу к большому зеркалу рядом с выходом. Накидываю косуху, выправляя волосы, и в отражении замечаю приближающегося ко мне Кирилла.

Сердце тут же отзывается и ухаает, как бешеное.

— Привет — встает позади меня.

Ловлю его медовые глаза через зеркало.

— Привет.

Парень подходит вплотную. В ноздри ударяет терпким парфюмом. Его влажные волосы заправлены за уши, оголяя красивое лицо.

— Уже уходишь?

— Да — кошусь в сторону туалета. — Подруге стало нехорошо.

— Не видел тебя здесь раньше — немного подается вперед и горячим дыханием касается волос.

У меня чуть глаза произвольно не прикрылись от волнующего, еле уловимого прикосновения. С ужасом осознаю, что этот пацан, совсем еще школьник, меня волнует. От него исходят бешеные флюиды, от них штормит.

— Все бывает в первый раз. А ты как? Мамка не заругает?

Боже, что я несу! Просто кринж! Наверное, дело в алкоголе, который не позволяет думать, прежде чем что-то ляпнуть.

— Ну, я уже большой мальчик, не заметила? — ничуть не смутился тот.

Не успеваю придумать, что ответить, как появляется Маша.

— Все, поехали. Я машину вызвала, а то меня сейчас опять вырвет — стонет подруга, а уже потом замечает Кирилл.

— Привет, красавчик — подмигивает ему.

— Привет — улыбается в ответ парень.

— Пока — говорю ему и утягиваю за собой подругу на выход.

— Вот, я все испортила, да? — заглядывает на меня Машка, пока стоим у тротуара, дожидаясь машину.

— Наоборот, вовремя пришла — бурчу в ответ, замечая, наконец, наше такси на парковке.

Будильник долбит по ушам ровно в полдень, как я и завела. Сгребаю себя с дивана, накидывая на подругу, сползшее одеяло, и направляюсь в душ. Торчу там до тех пор, пока не понимаю, что похмелье отступило, и по вискам не долбят бешеные дятлы.

— Маш — кричу из коридора, учуяв запах кофе. — Мне тоже оставь.

Захожу на кухню и резко останавливаюсь в дверях.

За моим столом, на моем стуле сидит Кирилл с кружкой кофе в руках. Рядом стоит Машка, поджаривая на сковороде яйца.

— Доброе утро, Уль. А я тут гостя впустила, не будешь ругаться? — хитро щурится на меня подруга.

Тут я понимаю, что из одежды на мне лишь трусы и свободная старая футболка с изображением кошки Китти. Кирилл тоже это замечает, и его взгляд ползет по обнаженным ногам, вызывая толпы мурашек, бегущих по позвоночнику, а затем замирает на моей груди. Рот приоткрывается в изумлении, и увлажняются глаза.

Кирилл

Несмотря на то, что вернулся почти по утрам, мне не спится. Совсем. Никак не могу загнать себя в сон.

Уже почти одиннадцать. Сажусь на кровати, свешивая ноги и тупо пялюсь на ковер, а перед глазами Ульяна в совсем коротком, блядском платье, еле прикрывающим задницу. Колготки имитируют черные чулки, ботинки на грубой подошве. Чистый кайф. Неразбавленный.

Для кого она так вырядилась? Внутри закипает, хотя какое я имею на это право.

Гребаный трус. Я же заметил ее в толпе, но так и остался с Кристиной, будто мне есть до девчонки дело. А мог бы подойти к Ульяне, мог бы танцевать рядом с ней, угостить чем-нибудь, потусить вместе. Это был такой шанс. Один на миллион, но я облажался. Струхнул.

И уже не первый раз. Первый был, когда Ульяна добавила меня в друзья. Я тогда ничего ей не написал. Зассал. Меня подташнивало только от мысли, что она может проигнорить или, еще хуже, послать. А, может, я стал бы нести такой бред, отчего и в глаза потом посмотреть стыдно.

Вроде бы и не такая уж большая разница в возрасте, если бы нам было, допустим, двадцать три и двадцать шесть. Но сейчас... Я всего лишь школьник. Нихрена у меня нет, а этот ее бывший мужик на крутой тачке заруливал. Да, и вообще было понятно, что бабла у него вагон.

Но меня все равно тянет.

Ульяну я уже давно заметил. Первый раз, когда она с подругой шла домой. Я придержал им дверь в подъезд. Мне было пятнадцать. Я носил брекеты и убанскую стрижку с высветленными в ноль волосами на макушке. Не сказать, чтобы я на нее запал, и все такое. Но несколько раз перед сном все же представлял, разжигая в своей голове пошлые фантазии.

Мысль приходит внезапно, бухает по голове. А что? Терять уже точно нечего. Если что, просто забуду, выкину из головы.

Быстро тащусь в душ и перекусываю бутербродом с кофе. Возвращаюсь в комнату в поисках черной футболки с V-образным вырезом и темно-серых узких джинсов с прорезями на коленках. Оглядываю себя в зеркале и приглаживаю еще влажные после душа волосы. Меня слегка потряхивает от предвкушения, но я все же хватаю с вешалки косуху и обуваю на ноги темно-коричневые ботинки на шнуровке. Прихватываю из кладовки два мотоциклетных шлема и выхожу из дома. Направляюсь прямо к подземной паковке, где дожидается мой ярко-зеленый Kawasaki. Родители подарили на восемнадцатый день рождения. Отгоняю его к подъезду и поднимаюсь на семнадцатый этаж.

Медленно выдыхаю скопившийся в легких воздух и нажимаю на звонок.

Дверь открывает девчонка. Совсем не Ульяна. Эта та самая, которая вчера набралась в клубе и утащила Ульяну домой.

— Привет — оглядывает меня с ног до головы.

— Привет — прочищаю пересохшее горло. — Ульяна дома?

— Да — приваливается к косяку девчонка. — Она в душе. Чего хотел?

— Эм — заглядываю поверх ее головы в квартиру. — Можно я ее подожду?

Девчонка оценивающе смотрит.

— Ну, заходи — и пропускает внутрь.

Скидываю ботинки и топаю за Ульяниной подругой на кухню.

— Кофе будешь?

— Ага, спасибо — киваю, осматриваясь по сторонам.

— Маша — оглядывается на меня через плечо.

— Кирилл.

— И в честь чего так вырядился, Кирилл? — ставит передо мной кружку с дымящимся кофе. — Неужели Ульку на свидание позовешь?

— Это не свидание — ерзаю на стуле. — Просто хочу предложить покататься на мотоцикле.

— Ого! — удивленно вкидывает брови и выливает на горячую сковородку взбитые яйца — А ты мальчик с сюрпризами.

— Маш! — слышу скрип двери и Улин голос. — Мне тоже оставь — раздаётся из прихожей.

Вцепляюсь в кружку так, что даже костяшки побелели. Сейчас точно пошлет.

— Доброе утро, Уль. А я тут гостя впустила. Не будешь ругаться? — будничным тоном спрашивает Маша и косится на Ульяну.

Та застывает в проеме двери, и я тоже. Это надо видеть.

Ее влажные волосы укрыты полотенцем, закрепленным в виде тюрбана на голове. Длинные стройные ноги. Черный треугольник трусиков, выглядывающий из-под белой футболки с изображением кошки из мультика. Футболка старая и застиранная, оттого ткань очень тонкая. Поднимаюсь еще вверх и таращусь на грудь.

У меня тут же пересыхает в горле. Я вижу ее соски. Грудь небольшая, но стоячая, упругая. Эта уродская белая ткань вообще ни хрена не скрывает.

Ситуация так себе. В узких джинсах становится тесно и жарко.

— Блин, предупреждать надо! — первой отмирает Ульяна и скрывается в коридоре.

Вот это девчонка! Отпиваю кофе, чтобы смочить горло. А Маша только похихикивает.

— Классный прикид! — кричу вглубь коридора, и тут же готов сам себя придушить. Идиот, бл*дь, че ляпнул!

— Пошел ты! — прилетает в ответ.

Через пару минут моя соседка возвращается в махровом белом халате.

— Что ты здесь делаешь? — тон нервозный.

Волосы разбросаны по плечам, потемневшие от влаги, как и ее глаза.

— Ульян — ставлю кружку на стол и подрываюсь с места. — Я хотел тебя пригласить покататься на мотоцикле — делаюсь охренительно серьезным, еще фрака не хватает для полного официоза.

Стоим друг напротив друга. Она ниже. Меня дурманит от запаха цитрусового геля для душа, исходящего от нее. У меня и без того мозги не разгребают уже.

— У тебя есть мотоцикл? — растерянно спрашивает Ульяна, придерживая рукой полы халата на груди. — Что-то не видела, чтобы ты на мотоцикле катался.

— Ну, он на подземке стоит обычно.

— Ааа — кидает взгляд на подругу. — Не знаю, я хотела...

— Давай трескай яичницу — перебивает ее Маша. — А я пойду собираться. Мне домой пора. — и я мысленно ее расцеловываю.

Переглядываемся с Ульяной, когда Маша проныривает мимо нас в прихожую.

— Это ничего не значит — выдаю прямо ей в глаза, когда остаемся одни, и на автомате подаю вперед на шаг.

— Ничего не значит? — вопросительно переспрашивает Ульяна.

— Просто покатаемся. Развеемся, если, конечно, у тебя нет планов. Погода потрясная. Солнце. Тепло. Да и мот я давно не выгонял.

Проходится взглядом по лицу. Мой кадык непроизвольно дергается. Она — первая девчонка, перед которой я так тушуюсь. Даже Светка, моя бывшая, не вызывала такой трясучки в ногах.

— Хорошо — кивает Ульяна.

У меня дыхалку спирает.

— Хорошо? — повторяю, как идиот.

— Да — улыбается.

— Ну, тогда я подожду тебя у подъезда. Собирайся — просачиваюсь мимо нее. Одеревенелыми пальцами зашнуровываю ботинки и буквально вылетаю из квартиры.

Ульяна

Выходим из подъезда вместе с Машкой.

— Ладно — приобнимает подруга и чмокает в щеку, сразу протирая след. — Потом все расскажешь в мельчайших подробностях — заглядывает на меня и поигрывает бровями.

Вот, прибила бы. Это вообще все из-за нее. Сейчас бы лежала себе спокойно в кровати, смотрела сериал. А тут...

Маша взмахивает рукой напоследок и проносится мимо Кирилла, восхищенно осматривая мотоцикл, в сторону белой элантры со значком «Такси».

— Ну, и что дальше? — говорю Кириллу и сцепляю руки на груди.

Парень растягивает губы в довольной улыбке и снимает с руля шлем. Подходит ко мне, застывшей посередине тротуара.

— Давай, помогу закрепить.

От него пахнет туалетной водой с морскими нотками, свежестью и чем-то сладким. Наблюдаю как пальцы расстегивает ремешок, медленно натягивает мне, чтобы не испортить прическу и скрепляет ремешок под подбородком. Финальным штрихом опускает стекло на глаза, а затем надевает свой.

— Держись за мою спину. Крепко. Иначе слетишь, поняла?

Киваю.

Кирилл первым усаживается за руль и ждет меня. Я неловко перебрасываю ногу через сидение и пристраиваюсь позади парня. Ставлю ноги на подножки и обнимаю его за талию, скрепляя пальцы в замок.

Оглушающий рык мотора, и мы буквально срываемся с места. Сильнее прижимаюсь к широкой спине, чтобы не улететь назад.

Кирилл пригибается ближе к рулю, и я за ним. Лавируем между машин и набираем скорость на трассе. Шлем мешает ощутить чувство полета в полной мере, зато позволяет не щуриться, а смотреть по сторонам, пока несемся на скорости.

Мне нравится. Да, мне, определенно, нравится. Адреналин, восторг и чувство свободы. Обгоняем поток, вклиниваемся в ряд на светофоре, а потом снова рвем с места.

Кирилл ведет уверенно, резко, на пределе.

Мальчик с секретами.

Пролетаем кольцо и спускаемся на развилке к набережной вдоль реки. Набережная усеяна народом, гуляющим в прекрасную весеннюю погоду.

Пролетаем вдоль и на перекрестке сворачиваем к каналу. Кирилл заруливает на площадку, где расположен небольшой передвижной фургончик.

Мотор глохнет. Отлипаю от парня, когда он снимает свой шлем и проводит рукой по волосам, отбрасывая темно-русую прядь с лица.

— Ну, как? — хитро оглядывается на меня, сдерживая в уголке губ довольную ухмылку.

— Круто — снимаю шлем. — Правда, круто — и улыбаюсь в ответ.

— Будешь кофе и что-нибудь поесть? Можем, посидеть у реки.

Киваю в ответ.

Кирилл ставит мот на подножку и слезает.

— Подожди здесь.

Сам уходит к фургончику. Оглядываюсь по сторонам. Здесь много молодежи. Мне вообще нравится это место, после реконструкции. Через несколько минут Кирилл возвращается с подставкой под два стакана с кофе и хот-догами в другой руке.

— Давай, я отгоню мотоцикл. Подержи пока — протягивает мне еду и стаканы.

— Ага — забираю еду и жду. Пока он отгонит мот ближе к стоянке.

Спускаемся ближе к реке и усаживаемся на деревянные ступени, ведущие прямо к воде.

Я давно вот так вот не выбиралась гулять, особенно с парнем. Все больше пафосные рестораны и клубы. Но мне нравится.

Кофе обжигает язык. Довольно потягиваю из стакана и закидываю голову к небу, щурясь на солнце.

— Хороший день сегодня.

Кирилл уже доедает свой хот-дог.

— Я же говорил. А то сидела бы дома.

Фыркаю.

— С чего ты решил, что я сидела бы дома?

Кирилл пожимает плечами.

— Раз поехала со мной, значит ничего сегодня не планировала. Или ты пожертвовала своими планами ради меня, а? — косится, прикрывая на солнце один глаз.

— Ничем я не жертвовала — вгрызаюсь в свой хот-дог и отворачиваюсь в сторону реки.

Вдалеке плывет теплоход и несколько парусных лодок. Красиво.

Становится тепло, и парень скидывает куртку, оставшись в одной черной футболке.

Ему определенно идет такой образ. Я бы даже сказала, что он его взрослит. Мимо проходящие девчонки тоже косятся в сторону парня, вальяжно развалившегося на лавке, подставляя лицо солнечным лучам.

— Почему ты вчера не подошел? — спрашиваю в лоб.

Кирилл приоткрывает глаза. Солнце высветляет их до желтого оттенка.

— А ты бы хотела, чтобы я подошел?

— Господи, Кирилл — потираю лицо. — Ничего я не хотела, просто мы все же знакомы, мог бы поздороваться.

— Ну, так я потом подошел. Это ты решила свалить.

— Ладно — решаю перевести тему. — Расскажи лучше, чем будешь после школы заниматься. Планы есть у тебя?

— У меня гранд в технический университет.

— Да? — удивляюсь. Не подумала бы. Совсем не похож на задрота. — И на кого будешь поступать?

— Факультет информационной безопасности.

— Блин, круто — я немало удивлена. Действительно, мальчик с секретами.

— А ты? Где учишься?

— Ну — сминаю обертку от хот-дога и засовываю в пустой стакан. — Я учусь в лингвистическом на переводчика французского.

— Ух, классно — в его глазах мелькает интерес. — Почему именно французский?

— Просто, это единственный предмет, где я была лучшей в классе. Мне легко давался французский в отличие даже от того же английского. Учительница, нервная женщина с сигаретой в зубах, постоянно хвалила меня и выделяла среди остальных. Даже на олимпиаду посылала, где я заняла третье место. Мне нравилось, что я лучшая, что у меня хоть что-то

получается. А потом после восьмого французский убрали из обязательной школьной программы и включили, как факультатив. На него я пришла единственной из параллели. Факультатив вскоре прикрыли, а я решила и дальше заниматься французским. Как-то так.

— А сейчас не жалеешь? Нравится?

— Нравится. Планирую даже пока подрабатывать переводами.

— Скажи что-нибудь. Французский очень красиво звучит.

Я смущаюсь. Он так смотрит, откинувшись назад на ладони, упирающиеся в края лавки.

— Ладно — вспоминаю стихотворение.

Mon triste coeur bave à la soupe,

Mon coeur couvert de caporal:

Ils y lancent des jets de soupe,

Mon triste coeur bave à la soupe:

Sous les quolibets de la troupe

Qui pousse un rire général,

Mon triste coeur bave à la soupe,

Mon coeur couvert de capora!*

— Охренеть — выдает парень. — Красивый язык. И ты красиво говоришь. В смысле у тебя обалденное произношение. И вообще... Ладно — заправляет волосы за уши. — Короче, круто.

— Спасибо — склоняю голову на бок.

* Стихотворение "Le Cœur Volé" — Arthur RIMBAUD.

Время летит так быстро. Кажется, мы проболтали целую вечность, как будто давно знакомы. Прошлись вдоль набережной до самого стадиона. С ним легко общаться. Кирилл ничего из себя не строит, не боится показаться смешным или спросить то, о чем не знает. Это подкупает. Он настоящий. Может, когда нам восемнадцать, мы все такие, просто не замечаем. Это уже потом обрастаем надуманными стереотипами, напяливаем маски, выстраиваем свой образ, засовывая глубоко внутрь настоящее «я».

— Слушай — вздыхает Кирилл, когда стоим у перилл, ведущих к лестнице, спускающейся прямо к воде. — Надо бы обратно двигать, а то у меня Вилли напрудит где-нибудь опять.

— Вилли? — кошусь на парня. — Это тот противный пес?

— Не, он нормальный, просто немного нервный. Знаешь, Вилли у нас всю мебель подрал дома, и мама постоянно на него за это орет. Тут у кого угодно нервы сдадут.

— Ну, тогда пошли, а то и, правда, напрудит — улыбаюсь в ответ.

Идем рядом. За все время нашей прогулки Кирилл не пытался приблизиться, взять за руку, обнять и уж тем более поцеловать. Все, как и обещал. Хотя я понимаю, что нравлюсь ему. Этот парень точно запал. И зачем я вообще с ним поехала, сама себя не понимаю. Для чего только ввязалась в эту дурацкую игру, в которой все равно не будет победителей. Даже тоской на сердце отдает.

— Уль! Маркова! — кричит позади знакомый голос.

Оборачиваюсь. Следом семенит мой однокурсник Дима Козырев. Мокрая мечта многих девчонок нашего университета и местный мажор. Я вообще не понимаю, что он забыл на нашем курсе, потому что очень выделяется среди других парней — утонченных и творческих. Козырев больше смахивает на звезду американского футбола, чем на будущего переводчика, хотя знает несколько языков и шпарит на них так, что многим и не снилось.

На нем белая толстовка с капюшоном и широкие голубые джинсы. Одежда, как всегда, брендовая, дорогущая и отлично сидит на его спортивной фигуре. Парень ерошит темные волосы.

Рядом с ним Ромка Крайнов, такой же мажор с редакции. Они часто тусуют вместе и устраивают чумные вечеринки, которые я перестала посещать, как только начала встречаться с Артемом.

— Привет — Козырев с хитрой ухмылкой разглядывает сначала Кирилла, а потом с удивлением меня. — Гуляешь?

— А, да — кошусь на своего спутника, который сцепил челюсти так, что еще немного и зубы заскрипят.

Представляю Кириллу парней, чтобы он немного выдохнул, а то уж совсем смотреть невозможно.

— Где этот твой псих? Девчонки болтали, что ты с ним рассталась.

Психом он называет Артема. Дело в том, что как-то раз мы стояли с Димкой возле университета и просто болтали. Козырев показывал мне видео с вечеринки на телефоне. Мы смеялись. Как раз в этот момент подъехал Артем и устроил потасовку с мордобоем.

— Да, расстались — подтверждаю слова, а сама перебираю в памяти, кто бы мог разболтать.

— Слушай, тогда, может, в следующую субботу придешь к нам на тусовку, как раньше? Весело же было, да? — переглядывается с Крайновым, а потом снова на меня. Черные глаза хитро искрят.

Блин, и как не вовремя эта встреча. Козырев такой дотошный, так и жду от него того самого вопроса.

— Может быть — вежливо улыбаюсь. — Ладно, ребят, мы пойдем. Увидимся.

— Погоди — останавливает нас Димка. — А ты друг ее что ли или родственник? — Козырев все же допытывается до Кирилла, и у меня спину холодом обдает.

— А что, похож на родственника? — с вызовом во взгляде задает вопрос тот.

— Ну, тогда друг? На ее парня ты, явно не тянешь, чел — ухмыляется Козырев, надменно окинув Кирилла с ног до головы. — Тебе лет то сколько?

Чувствую, как краснеет моя смуглая кожа. Жесть.

— Ты что ли тянешь? — кивает подбородком Кирилл.

Дело плохо. Хватаю его за рукав.

— Кирилл — мой друг. Мы живем в одном доме — уточняю и тяну парня за собой. — Дим, мы спешим, пока!

— Ага, пока!

Как только отходим на несколько шагов, Кирилл выдергивает руку из моей хватки и ускоряет темп.

— Ты чего взбесился? — пытаюсь не отстать.

— А какого хрена он о себе возомнил?

— Блин, а ты как думаешь? Ты еще школьник, мне же осталось учиться два года в универе. У нас разница в возрасте, вот ему и стало интересно, кто ты.

— Он так смотрел на тебя. Ты пойдешь на вечеринку?

— Кирилл, это мое дело идти мне туда или нет.

— Он переспать с тобой хочет.

Вот и подъехала ревность.

— Ты считаешь, что со мной можно только так? Переспать?

— Что? Нет — убирает волосы назад. — Блин, я не это хотел сказать — обгоняет и встает напротив. — С тобой как раз так нельзя. С такими девушками, как ты, хочется чего-то серьезного. Но этот парень явно не настроен встречаться, уж поверь. Просто секс, и все.

— И? Не он один так настроен. Но это не значит, что я позволю. И зачем ты вообще мне это говоришь? Я не наивная школьница.

Кирилл лишь ухмыляется в ответ, уловив намек, и уходит вперед.

Возвращаемся ближе к шести. Разжимаю затекшие пальцы на его талии. Кирилл слезает первым и помогает мне снять шлем. Волшебная атмосфера, установившаяся между нами, до встречи с однокурсниками рассеялась, как туман, и оставила после себя только неловкое молчание.

— Спасибо, было круто. В смысле, кататься на мотоцикле — говорю, заглядывая в медовые глаза.

— Да, было круто — повторяет за мной, тяжело вздыхая.

— Ты не пойдешь? — кивая головой в сторону подъезда.

— Мне сначала нужно мот отогнать на стоянку.

— Ладно, тогда пока — пару секунд мнусь на месте и собираюсь ступить на тротуар.

— Ульян — зовет меня, чуть склоняясь к лицу. — Ты сказала этому парню, что я тебе

друг, хотя сама совсем недавно затирала, что между нами не будет этого, типа, «привет, как дела?», но сегодня ты поехала со мной.

Хмурюсь в ответ.

— Просто развеяться — оправдываюсь. — Блин, не знаю, Кирилл. Я сказала это, чтобы Козырев отвязался. И в дружбу между парнем и девушкой не верю. Я сама не знаю, зачем согласилась, извини.

От него приятно пахнет ветром и гелем для душа. Волосы в беспорядке обрамляют красивое лицо, выражение которого тут же становится жестким. Не юношеским, а совершенно мужским.

Кирилл, глядя мне в глаза, надевает на голову шлем, задвигает стекло и садится за руль. Мотор ревет, и мотоцикл трогается с места.

Все так и должно быть — пытаюсь успокоить грохочущее внутри сердце. Глупо отрицать, что он мне нравится, и общаться с ним было очень легко и приятно. Я тоже ему нравлюсь. Там столько всего в этих медовых глазах намешано, потеряться можно.

Но кому нужна такая игра...

Кирилл

Друг, мать вашу! Какой же из меня друг? Я во френдзону не напрашивался.

Ульяна постоянно намекает на свой возраст. К чему тут это дерьмо — не пойму. Три года. Скоро я тоже буду студентом, посмотрим, как запоет.

Взрослая. Двадцать один всего, а раздула, будто между нами лет десять, не меньше.

Гоняю, гоняю, гоняю в мозгах по кругу, пока плетусь обратно домой. Парни зовут на тусу, но я сегодня точно мимо. Завтра к первому уроку, а вечером возвращаются родители, нужно хоть немного прибраться.

Но, по итогу, после ужина просидел на странице Ульяны в соцсетях и нихрена не сделал.

Просыпаюсь с деревянной головой, потому как уснул только под утро. Ворочался, ворочался, бродил из угла в угол. Бомбило, потому то она совсем рядом, всего на пятнадцать этажей выше, чем-то занята, а, может, уже спит в отличие от меня.

"Извини", "Не думала" — простые отмазы. Но я же чувствовал, что Ульяне тоже было хорошо, тогда какого черта все так закончилось? И все из-за того мудака с ее универа.

Перед школой зависаем у ворот, как обычно. А я все таращусь на тротуар, не идет ли она на остановку.

И какого хера я так влетел! Совсем рядом стоит Кристинка. Красивая, смешная, умная. фигура вообще зачетная.

— Чел, че у тебя с фейсом? — треплет меня за щеку, как младенца, Макс Воронов или просто Маха, так его все называют. Уж не помню, откуда взялась такая кринжатина, но прозвище конкретно прижилось.

— Отвали — смахиваю его руку. — Не выспался просто.

— С чего не выспался то? Кстати, зря вчера с нами не пошел. Ленка из "бэшек" накидалась и танцевала на столе. До трусов дошло. Бл*, ты бы видел Димаса, когда он ее стаскивал, а потом их разнимали. — ржет Толян.

— А еще кто-то в сеть залил ее танцы — Кристинка так говорит, будто сама никогда не накидывалась до свинячего визга. — Думаю, Дима Леваков теперь ее точно бросит.

— Да, ну — закатываю глаза. — Они на каждой тусовке срут, а потом свободную комнату ищут.

— Но вчера Лена, явно, перегнула — потягивает свой кофе Кристина.

И почему меня сейчас все бесит?

— Подвигали, скоро уже физика начнется — обращаюсь к остальным и подношу к замку магнитный ключ. Оглядываюсь напоследок и захожу на территорию.

Нагоняет Кристина и равняется со мной.

— Кир, а если честно, почему не пришел? И вообще ты какой-то не такой последнее время стал.

Кошусь на девчонку и прячу руки в карманах бомбера.

— Все такой же.

— Золотой — окликает Маха. — Может, все дело в той милфе, за которой ты на остановку посеменил, когда мы возле школы стояли?

— Какая она тебе милфа, придурок!? Ей двадцать один.

— Ааа, припоминаю, я вас еще с ней в клубе возле гардероба видела. Это та самая, Кир?

— Та самая, и что? Мы с ней соседи — начинаю агряться.

— Ничего — сникает Кристинка. — Просто спросила — и обиженно утопывает вперед. Че за хрень?

Смотрю, как девчонка ускоряет шаг и скрывается за дверью школы.

— Чел, ты бы перестал с ней играть — равняется со мной Толян.

— А когда я с ней играл? — заходим в главный вестибюль.

— Ну, ты на вечеринке у Барса обжимался с ней и в клубе тоже, а потом с другой мутишь.

Вот это уже реально бесит.

— Кристинка сама лезет, хоть я ей и говорил, что между нами ничего серьезного не будет. И ты это знаешь, че за предьявы сейчас? Мы просто дружим.

— Ага, и сосемся — не унимается Толян.

— Я с ней не сосался! Вот реально заеб*л!

— Золотой, так ты мутишь с той своей соседкой или нет? — просовывается между нами Маха, когда добираемся до раздевалки.

— Или нет. Вы че докопались с самого утра? — рычу на этих двоих, чтобы отлипли.

Вот если день не задался, то выдыхай. Это будет длиться до последнего. Не парься.

— Золотарев! — смотрит из-за под очков физичка. — Иди к доске, разбирать домашнее задание будем.

Точно, с самого утра не поперло.

После школы тащусь домой, чтобы выгулять Вилли. Родители писали, что вернутся не раньше шести. Так что есть время сходить в тренажерку.

И как раз в тот самый момент, когда убираю за псом говно в пакет, из-за угла вырывается Ульяна. Ладно хоть не на несколько секунд раньше появилась.

Сегодня не при параде. В широкой толстовке, джинсах и с хвостом на голове. Но мне так даже больше заходит.

— Привет — здоровается первой.

Вилли, как обычно, принимается тявкать.

— Привет — убираю руку с дерьмом за спину. — С учебы идешь? — дергаю Вилли за поводок, подалеже от нее.

— Ага.

Стоим друг напротив друга, и разговор явно не клеится. Не то, что вчера.

— Кирилл, ты на меня обижаешься? — Ульяна смотрит так серьезно.

— А тебя это парит?

— Ну — щурится от солнца. — Если честно, да.

Ого, не ожидал.

— Все нормально.

Ульяна тут же улыбается, обнажая зубы.

— Точно? — спрашивает и кидает взгляд на пса, который совсем разбушевался.

Рявкаю на него, чтобы заткнулся.

— Расслабься, без обид — тоже пытаюсь улыбнуться, но выходит как-то кривовато.

На самом деле ни хрена не нормально. Меня бомбит, но, чтобы не выглядеть перед ней обиженным сопляком, я держусь ровно.

— Ладно, тогда пока.

Да, вот и поговорили. Смотрю, как Ульяна скрывается в подъезде, и настроение скатывается до нуля.

Возвращаюсь домой. Быстро рассовываю вещи по местам, перекусываю бутерами и принимаюсь за уроки, чтобы не думать о нашем зашкварном разговоре.

Не замечаю времени, как на пороге квартиры появляются довольные и загорелые родители.

— Сынок — тянет ко мне руки мама, когда появляюсь в коридоре.

Обнимаю в ответ, а в ногах тут же прыгает Вилли.

— Виллюша — отрывается мама и присаживается на корточки, тиская пса.

— Привет, пап — здороваюсь с отцом.

— Привет, привет — хитро тянет и оглядывается по сторонам. — А ты молодец, квартира цела, уже достижение.

— Ну, как вы тут? — спрашивает мама, а сама зацеловывает Вилли.

— В целом, нормально — чешу затылок затылок и плетусь за ними в гостиную.

— Сейчас покажем, что привезли, зацени — заговорчески сообщает мама и открывает чемодан, полный сувениров.

До позднего вечера болтаем с родителями и заказываем пиццу, чтобы ничего не готовить.

Ульяна

Всю неделю сухой кивок головой при встрече. Пару раз сказал "Привет", когда в упор в магазине пересеклись. Все. Стыдно самой признаться, что ждала от него большего.

Иногда вспоминаю нашу прогулку, и то чувство легкости, которое испытала от общения с ним, будто мы целую вечность знакомы.

Но Кирилл все делает правильно, к чему нам эта интрижка? Потому что встречаться с ним я точно не буду, а он, вроде как, совсем не планировал со мной просто дружить.

После пар решили с девчонками заглянуть в кофейню через дорогу от универа.

Аня, как заведенная, трещит про своего татуированного Матвея из клуба. Они теперь встречаются. А Дашка мечтательно вздыхает, подпирая ладонью лицо. Я тоже пытаюсь выключиться в суть рассказа, но тут же понимаю, что этот Матвей чем-то меня отталкивает. Даже тогда в клубе стало не по себе от его взгляда. По энергетике он похож на Артема, а это совсем не гуд.

— Кстати — отмирает Даша — вас сегодня Козырев на свою вечеринку случаем не приглашал? Мне в чате написал, я чуть не профигела. Давно ведь уже не зовет. У него теперь своя тусовка, девчонки другие.

— Какие другие? — встревает Маша.

Даша закатывает глаза.

— Варвина, вчера родилась что ли? Другие, это значит, не нашего круга. Там каждая вторая с самого рождения свою задницу по несколько раз в год на Мальдивах греет — вздыхает. — Эх, жалко его сегодня на парах не было, а то бы спросила, не попутал ли чего?

— Да, я тоже подумала, что шутка — соглашается с Дашей Аня. — Даже не ответила ничего.

Машка расстроено надувает губы, видимо, и ее Козырев пригласил, а теперь подруга сомневается.

Про нашу прогулку с Кириллом я рассказала ей в двух словах и о встрече с Козыревым решила умолчать. Ни к чему эти подробности.

— Да, ладно, вам. Все там у него нормально — решаю вмешаться в спор, а то все заметно потухли. — Мы на прошлых выходных пересеклись с Димой на набережной, поболтали немного. Вспомнили вечеринки. Он обещал позвать, вот и пригласил.

Машка округляет глаза.

— Только не говори, что это в тот самый день, когда ты гуляла с...

Делаю такой взгляд, что Машка тут же пресекается.

— С давними знакомыми из школы — придумывает на ходу.

Я запретила Машке болтать про нас с Кириллом девчонкам, потому что совершенно не о чем. Просто лишний раз языками почесать, а я не хочу. Ничего же не было по сути.

— Да, в тот самый — отвечаю ей, отчего подруга тут же поджимает губы, потом оглядывает всех сидящих за столом и оживляется. Глаза загораются.

— Ну, и кто пойдет? — задает вопрос нам и барабанит острыми ногтями по столу.

— Я только «за» — сразу же отвечает Даша.

— А я не пойду — тут же сникает Аня. — Матвей точно на такую тусу не отпустит.

— Он тебе папочка что ли? Ты у него теперь отпрашиваешься? — возникает Машка. —

Кого-то мне это напоминает — и косится на меня.

— Ага — поддакивает Дашка.

— Нет — мотает указательным пальцем Аня. — Не приплетайте сюда Улькиного Артема. Мой Матвей вообще не такой. Он добрый, ласковый и очень заботливый.

— Будто, ты знаешь, каким был мой Артем — перебиваю подругу. Меня задел ее тон. — Сначала совершенно таким же: добрым, заботливым и ласковым. Просто не любил, когда я ходила на тусовки без него. Собственно, поэтому я и перестала на них ходить. И когда почувствовал, что смог мне что-то запретить, стал затягивать поясок посильнее.

— Все, хватит — рывкает Аня. — Я просто не хочу туда идти.

— Как знаешь — многозначительно вздыхает Машка. — Уль, а ты? — переводит на меня внимание.

Задумываюсь, стоит ли идти туда. Ну, а что такого? Буду держаться вместе с девчонками, может, пофлиртую немного. В конце концов, я теперь свободна и могу себе позволить вечеринки. К тому же Кирилл... Ладно, о нем лучше вообще не вспоминать. Дура я, что-ли?!

Решаем с девчонками вечером встретиться у Дашки, чтобы немного разогнаться. А потом уж на вечеринку.

Дома я успеваю даже перевести пару статей для одного сайта, принять ванную и приготовить на завтра куриный бульон на случай тяжелого похмелья. Меня всегда только он на ноги ставит, больше ничего не помогает. Ну, разве что сон. Но это, конечно, в наше время роскошь.

Первым делом выпрямляю волосы, потом принимаюсь за макияж, а потом с растерянным фейсом стою перед шкафом в раздумьях — в чем же пойти.

Публика у Козырева и в самом деле будет непростая. Он парень богатый, мажор, и знакомые у него под стать. Конечно, будет много ребят из университета, но все же хочется выглядеть, если уж не на высоте, то хотя бы на уровне. Вспоминаю про темно-зеленое платье с бретелями в виде цепочек, которое Артем привез мне из Италии. Он плел, что платье безумно идет к моим глазам, поэтому и купил. Какой-то японский дизайнер. Очень эффектное, но и не вызывающее. В общем, что надо.

На улице уже довольно тепло, даже по вечерам. Сказывается подступающие вовсю лето.

Сверху решаю накинуть широкую джинсовку. И только мне удалось отыскать ее в шкафу, как в дверь звонят.

Блин, ведь договорились же у Дашки, да, и трель домофона я не слышала.

Смотрю в глазок, и кровь приливает к щекам. Чего он тут забыл?

Приоткрываю дверь и удивленно вскидываю брови.

— Ну, привет — развязно тянет Кирилл.

Не узнаю его. Он пьян? Стоит, опираясь о косяк.

— Привет — осматриваю его с головы до ног, а внутри тук-тук, бах-бах по вискам, по барабанным перепонкам.

Кирилл подстригся, и теперь волосы достают ему до середины ушей, падая в беспорядке по обеим сторонам от лица. Это выглядит так... Не знаю... Остро.

На нем голубые джинсы — бананы, белая футболка и клетчатая рубашка нараспашку.

— А я помню про твою вечеринку сегодня — он так рассматривает мое платье, будто на мне его и нет вовсе.

Глава 10

— Ну, раз помнишь, зачем пришел? Я опаздываю.

Открываю обувницу, чтобы отыскать подходящие ботинки, и в этот самый момент слышу, как щелкает замок изнутри.

Вскакиваю, как ужаленная, но Кирилл уже внутри. Прячет украденные с полки ключи к себе в задний карман джинсов.

Мысль о том, что нужно бы сделать дубликат периодически меня посещала, но пока дело дальше не сдвинулось. А зря.

— Блин, Кирилл не смешно, дай сюда — требовательно протягиваю к руку, но тот лишь мотает головой, криво ухмыляясь.

— Ты ради этого парня туда идешь? Он тебе нравится?

— Дай сюда! — взвизгиваю на него в нетерпении.

Пьяный идиот.

— Он. Тебе. Нравится? — повторяет по словам.

У него длинные ноги. Делает шаг, и вот мы уже соприкасаемся лбами. Чтобы смотреть на него, приходится голову задрать.

Меня трясет, не то от злости, не то от чего-то еще, такого безумно волнующего.

— Дай. Сюда. Ключи — требую в его манере, также разделяя слова.

Смотрит свысока, еще и подбородок задирает. Губы расплываются в хмельной улыбке. Весело ему, козлу.

— Отбери сама — разводит руки в стороны. — Видела же, куда положил.

Думает, я стушуюсь? Ха, как бы не так.

— Детский сад развел — бубню в ответ и тянусь к заднему карману на его джинсах.

Кирилл замирает, и с лица пропадает вредная ухмылка. Становится серьезным. Дыхание срывается, когда забираюсь рукой под футболку и рубашку, нащупываю карман и ныряю внутрь.

Приоткрывает рот, когда я цапаю ключи, не сводя с него глаз. У Кирилла зрачок полностью затопляет медовую радужку, и в этот самый миг он хватает меня за ту самую руку, дергает на себя и, обнимая за талию, прижимает к себе вплотную. Ведет назад, пока не натыкаюсь на стену, и упирается руками напротив моей головы.

Я в капкане. Он дышит рвано, как после пробежки. Я тоже. Мне некомфортно, неловко находится так близко с ним. Но вместе с тем сердце бешено колотится от предвкушения.

Кирилл еще мальчик, но сейчас совсем не похож на такового. Сейчас его потемневшие глаза говорят совсем об обратном.

— Ульян, не ходи туда. Останься.

Кирилл произносит мое имя, обдавая слух хриплыми нотами. Волна несется по телу, закручиваясь внизу живота.

Его приоткрытый рот напротив моего. Он пахнет апельсинами, коньяком и полынью.

— Что мне с тобой делать? В танчики играть? — выдыхаю ему в губы.

— Останься и узнаешь.

Едва уловимое касание, и меня простреливает до кончиков пальцев.

— Сейчас укушу — рычу. — Пусти.

— Кусай — шепчет в ответ. — К нему собралась? — парень вжимается в меня всем

телом.

— А если и к нему, то что?

— Не пуцу — задевает теплыми и сухими губами.

— Зачем ты опять начинаешь? Мы же вроде все решили — смотрю в потемневшие глаза, отклоняясь головой к стене буквально вжимаясь затылком, лишь бы увеличить расстояние от его лица.

— Это ты решила, я не решал. И ничего еще не начинал.

Снова приближается и мажет губами по щеке. Горячее дыхание щекочет кожу, когда Кирилл откидывает мои волосы, открывая шею, и касается ее.

Накрывает руками оголенные плечи — я так и не успела накинуть джинсовку. Задевает тонкие цепочки, и меня накрывает паника. Как ни крути, Кирилл — парень, и он сильнее. К тому же еще и пьян.

— Отпусти, я серьезно.

— Нет — его голос срывается на хрип.

— Не будь мудаком — шиплю в ответ. — Никогда тебе этого не прощу.

Кирилл тихо выругивается и отступает, убирая руки в боковые карманы.

— Ладно — говорит, а у самого глаза затуманены — Я уйду, вали, куда хочешь.

— Вот и отлично — перевожу дух, хватаю куртку и пытаюсь дрожащими пальцами застегнуть молнии на ботинках.

Кирилл никак не уходит. Вижу его найки возле себя. Так и стоит на месте.

Наконец, справляюсь с молниями и поднимаюсь. Разжимаю онемевшую ладонь, в которой прячутся ключи, и вставляю в замочную скважину.

Но спина огнем горит. Кирилл опять подобрался слишком близко. Стоит позади и дышит мне в висок.

— Думаешь, я ради секса пришел?

Ухмыляюсь, мотая головой, и проворачиваю ключ.

— А разве нет?

— Нет. Ты мне нравишься... По-настоящему, сильно. Я... Я не знаю, как себя вести рядом с тобой. Сам себя не узнаю.

— Уже научился лапшу развешивать — хмыкаю в ответ и толкаю дверь

— Да, бл*дь! — Кирилл резко тянет ее на себя. Та с грохотом захлопывается, а меня придавливают к деревянной поверхности.

Один миг, и его ладони на моих щеках. Один миг — и его губы касаются моих. Грубо, с надрывом, сминая. Он зол.

Мозг все понимает. Но ноги становятся ватными, а в животе гул, и тело сводит судорогой от возбуждения.

Я уже думала о таком с его участием, представляла, но гнала глупые фантазии прочь из своей головы. Потому что у нас совсем нет будущего. Мы — разные, цели разные. А просто перепихон мне неинтересен. Мне нужны чувства, отношения.

Не по годам умелый язык развигает губы, больше не встречая на своем пути сопротивления. Потому что мой разум заволокло желанием. Он крышесносно целуется. Мне нравится его вкус, его руки, которые уже сползли вниз по плечам, и теперь сжимают талию. И эта энергия... Сводит с ума. Рвет на части.

Его ширинка упирается в низ живота, и я уже сама запускаю руки в непослушные, мягкие волосы. Перебираю пряди, хватаюсь, сжимая в пальцах.

Я потеряла счет времени. Сквозь туман слышу, как надывается в сумочке телефон. Раз, два, три. Потом снова.

Упраюсь ладонями Кириллу в грудь.

— Такси, наверное. Мне нужно идти.

Наше дыхание разрывает тишину. Потом снова звонок.

Кирилл отсраняется и смотрит, как я хватаю с тумбочки сумку и достаю телефон.

— Да — рявкаю в трубку.

— Если ты минут через двадцать не подъедешь, мы сами к тебе выдвигаем, поняла? — захмелевшим голосом выдает Дашка. На заднем плане грохочет музыка и смех девчонок.

— Еду я уже. Скоро буду.

Кирилл смотрит с осуждением, даже брезгливо. И мне тошно от того, что позволила себя целовать, трогать. Будто, дала зеленый свет, а теперь по-тихому сваливаю. Со стороны, наверное, так это и выглядит.

Кирилл

Просто, пошла нахрен!

Продажная сучка!

Ненавижу таких!

Думал, Ульяна не такая, хотя кого я обманывал. Ведь знал, с каким перцем до этого встречалась.

Вызваниваю пацанов. Предки свалили на дачу, так что можно продолжить веселье до самого понедельника.

Рыжий обещает привести подружек, с которыми недавно в клубе замутил. Вот это то, что надо.

Скидываю рубашку комком в шкаф и остаюсь в одной футболке. Жарко, душно, хреново. Нахожу в значке сигареты и выхожу на балкон. Переписываемся, сколько алкахи прикупить. Ну, и закуски там какой.

До начала веселья убираю из гостиной все ценные, бьющиеся предметы, которые мамы привозит из путешествий. На кухне нахожу залежи Принглс и луковых колец.

Первыми подружили Маха и Толян, за ними подтянулись Димас с Ленкой, без нее он никуда не ходит. Говорил же, помирятся. С ними всегда так, сначала разлаются почти до драки, потом затрахаются до смерти.

Следом пришли Барс и Рыжий с четырьмя девчонками. Ну и напоследок остальные, с кем мы сегодня бухали в "Эльфе".

Сразу отмечаю одну из девчонок. Миниатюрная брюнетка с зелеными глазами, больше напоминающими цветные линзы. Да, и похрен.

Ее зовут Катя. И, оказывается, это не линзы. Она не похожа на остальных девчонок. Не ржет, как идиотка, над совершенно убогими шутками Барса. Не кокетничает с пацанами. И вообще какая-то серьезная. Будто пришла сюда только ради спасения своих вусмерть набуханных подружек, чтобы проследить, как бы кто из моих парней не покусился на их уже изрядно заюзанную честь.

Выходим с Толяном на балкон. Затягиваюсь, и сразу ведет.

— Слушай, у меня сегодня с той блондинкой намечается. Как ее там... Алиса или Алина — блаженно выдает Толян, стряхивая в банку пепел. — Куда приземлиться можно?

— Родительскую спальню я запер, мою не юзать. Идите в отцовский кабинет. Там диван широкий.

Начинает кружиться голова, поэтому высовываюсь в окно, чтобы остудиться.

— Понравился кто? Тебе, братан, расслабиться нужно, выкинуть из головы эту свою студентку.

Снова затягиваюсь.

— Викинул уже. Пофиг на нее. И мне Катя понравилась.

— Эта брюнетка в желтой футболке? Классная, только странная. Сидит, бычит, и фейс, как у королевы, мать ее, английской.

— В этом и кайф — вдыхаю теплый ночной воздух с примесью приближающегося лета и всеобщего пиздеца под названием ЕГЭ.

— Вот любишь ты замороченных.

Возвращаемся обратно. Нахожу Катю в окружении подруг. Они расставили бутылки и упаковки с соком на барной стойке, отделяющей кухонную зону от гостиной, и теперь мутят коктейли. Только блондинки не хватает. Толян уже успел утянуть девчонку в отцовский кабинет.

Подхожу сзади и обхватываю Катю за тонкую талию. Кожа возле пупка оголена. Большим пальцем задеваю пирсинг и описываю круг. Девчонка нервно выдыхает. От нее пахнет какими-то восточными духами. Аромат тяжелый, душный, но гипнотизирующий. Хочется втянуть воздух еще и еще.

На удивление, Катя оказалась не из робких. Не скинула руку, не оттолкнула.

Разворачивается ко мне лицом и протягивает стопку с текилой. У нее в руке такая же. На изгиб второй насыпает соль.

— Давай на раз, два, три? — щурит глаза и задирает одну бровь.

— Ну, давай — принимаю вызов.

— Раз, два...

Слизываю соль с ее руки.

— Три!

Опрокидываю рюмку залпом. Катя хватается дольку лимона. В ярко-зеленых глазах озорной блеск.

Сразу же в памяти всплывают другие глаза, но скорее болотного оттенка, мутного, с коричневым ободком по краю.

Девчонка прожевывает дольку прямо с кожурой.

Потом пьем еще и еще...

Я уже в пьяном угаре.

Танцуем под GONE.Fludd, Feduk и еще какую-то муть. Мои руки в ее волосах, таких же мягких, как и у Ульяны. Таких же темных.

Катя томно прикрывает глаза, и в этот самый момент склоняюсь ниже и целую ее, спуская руки по спине к бедрам. Сжимаю упругую задницу. Позволяет. Сама закидывает руки мне на шею.

Лимонный вкус горчит. Сцепляемся языками, девчонка вторит моим движениям, ловко подстраивается. Прикусываю нижнюю губу, зализываю. Руки гуляют по напряженной спине. Она шарится в моих волосах и стонет в рот.

Ей нравится. Мне тоже.

Но совсем недавно я поцеловал другую. Ту, с которой ничего не светит. У нее совсем другой вкус, и ощущения я словил тогда намного острее. На грани. Меня пробрало до самых костей, сердце заколотилось в бешеном темпе. Возбуждился моментально, даже пофиг, что Ульяна, наверняка, заметила. И если бы не ее чертов телефон, не знаю, смог бы тогда остановиться, потому что рядом с ней мозги сразу коротит.

— Здесь жарко — Катя отрывается от моих губ и щекочет своим дыханием мочку уха.

Отклоняюсь, чтобы посмотреть на девчонку. Хитрый прищур, щеки покраснелись. Молча беру ее за руку и веду за собой. Открываю дверь в комнату и включаю светодиодный светильник.

Катя смело заходит внутрь, осматривается по сторонам, проводит рукой по книгам на стеллажах и садится на кровать, откидываясь на вытянутых руках.

Смотрит с вызовом. Красивая и смелая. Никакая не замороченная.

— Открой окно — просит и сдувает с лица темную прядь.

Врубаю кондей.

— Ненавижу сквозняки.

Рассматривает меня, пока я медленно к ней подбираюсь.

— Ты классный и очень симпатичный. Не поверю, что девушки нет.

Останавливаюсь перед ней.

— Девушки нет.

— Хмм, и где подвох? Ты — маньяк, задрот, девственник, а, может, гей? — склоняет голову на бок и закусывает край губы.

Вместо ответа раздвигаю коленкой ее ноги, чтобы подобраться еще ближе, и очерчиваю согнутым указательным пальцем тонкое лицо, провожу по закусанной губе.

Девчонка тут же рыпается, отползает назад. Усаживается, подминая под себя ноги. Спина прямая, а в глазах какой-то отчаянный огонь.

Одним махом снимает желтую футболку, а за ней и черный лифчик. Волосы падают на голые плечи, частично прикрывая грудь, но мне все равно удастся рассмотреть.

Не больше двойки, упругая с аккуратными коричневыми ореолами и затвердевшими сосками. Катя часто дышит, глаза становятся влажными от моего взгляда.

В голове туман, а внутри выворачивает от разочарования. Но раз уж девчонка сама предлагает... Берусь за края своей футболки, цепляя за шиворот, и стягиваю через голову.

Катя тоже принимается разглядывать мое тело. На некоторое время предоставляю ей такую возможность, а потом забираюсь на кровать, упираясь в матрас коленями.

Прямо напротив нее.

Снова целую, но теперь не ошалело, как там, в гостиной, а медленно, пробуя на вкус мягкие губы. Потом откидываю назад волосы, оголяя шею. Целую возле пульсирующей жилки и осторожно укладываю девчонку поверх плюшевого покрывала.

Моя рука ползет по ребрам вверх к маленькой торчащей груди. Задеваю большим пальцем сосок, и Катя стонет, выгибаясь подо мной дугой. Зажимаю между пальцев и сминая, отчего ее кожа покрывается мелкими мурашками. Спускаюсь языком к ключицам, веду по ложбинке и смещаюсь к груди. Засасываю свободный сосок и бью по нему кончиком языка, срывая всхлипы.

Ее уже колотит, а тонкие пальцы, царапающие мою спину делаются холодными. Спускаюсь вниз, оставляя влажный след. Слегка оттягиваю зубами пирсинг в пупке и тут же целую, а руки в это время принимаются за пуговицу на джинсах.

— Погоди — вцепляется мне в плечи. — Погоди же!

Твою мать!

С трудом останавливаюсь и отрываюсь от ее тела.

Катя снова отползает, находит свои вещи и прижимает к голой груди. Глаза, как у олененка, застигнутого посередине трассы в ночное время.

— Все классно, но я не могу так быстро. Думала смогу, но нет — нервно заправляет свободной рукой волосы за острые уши.

Охренеть! Она сейчас серьезно?! У меня такой стояк в штанах. Я сейчас взорвусь просто.

— Ты мне понравился — добавляет полушепотом. — Очень. Я вообще не хотела сюда идти. Уж прости, но твои друзья — полные придурки — тараторит так быстро, что я еле успеваю за ходом ее мыслей. — Но как увидела тебя — передумала.

Ловко застегивает лифчик и ныряет в ворот футболки.

— Ты же сама сюда напросилась?

Плюхаюсь ничком на кровать, пытаюсь унять бешеное сердцебиение.

— Знаю. Хотела тебя зацепить, но...

— Хотела меня зацепить? — поворачиваю к ней голову. — Чем? Сексом?

Молча кивает и закрывает руками глаза.

— Блин, я такая дура, прости.

На самом деле дура, но все же что-то в ней меня задело.

— Ладно, забей. Если хочешь, можем просто потусить в моей комнате, или пойдём к остальным?

— Нет, давай здесь останемся — шмыгает покрасневшим носом.

— Ок, только сейчас в туалет сгоняю. Сама понимаешь...

Пробираюсь к ванной, закрываю дверь. Открываю кран и набираю полные ладони холодной воды. Растираю по лицу. Мокрые дорожки забегают под ворот футболки, холодя кожу. Вжимаюсь ладонями в края каменной столешницы и стону в голос.

Что же за дерьмо такое...

Ульяна

Встречает нас Козырев собственной персоной. Квартира у него в престижном районе недалеко от делового центра города. Двухуровневая с собственной террасой на последнем этаже здания. Я здесь бывала и раньше, когда училась на первом курсе и еще не встречалась с Артемом.

— Я и не надеялся, что вы придете — обращается к нам, но смотрит на меня, хищно скалясь, а потом принимает добродушный вид компанейского парня и улыбается девчонкам — Заходите. Народ уже с восьми стал подгробать, а вас все не было.

— Да, мы вообще удивились, что ты нас позвал — Дашка кидает на Козырева игривый взгляд.

Раньше Димка приглашал к себе всех без разбора, репутацию зарабатывал, а потом со временем у него уже сколотилась своя компания из богатеньких мажоров и девиц, больше напоминающих моделей из мужских журналов, нежели студенток.

— Вы как-то сами перестали ко мне на вечеринки заглядывать, ну, я и отстал.

Ага, один раз стоило отказаться из-за надвигающегося экзамена, и, типа, все. Подумал, что мы сами не хотим. Охотно верю.

Складываем вещи в гардеробной, где и так целая куча наброшена друг на друга вперемешку. Главное, потом в этой куче свою куртку отыскать с пьяных глаз.

— Давайте сразу к бару — Козырев двигается прямо за мной — Эй, Славик! — свистит, помахивая Славке Новикову с нашего потока, что стоит возле огромного стола, на котором расставлены всевозможные напитки — Девчонкам организуй по высшему разряду.

Славка — парень из обычной семьи и подрабатывает барменом в очень престижном ночном клубе. А в компанию к Козыреву попал, благодаря тому, что доставал для их компашки билеты на вип-вечеринки.

Мы уже слегка навеселе, но я тут же трезвею, когда чувствую, как рука Димки приземляется на мою талию, а возле виска кожу щекочет горячее дыхание.

— Классно выглядишь, Ульяна. Я тебя ждал.

— Даже не надейся — кошусь в его сторону, когда подходим к столу с напитками.

— На что? — делает невинно — удивленное выражение лица.

— Ты понял, на что — убираю его руку.

Козырев лишь смеется в ответ, но не уходит. Славка подает ему стакан с виски, а нам готовит свои фирменные коктейли на основе джина. Горячее тепло разливается по телу, и я немного расслабляюсь.

Музыка долбит по ушам. Квартира утопает в разноцветных огнях. Кругом куча народа.

Спустя некоторое время к нам присоединяются еще две девчонки из параллельной группы и Ромка Крайнов. И вроде бы все классно, но как раньше, я себя уже не чувствую.

Почему то хочется сбежать отсюда. Смотрю на девчонок. Машка косится на Ромку, который обжимается с высокой блондинкой, Дашка в открытую флиртует с Козыревым. А я потягиваю свой коктейль и делаю вид, что совершенно не замечаю, как Дима рассеяно слушает подругу, то и дело поглядывая в мою сторону.

— По какому поводу вечеринку то устроил? — слышу обрывки разговора.

— Разве нужна причина?

— Конечно нужна, иначе это обычная пьянка.

— Тогда, считай, что это разгон перед зачетной неделей.

На нем простая черная футболка, открывающая татуировку в виде тюремной проволоки, опоясывающей левую руку, и такие же черные джинсы, подчеркивающие классную задницу.

Признаться, на первом курсе он мне нравился. Очень. Я даже мечтала с ним замутить. Но у Козырева на тот момент была девушка, с которой он встречался еще со школы, а потом я встретила Артема.

И сейчас, когда мы оба свободны, и он так на меня смотрит, можно было бы попробовать осуществить мечту. Но у меня перегорело. Димка классный парень. На самом деле классный. Вот только теперь мне уже совершенно ровно, даже мечтать неохота.

Да, и Дашка, похоже, на него нацелилась, так что решаю не мешать.

К столу постоянно подтягиваюсь новые люди, кто-то уходит. Я же прошу Славку повторить мне коктейль и выгребают на террасу.

На диванах сидят незнакомые мне девчонки. Как раз те самые, что по виду из мужских журналов. Рядом с ними кучка парней, пожирающая их глазами. Они флиртуют, смеются. Я же подхожу к перилам с другой от компании стороны и вдыхаю уже прохладный, весенний воздух.

Совсем нет настроения. И зачем Кирилл приходил только?! Испоганил мне весь настрой, даже алкоголь не помогает. Его губы, руки, а потом взгляд... Смесь злости, возбуждения и обиды. Меня к нему тянет, тянет, тянет. Но лучше не думать об этом.

Легкое платье пропитывается холодным воздухом, и кожа покрывается мурашками, плечи подрагивают.

На душе так паршиво становится, чувство вины разъедает. Ну, а что я такого сделала? Ведь правильно, что не осталась. Но этот его взгляд, как на шлюху, на ничтожество никак из памяти стереть не могу. А нужно забыть.

Пока витаю где-то в своих мыслях, пропускаю тот момент, когда на мои плечи невесомо приземляется плед.

— Сбежала?

Козырев рядом руками сжимает перила и слегка наклоняется вниз.

— Просто там душно — укрываюсь с руками, полностью закутываюсь, как в кокон.

— Ульянка, ты какая-то грустная. Где твоя улыбка? Совсем тебя не узнаю — встает ко мне вполоборота.

— Все нормально, просто коктейли у Славки убойные — беззаботно улыбаюсь, будто и вправду мне зашибись.

— Да — придвигается ближе. — Он один раз такое пойло намешал, что у меня ноги в клубе отказали. Крайнов на себе до квартиры пер.

— Тогда лучше на обычный джин перейду, а то мало ли что...

Димка смеется вслед за мной. И голос у него красивый, чистый.

— Слушай, а тот парень. Ну, когда мы на набережной пересеклись? Он на самом деле кто тебе?

Боже мой! По коже снова поползли мурашки, даже плед не спасает.

— Я же говорила, мы живем в одном доме. Случайно встретились на набережной, когда я там гуляла. И он предложил до дома подбросить.

Мне стыдно, если вдруг Козырев подумает, что я могу встречаться с Кириллом. И ничего с этим чувством не сделать, не вытравить.

— Хорошо, а то я уж думал... Просто парень так оскалился, когда я спросил — заявляет таким тоном, будто хочет уличить меня в чем-то непристойном.

Неужели, со стороны это так и будет выглядеть? Пытаюсь представить нас с Кириллом со стороны.

— Ты не спросил, а наехал.

— Ладно — отмахивается. — Пойдем лучше танцевать — и утягивает меня в гостиную, я даже возразить не успеваю, как окунаюсь в толпу. Откуда-то сразу же выплывает изрядно захмелевшая Дашка. Пытаюсь расслабиться и окунуться в атмосферу всеобщего хаоса.

Выпиваем еще джина.

Решаю просто танцевать, общаться, смеяться и больше ничего. А потом домой спать.

Ульяна

Спустя время...

Зачетная неделя позади. В бешеном ритме я готовилась и сдавала, затем снова готовилась и сдавала. Пару зачетов удалось заработать автоматом. Теперь можно немного выдохнуть, но ненадолго, потому что впереди экзамены и летняя практика. Слава богу, мне удалось договориться с одним издательством, для которого я переводила пару статей. Надеюсь после практики смогу напроситься к ним на летнюю подработку.

На прошлых выходных приезжала мама. Встреча, как всегда холодная с нравоучениями и наставлениями. Я не очень то была ей рада, потому что та не на шутку разозлилась, когда я рассказала, что порвала с Артемом. И хоть я давно уже живу самостоятельно и совсем не прошу у нее денег, у мамы идея фикс удачно выдать меня замуж. И совсем неважно за кого, главное, выгодно. А мое мнение тут абсолютно не учитывается. Поэтому через сутки после ее приезда, я была несказанно рада, что она свалила с подругой на отдых в Турцию.

И хорошо, что я ничего не рассказала маме о Димке Козыреве, а то бы она с меня живьем не слезла. Уже бы составила четкий план, как паук плетет паутину для своей жертвы.

После той вечеринки, с которой я свалила по-английски, как только почувствовала, что от выпитого кружится голова, Козырев стал открыто флиртовать со мной в университете. На свидания я не соглашалась, на прогулки тоже, чтобы лишний раз не дать повод рассчитывать на что-то. Потому что серьезные отношения — это не про Димку. Скорее, просто так, развлечься хотел. Я как цель, которую он никак не может достичь, а Козырев — парень азартный.

Сколько его знаю, у Димки только со своей бывшей однокурсницей были настоящие чувства. Он ни на кого не смотрел, ни с кем не заигрывал. Даже на своих грандиозных вечеринках Наташа, так ее звали, всегда находилась у Козырева под рукой. Они, буквально, не разжимали пальцы. А потом сплетничали, что Наташа уехала в Штаты по обмену, да, так там и осталась. Козырев же загулял по-черному, используя девчонок, как расходный материал. А меня уж совсем не прельщает участь этих девиц. Не хочу быть расходным материалом.

Сегодня суббота, и все наши собираются в клуб на вечеринку по случаю окончания зачетной недели, но я решила выходные посвятить генеральной уборке. К тому же мне нужно закончить перевод статьи о пользе БАДа против выпадения волос от известного французского производителя для медицинского электронного журнала.

Не о таком я, конечно, мечтала, когда бралась за переводы, но пока хватаюсь за все, что предлагают с целью наработать опыт. А в будущем надеюсь все же влиться в среду, где занимаются переводом серьезной художественной литературы.

Как-то раз для себя я попробовала перевести один роман, получивший Пулитцеровскую премию, даже показывала нашему профессору Строкову. Он похвалил, но обратил внимание на сухость изложения и предложил как-нибудь вечером у него дома поработать над переводом вместе. С тех пор я делаю это "в стол". Перевожу и сохраняю в отдельной папке. Просто тренируюсь, но больше никому не показываю своих работ.

Наконец, отзваниваются доставщики из строительного гипермаркета, где я заказала

новый стеллаж под книги, потому что место уже закончилось, и возле кровати в последнее время образовались две добротных стопки из книг, купленных в книжном магазине, находящемся возле нашего университета.

Когда выхожу на лестничную клетку, с ужасом понимаю, что оба лифта не работают. Закрыты на пару часов для демонтажа тросов, как гласит объявление. И это в тот самый момент, когда приехала доставка. Вот, я везучая.

Спускаюсь вниз и пытаюсь объяснить тучному парню, равнодушно выгружающему расфасованный по картонным упаковкам стеллаж, прямо возле подъезда, что лифты не работают, и прошу помочь доставить груз до двери.

Сначала тот бурчит про двести рублей за этаж, а потом его окликает водитель и нагло заявляет, что доставку до двери нужно было указывать на этапе оформления заказа, а теперь им некогда, у них плотный график, и опаздывать нельзя.

С этими словами Газель скрывается за поворотом, оставляя меня в растерянных чувствах и с парой упаковок длинной не меньше двух метров и шириной в метр.

Круто.

Нечего делать, беру одну из упаковок и тащусь с ней к входу на лестницу. Потом возвращаюсь за второй, подхватываю, и мне под ноги бросается Вилли. Тявкает, как обычно, громко и визгливо.

Сердце ухает к пяткам, когда замечаю еще и пару знакомых кроссовок Эйр Джордан.

С Кириллом я не общалась с того вечера, когда он завалился ко мне пьяный и поцеловал. Пару раз я видела его с какой-то девчонкой. Первый — это когда они подкатили к подъезду на мотоцикле. Я, услышав знакомый гул мотора, подбежала к окну, и наблюдала картину, как Кирилл снимает шлем и помогает брюнетке с длинными прямыми волосами слезть с байка. Прямо дежавю словила. А потом приобнимая девчонку одной рукой утаскивает ее за собой в подъезд. Признаюсь, меня задело, потому я сама себе нафантазировала, что на мотоцикле Кирилл катал только меня. Думала, это для него важно. Но тогда получается, что и та девчонка для него тоже стала важной. Или он просто всех катает.

А второй — когда поздно возвращалась с учебы, потому что нас задержал препод по риторике, и наткнулась на них, выгуливающих Вилли и тискающихся на лавочке возле детской площадки.

Медленно поднимаю глаза. На нем черные спортивные брюки и бледно-серый растянутый свитшот с изображением печально известных башен-близнецов.

— Привет — здоровается первым и уменьшает размер поводка у Вилли, чтобы она не доставала до меня, а терлась рядом с его ногами. — Что за коробки?

Все же осмеливаюсь посмотреть ему в глаза. В самом деле чего это я?

У него на голове черная бейсболка козырьком назад, открывающая лоб.

— Привет — ставлю коробку одной стороной на асфальт. — Стеллаж заказала, а лифт не работает.

— А доставщики где?

— Сказали, что нужно было при заказе оформлять доставку до квартиры, а не до подъезда, и что у них дофига дел. Короче, смотались.

— Ну, погоди меня здесь. Не таскай сама. Я сейчас Вилли отведу домой и вернусь.

Ловко перепрыгивает через ступени и скрывается за дверью. А мне эти пару минут, что его не было, показались вечностью. Потому что это так неловко. И ведь не свалишь по-

тихому.

Кирилл возвращается. Сразу же берет обе коробки и тащит их на семнадцатый этаж, умудряясь разворачивать между пролетами эти машины длиной под два метра.

Может, для парня не так все и сложно, но мне уж точно пришлось бы попотеть.

Кирилл сгружает упаковки в коридоре и отряхивает руки.

— Собрать то есть чем?

— Да, шуруповерт и отвертка — киваю в сторону инструментов, приготовленных и лежащих на табурете в комнате.

Молча снимает кроссовки, проходит в комнату и разглядывает инструмент, после чего хмыкает и возвращается.

— Щас принесу свой — натягивает обувь.

— Эм, Кирилл, погоди — растерянно почесываю лоб. — Я сама справлюсь. Seriously. Там же должна быть инструкция, и все такое.

— Ты хоть раз мебель собирала?

— Нет, но все же бывает в первый раз — пытаюсь улыбнуться.

— Понятно. Короче, жди.

Хлопает входная дверь, а я замираю, как статуя. У меня разгар уборки, вещи кругом, ведро с водой, швабры, тряпки. Блин. Да, и у самой вид не очень-то. Темно-серые лосины и длинная просторная футболка. Старая — престарая. И горло у нее изрядно вытянуто. А на голове вообще гулька из волос.

Паника накатывает девятиметровой волной, в мыслях уже метаюсь по комнате в поисках нормальной одежды, с косметичкой в руках, чтобы нанести хотя бы консилер, с расческой, чтобы привести волосы в порядок. Но это все делать поздно, а то подумает, что ради него прихорашиваться начала.

Поэтому я просто обреченно вздыхаю и перетаскиваю коробки в комнату. Туда, где приготовила место для сборки.

И вот что мне с ним делать? Кирилл привстает на колени и прикручивает к уже собранному каркасу полки. А я застыла в дверном проеме и все никак глаз не могу отвести от широкой спины и узкой талии, там, где задирается кофта, когда он поднимает руки, чтобы прикрутить верхние крепления.

Лучше не палиться. Скрываюсь на кухне и заканчиваю уборку в шкафчиках. Мы совсем не разговариваем, только музыкальный чарт по радио разбавляет удушающую тишину.

Но надолго меня не хватает, не выдерживаю напряжение, повисшее в воздухе, и возвращаюсь в гостиную.

— Может чай? Кофе? У меня сырники есть, сама утром готовила, и печенье — вытираю вспотевшую ладонь о синтетическую ткань леггинс.

Проклинаю себя за то, что становлюсь рядом с ним, как нервно блеющая малолетка.

— Еще пару полок прикручу, и готово — включает шуруповерт.

И как реагировать? Это да или нет?

Ладно, пофиг. Готовлю себе растворимый кофе и подхожу к окну на кухне. Скоро лето, и на улице уже зелено. На деревьях молодая листва, сквозь газон на лужайках желтым ковром расцвела мать-и-мачеха, а на детской площадке резвятся дети.

— Готово — кричит из гостиной.

Я чуть не проливаю на себя кофе от неожиданности.

— Иду — ставлю кружку на стол и направляюсь в комнату.

Кирилл стоит рядом с собранным стеллажом и вопросительно на меня поглядывает.

— Куда ставить?

— Вот сюда — указываю место у стены в свободном углу комнаты.

Кирилл перетаскивает стеллаж, отходит на пару шагов и придирчиво осматривает, поправляя упавшие на лицо волосы.

— Круто, спасибо за помощь.

Мне неловко. Ужасно неловко в его присутствии, а еще, если учесть, что он просто вот так пришел и помог, то вообще невыносимо.

— Ну, а теперь чай — разворачивается ко мне и потирает ладони — И от сырников не откажусь, а то я не обедал еще — и мимо меня направляется на кухню.

Иду следом.

Кирилл садится за стол и складывает руки перед собой, постукивая пальцами, пока я наливаю чай и разогреваю сырники. Ставлю пиалу с конфетами и печеньем, затем подаю чай и усаживаюсь напротив.

Нужно что-то сказать, чтобы разрядить обстановку, но в голове совершенно пусто, все тело, как на иголках.

— Вкусные — Кирилл довольно мычит, откусывая сырник.

— У меня варенье малиновое есть и мед, будешь? — чуть не подрываюсь со стула, лишь бы руки занять, а не сидеть вот так напротив и молчать.

— Нет, они и так сладкие — мотает головой и отпивает чай из пузатой кружки с изображением мурчащего кота, а сам выглядывает на меня из-под вороха пушистых ресниц.

Он красивый и, будто, с каждым днем делается все взрослее. Девчонка у него тоже очень симпатичная, милая, а главное, судя по всему, ровесница. Все-таки правильно я тогда

сделала, что уехала, не осталась с ним, а то натворили бы дел. Но в тоже время внутри грудную клетку, словно, тисками сжимает. Обидно. Все время в голове мысли — а что, если бы... Упустила, даже шанса не оставила.

— У тебя же скоро последний звонок, да? — вылетает, сообразить не успеваю и замечаю, как Кирилл сжимает ручку у кружки, даже костяшки побелели.

Вот всегда так, сначала лягну, а потом подумаю. Снова ткнула в возраст.

— Волнуешься перед экзаменами?

— Нет. Мы писали пробные, у меня высокие результаты.

Смотрит и смотрит. И глаза у него такие яркие, медовые. Пальцы длинные, аккуратные. На запястье серебристый браслет и черная резинка в форме телефонного шнура. Даже думать не хочу, что это ее резинка. Той девчонки.

Пока придумываю очередную тему для беседы, Кирилл отставляет кружку и откидывается на спинку стула, разворачивая обертку на шоколадной конфете.

— Ты с тем парнем — прочищает горло. — Ну, к которому на вечеринку уехала...

— Нет — обрываю его и отпиваю уже остывший несладкий чай. — Мы просто общаемся, как и раньше.

Совсем душой надо быть, чтобы не понять, как Кирилл облегенно выдыхает, даже расслабляется. А затем глаза становятся холодными, злыми.

— Что так? — насмешливо спрашивает, как будто с издевкой.

— Вот так — отвечаю коротко, а внутри все бурлит. И зачем он только разговор снова в это русло завел?

У меня встречный вопрос. Понимаю, что и так ясно, как белый день, но все же...

— А ты, я смотрю, девушку завел. Вы встречаетесь?

Кирилл совсем не удивлен моему вопросу. По крайней мере на лице это никак не отразилось. Все такой же холодно-надменный взгляд.

— Можно и так сказать — отвечает скучающим тоном.

— Красивая. Из твоей школы?

— Нет, на тусе познакомились. Она в математическом лицее учится.

О, наверное, и интересы у них общие, Кирилл ведь тоже технарь. Может, и поступать будут в один универ. У меня больше вопросов не остается. Нужно выкинуть лишние мысли из головы, вытравить, как саранчу.

— И зачем ты это спросила? — закусывает нижнюю губу.

Пальцы нервно подрагивают. Забираю кружку и отношу в раковину.

— А ты зачем спросил? — парирую в ответ и тянусь к крану.

Но не успеваю. Слышу, как за спиной грохочет стул, и в следующую секунду меня уже разворачивают на сто восемьдесят градусов. Кирилл подхватывает за бедра и усаживает на столешницу. Разводит ноги и становится между них. Упираюсь ладонями ему в грудь, а сердце уже в ушах грохочет.

Глаза в глаза. Расстояние не шире ладони.

— Ты заметила, что она на тебя похожа? — склоняется ниже. Соприкасаемся лбами, и мне зажмуриться хочется, а по телу ток разрядами бьет. — Трахал ее, а думал о тебе. Представлял тебя. Хреново, да?

Кирилл проводит губами по щеке, отчего дыхание застревает в горле. Касается кожи и плавно скользит к губам. Прижимается. Нежно прикусывает. И у меня, словно спусковой крючок срывает вместе со стоном.

Одна мысль в голове — хочу. Ждала этого. Против здравого смысла иду, но пускай.

Приоткрываю рот и отвечаю на поцелуй. Пусть потом будет больно, потому что все равно ничего не получится, зато сейчас хорошо. У нас крышу срывает. У обоих. Поцелуй жадный, глубокий, бешеный. Его руки забираются по футболку и тянут ткань вверх, освобождая меня. Хорошо, что хоть лифчик нацепила.

— Уля — Кирилл хрипит мне в губы и спускается ниже к шее, к ключицам. Поддеваю пальцами край свитшота. Хочу тоже его видеть. Кирилл отстраняется, чтобы снять его. Дышим тяжело и часто. Я рассматриваю его тело, и возбуждение волнами простреливает. Привлекательный, широкоплечий. Кожа ровная, гладкая. Несколько родинок на плече и одна у правого коричневого соска. Заметные кубики на прессе, узкие бедра. Джинсы сидят низко, из под которых выглядывают широкая резинка с надписью "СК" и косточки на бедрах.

Кирилл снова приникает губами к коже возле ключицы, а пальцами поддевает и спускает лямку лифчика. Где-то на подкорках разума здравый смысл кричит, что все заходит слишком далеко. Но в следующую секунду тело простреливает разрядом, скапливаясь внизу живота. На спине щелкает замок. Влажный след на коже тянется по груди, которую тут же накрывают ладони. Не выдерживаю. Всхлипываю и зарываюсь руками в его мягкие темно-русые волосы.

Меня трясет. Неужели я позволю ему это сделать?!

Музыку по радио перебивает наше сбившееся дыхание. Кирилл на долю секунды скидывает на меня потемневший взгляд, я тону там, а потом накрывает ртом сосок. Засасывает. Затем язык, затем зубы. Выгибаюсь дугой, а плечи подергивает.

Он спускается все ниже. И вот уже его пальцы задевают пояс на леггинсах, осторожно оттягивают, замирают. Я, наверное, перестала дышать, потому что легкие сдавливают так, что они готовы разорваться на части. Кожу на груди, там где остается влажный след, покрывают мурашки.

Сжимаю волосы на затылке. Ничего не происходит. Кирилл смотрит на мой живот, а потом выпрямляется и отходит, подбирая с пола свой свитшот.

Пытаюсь сфокусировать взгляд. В глазах мутно.

— Вот так все могло бы быть, если бы ты тогда не ушла — говорит хриплым от возбуждения голосом, прежде чем покинуть квартиру.

Кирилл

— Давай зайдем ко мне? Мама сегодня в ночь, так что квартира до утра свободна — Катя льнет к плечу, призывно выгибает бровь и тянется к губам.

Мы сидим на широком диване в самом дальнем углу кафе.

— Это и был твой план? — коротко целую и откидываю с плеча прядь темно-каштановых волос. В тусклом освещении поблескивают три серебристых колечка на ушной раковине.

— Я соскучилась — проводит ладонью по моей скуле. — Или ты не хочешь?

На самом деле, не хочу. Меня вообще тяготит все это. Я еще не предлагал Кате встречаться по-настоящему, и наши отношения больше похожи на бесконечный трах то у нее дома, то у меня, когда нет родителей. Но она, видимо, уже все для себя решила.

В последнее время так паршиво. Еще и ЕГЭ на носу. Но самое дерьмовое — я скрываю от Кати, что поцеловал другую. И не просто поцеловал, у нас почти случился секс. Если бы я тогда не сдержался, то точно бы случился. Сам от себя не ожидал, что смогу уйти.

И мысли. Я постоянно об Ульяне думаю. Вот простодохрена. Еще и эти мимолетные встречи, то в магазине, то у подъезда, когда гуляю с Вилли. И взгляд ее. С ума сводит.

— У нас скоро ЕГЭ по русскому.

Катя протяжно стонет, закатывая глаза.

— Блин, Кир, и когда ты стал таким задротом? Ну, хочешь потом вместе позанимаемся?

— Сама же знаешь, что не выйдет — разглядываю тонкие черы лица.

И почему я не могу отвлечься? Чего мне не хватает в этой девчонке?

Катя дует губы и отсаживается.

— Что у тебя на уме последнее время, Кир? Ты постоянно где-то витаешь.

Вот он — момент. Набираю побольше воздуха в легкие.

— Я целовал другую — выдыхаю.

Зрачки у девонки затомяют изумрудную радужку, она ловит ртом воздух, а затем сжимает его в тонкую линию.

— Только целовал?

— Нет, не только.

— Вы трахались? — понижает голос до шепота.

— Нет.

— И кто она? Это та девчонка из класса, Кристина?

— Нет, с Кристиной мы дружим, ничего такого.

— А кто тогда? — голос у Кати подрагивает. Она теребит руками край толстовки.

Откидываюсь головой на спинку дивана и тру переносицу.

— Какая разница, кто? Я целовал другую и не только целовал. Тебе этого мало что ли?

— Ты хочешь меня бросить?

О, нет. У нее в уголках глаз скапливается влага. Конечно, я предполагал, что так и будет, но держать в себе это больше не мог. Сам ненавижу, когда обманывают и предают.

— Я хотел сказать тебе правду. Ты же спросила меня, почему я последнее время такой. Вот поэтому.

Катя шмыгает носом.

— И что мне теперь делать с этой правдой?

— Не знаю. Решай сама.

Девчонка порывается встать, но потом снова падает на кожаную поверхность дивана.

— Я тебе нравлюсь?

Смотрю в глаза.

— Да.

— Но думаешь ты о ней, так?

Хочется отвести взгляд. Ненавижу такое дерьмо, но все же собираю себя в кучу.

— Да.

Только вот ничего мне с Ульяной не светит.

— Ты мудака — шмыгает носом и тянется за сумочкой. — Полный мудака, Золотарев — вжикает замком и кидает туда телефон.

Наблюдаю, как она хватает с вешалки куртку, как тыльной стороной ладони проводит под глазами, убирая влажные капли, как просачивается между столом и диваном и идет на выход.

Мне бы догнать, обнять, сказать что-то. Но зачем? Так сделаю еще больнее. Поэтому я просто остаюсь в кафе.

А потом не заезжая домой заваливаюсь к Махе. По дороге прихватываю пива. Мама долбит звонками. Переживает за экзамен, но я успокаиваю ее, что готов, и все будет хорошо.

— Ну, ты гандон, Золотой — выдает лучший друг и тянется к очередной банке. — Зачем ты рассказал? По итогу, всего-то полизались чуток.

Сидим прямо на ковре у него в комнате перед плазмой, где на паузу поставлена игра. В комнате играет Manowar. У меня мозг разрывает от хэви-метала, а ему хоть бы хрен. Нравится.

— Не знаю, мне стремно было смотреть ей в глаза. И еще — рассматриваю мутную янтарную жидкость сквозь стекло. — Я понял, что мне это все не нужно. Не тянет к ней. Не думаю о ней.

— Тогда ты ее просто слил, чувак — заключает Маха и пялится на меня окосевшими глазами, типа, мудрый хрен, изрекший истину.

— Наверное, так и есть.

У Махи не засиживаюсь. Выдвигаюсь в районе восьми. Настроение дерьмовое. Еще и Катя такой пост у себя на странице выложила, хоть вешайся.

Выгребая на остановке и плетусь домой. Заворачиваю за угол и вижу, как возле подъезда останавливается черный мерс. Оттуда вылезает Ульяна, машет рукой, улыбаясь парню, которого мы встретили на набережной.

Направляется к подъезду. Ускоряю шаг. Она меня не заметила.

Нагоняю у двери, дышу в спину. Ульяна прикладывает магнитный ключ и оборачивается через плечо. Выражение на лице меняется от удивления до смущения.

Заходим вместе. Лифты заняты. Ждем.

— Ты же говорила, что вы не встречаетесь? — не выдерживаю первым. Я бы дохрена у нее сейчас спросил, раз такая возможность.

— И что? — дергает плечом? — Отчитываться перед тобой не собираюсь.

Бля*ть. Закипаю, как чайник.

— Хоть бы не врала.

— Я и не врала — рывкает в ответ. — На себя бы лучше поглядел.

— Не поверишь, каждый день гляжу.

— Ой, остряк — кривит губы. — Все ты прекрасно понял, о чем я.

— Нет. Ну ка просвети.

На ней светлые джинсы в облипку с высокой посадкой, топ с треугольным вырезом и легкая куртка поверх. Пялюсь в ложбинку, где прячется крошечный медальон на тонкой цепочке. Острые ключицы. Меня клинит.

— У тебя девчонка есть.

— А если бы не было? — делаю шаг к ней.

Ульяна ко мне боком.

— Ничего бы не поменялось.

— Да, почему? — взрываюсь. Подъезжает лифт. Буквально втаскиваю ее за руку и нажимаю на семнадцатый. — Я же нравлюсь тебе. Только не ври сейчас.

— Этого мало — задирает голову и смотрит прямо в глаза.

Беру ее за плечи и прижимаю к зеркалу.

— Этого достаточно — склоняюсь к волосам, вдыхаю едва уловимый цветочный аромат. Уля прикрывает глаза, ресницы подрагивают.

Двери лифтра распахиваются. Она юркает у меня под рукой и выходит. Я за ней.

— Тебе же на второй? — пятится к двери.

Замечаю, как сглатывает слюну, как сжимает пальцы.

— А чего ты разнервничалась так? — наступаю.

Глаза у нее блестят, а грудная клетка часто вздымается.

Сокращаю расстояние между нами и притягиваю девчонку за талию. Сердце внутри бухает, как ненормальное. Просто разорвет сейчас. Я так ее хочу.

Склоняюсь к губам.

— Кирилл, это полный провал — произносит возле моего рта.

— Пусть — целую в верхнюю губу, потом в нижнюю, прихватываю.

— Нам обоим будет больно — Улья не сдастся.

— Похрен — выдыхаю и провожу языком по зубам, требуя, чтобы она приоткрыла рот.

Ульяна сдастся и я прижимаю девчонку еще сильнее.

Ульяна

Где-то на задворках сознания, пока целуемся, слышу, как лифт проезжает мимо и останавливается то ли этажом выше, то ли ниже. Голоса выходящих людей. И меня, как обухом по голове. Что я делаю? Зачем снова ведушь?

Разрываю поцелуй, упираясь руками в его грудь. Кирилл часто дышит, не понимает. Смотрит то в глаза, то в район подбородка. Потом поджимает губы. Злится.

— Я с той девчонкой расстался. Рассказал, что целовался с другой... С тобой. И она, вроде как, меня бросила.

Расстался. Пытаюсь понять, что чувствую. То ли эйфорию, то ли злость, или вообще ничего.

— И что дальше? — спрашиваю в упор.

Снова пытается поцеловать, тянется, но я уворачиваюсь и смотрю на дверь, ведущую к пожарной лестнице.

— А что ты хочешь? — понижает голос, вплетая хрипловатые нотки.

Краем уха улавливаю вибрацию у него в кармане джинсов.

— У тебя телефон звонит.

— Я знаю — цепляет пальцами за подбородок, хочет повернуть, чтобы смотрела на него, но я мотаю головой, скидывая горячие пальцы.

— Так, ответь.

Когда не удается зафиксировать лицо, пытается обездвижить, прижимается все телом. Просто наваливается, припечатывая к стене, буквально, размазывая по ней.

— Это мама.

— Тем более.

И почему я перехожу почти на шепот?

— Подождет... Не переводит тему — упирается руками в стену напротив моей головы.

— Какую тему? — корчу из себя идиотку. Оттягиваю время, хоть и бесполезно.

— Чего ты хочешь? — проводит носом по волосам, а у меня коленки слабеют.

— Домой и спать.

— Я в глобальном смысле.

— Тогда кучу денег, уехать на Бали и научиться серфить.

— Могу научить, я умею — задевает губами висок.

— Сколько у тебя талантов — язвлю в ответ.

— Да, я разностороннее развитый парень — отвечает сквозь улыбку.

— Дай мне уже пройти — начинаю нервничать и злиться. — Я и, правда, хочу домой.

— Ответь и отпущу.

— Что тебе ответить? — повышаю голос, даже забываю, что стоим в тамбуре. — Какой ответ ты ждешь? Неужели всерьез думаешь встречаться со мной? Может, мне еще и на выпускной к тебе придти?

— Я бы тебя пригласил. Буду в костюме, на заказ шили.

Так и тянет влечь по щеке.

— Это у тебя пранк такой с друзьями — дебилами?

— Они нормальные парни, я тебя обязательно с ними познакомлю.

— Ты издеваешься? — мой голос чуть не срывается на визг, как у долбанной истерички. Я же тоже не железная, в конце концов.

Но Кирилл вмиг становится серьезным, склоняется и обхватывает мои скулы ладонями, тоже горячими и сухими. Втягиваю воздух. Пахнет мужским парфюмом. Приятным. Волнующим. Но не резким, грубым, а чуть сладковатым.

— Я серьезно, почему ты не хочешь попробовать?

— Потому что! — выпаливаю слишком быстро, слишком на эмоциях. — Сказала же, нам потом обоим будет больно, и ни к чему это не приведет. В конце концов, мне придется съехать, чтобы не пересекаться больше, а я не хочу терять эту квартиру.

— Я сам скоро съеду, у меня однушка на Касьянова.

Он отступит когда-нибудь? Клянусь, было бы легче, если бы Кирилл уже наигрался.

— Ты серьезно не понимаешь или прикидываешься?

— Это ты слишком много думаешь, а лучше бы забила на все и приняла то, что есть.

— А что есть?

— Я тебе нравлюсь, иначе бы не позволила себя поцеловать, иначе бы давно уже отшла.

Приоткрываю рот, чтобы ответить, но Кирилл в этот самый момент вновь склоняется и целует.

Нежно, без напора, без языка, только губами.

И почему я так плавлюсь, растекаюсь, как кисель? Господи, где моя выдержка? Куда она девается, когда рядом этот парень? Это восемнадцатилетний пацан. Вчерашний школьник.

Я же старше. Именно я должна думать наперед, потому что Кирилл — сгусток гормонов. У него все на порыве, а завтра подождет, никуда не денется. Но по телу очередной табун из предательских мурашек ползет по позвоночнику и сковывает затылок.

Кирилл прав. Тысячу раз прав. Если бы захотела, отшла еще в самый первый раз, когда поцеловал. Не стала бы кататься с ним на мотоцикле. Прекратила на корню любые попытки флирта.

Но как бы я себя не уговаривала, какие бы аргументы не приводила, мне хочется. Его хочется и всего того, что он может предложить, пусть и в бездну с головой.

Поэтому я вновь принимаю поцелуй, вновь отвечаю, вновь обвиваю его шею руками.

Откидывает мои волосы и целует открывшуюся шею.

— Пойдем завтра на свидание?

— Завтра не могу, у меня срок сдачи перевода горит.

— Тогда через два дня? Как раз сдам ЕГЭ по русскому — И как отказать, когда он касается языком чувствительного места за ухом. У меня даже пальцы на ногах подгибаются. Как отыскал вообще?

— Я подумую.

— Можно я зайду к тебе завтра вечером?

— А как же подготовка к экзамену? — зарываюсь руками в мягкие волосы. Клянусь, они у него, как шелк. Даже у девчонок не бывает таких мягких волос.

— Ты будешь моральной поддержкой, про свой расскажешь — мурлычет, как кот, добравшийся, наконец, до сметаны. Низко, гортанно.

— Только если не будешь меня отвлекать.

— Постараюсь мирно сидеть в углу.

Едва заметно киваю, на слова сил не остается, тело, точно из ваты. Мне безумно нравится целоваться с ним. Артем всегда только брал. Резко, грубо, сминая, кусая. С Кириллом все иначе. То чувственно, то нежно, едва касаясь языками, то глубоко.

— Тогда до завтра — отлипает первым, чмокает в кончик носа, поправляет мою куртку, съехавшую с плеча и довольный скрывается за дверь, ведущую на пожарную лестницу.

Как слышу вместе с удаляющимися шагами "Да, мам", "Иду, уже. Ничего не случилось" заставляю себя оторваться, наконец, от стены и непослушными пальцами открыть замок в квартиру.

Всю ночь мы переписываемся ни о чем, и я отрубаясь только под утро. А на следующий день пребываю, точно в прострации. Занимаюсь подготовкой к экзаменам, в перерывах возвращаюсь к переводу статьи, срок сдачи которой уже завтра, еще и успеваю сгонять в универ на консультацию перед экзаменом.

В районе шести ко мне заявляется Кирилл с фирменной упаковкой пирожных из кондитерской "Монпасье", где делают самые вкусные эклеры, и двумя стаканчиками кофе.

— Привет — губы расплываются в хитрой улыбке. Завораживающей улыбке. С клыками чуть длиннее, чем остальной ровный ряд зубов.

Клянусь, я уже готова его расцеловать.

Кирилл в растянутой футболке с огромной горловиной, отчего даже ключицы видны, и узких черных джинсах. На талии перевязанный рукавами болтается пестрый вязаный кардиган на пуговицах. Он с порога, передавая мне коробки, стягивает ботинки, и идет следом в комнату, где я приземляю на журнальный столик коробку с пирожными, а он стаканчики с кофе на картонной подставке.

У меня руки подрагивают. И я, как девчонка в шестнадцать, что первый раз привела к себе парня в комнату. Вот такие уже забытые ощущения.

Кирилл

Ульяна что-то рассказывает, пока поедает эклер, а я никак не могу врубиться в суть, потому что, как загипнотизированный, пялюсь на крошку шоколада, застывшую на ее верхней губе.

Во всех возможных интерпретациях представляю, как слизываю ее.

— Эй, ты меня слышишь вообще?

— А? — не сразу соображаю, что она уже щелкает у меня перед носом пальцами. — Да, конечно.

— Я спрашиваю, почему сам не ешь?

Тру глаза, прогоняя морок. Клянусь, вся эта игра в кошки-мышки меня доканает.

— Просто не люблю сладкое.

Уля щурится и склоняет голову на бок, зависая с эклером в руке.

— А зачем тогда купил?

— Ну, тебе же нравится. Я, однажды, видел, как ты шла домой с упаковкой из этой кондитерской.

— Ммм — удивленно мычит в ответ и отправляет оставшийся кусок к себе в рот. Слизывает злосчастную крошку.

Вот что, черт возьми, со мной не так? Почему я просто не могу провести с ней время, не перебирая в воспаленном мозгу сотни вариантов, как завалю ее сейчас на этот самый диван.

— Слушай — обсасывает испачкавшийся в креме палец. Буквально, на секунду мелькает язык, и я мысленно радуюсь, что на мне сейчас джинсы из плотной ткани, прикрывающие стояк, а не спортивные штаны. Она бы точно меня вышвырнула. И какого хрена она делает так? Специально или даже не осознавая? — Когда я говорила, что мне нужно заниматься, я не искала причину. Мне и, правда, нужно.

— Да, я понял — оправдываюсь, ерзая в кресле. — Когда отвечал, что не буду отвлекать, я не блефовал.

Ставит на журнальный столик пустой стакан из-под кофе.

— И что ты будешь делать все это время?

Пожимаю плечами, закидывая одну ногу на другую, касаясь колена лодыжкой.

— Сидеть в этом охренительно удобном кресле и смотреть на тебя.

— И ты считаешь, что так не будешь меня отвлекать?

— Просто не обращай внимание.

— В чем тогда прикол?

— Ни в чем. Хочу провести с тобой время.

Ухмыляется, мотая головой.

— Ты странный — встает с дивана, забирает с собой упаковку с эклерами, пустые стаканы и скрывается на кухне.

Потом возвращается, раскладывает на столе исписанные бумаги, открывает ноут. Ее лицо осецается сиянием от экрана.

И я залипаю.

На пушистых ненакрашенных ресницах, зеленых глазах, на вздернутой верхней губе. На тонкой шее и заметной родинке возле пульсирующей вены.

Ульяна в безразмерной черной футболке с изображением Пикачу и велосипедах в тон. Аккуратные ногти на ногах покрыты красным лаком. Замечаю, что на руках у нее нет нарощенных когтей, как у девчонок из класса. Просто бесцветное покрытие. Мне нравится.

Такая домашняя, естественная, что крышу рвет. И о чем я думал, идиот, когда тащился сюда! Я, блин, чувствую, как член пульсирует. Дичайший накал. И по вскользь проехавшим по мне глазам Ульяны, я понимаю, что не только у меня.

— Блин, меня это напрягает — фыркает, щелкает мышкой, что-то бубнит себе под нос и вскакивает на ноги. Подходит сама. Сама, вашу мать! И встает передо мной. — Ты так пялишься, я сосредоточиться не могу.

Машинально скидываю ногу, и она тут же забирается ко мне на колени.

Сразу же хватаю за талию и дергаю на себя, чтобы не раздумала, чтобы не свалила с колен, мямля очередную чушь про ошибку и бла, бла, бла...

Ни слова ни говоря беру ее лицо в руки и склоняю ближе. Целую. Медленно, лениво, подразнивая языком. Проехавшись рукой по спине не нахожу под футболкой очертания лифчика, и в животе сладкой истомой накачивает возбуждение. Может теперь сколько угодно мне чесать, что совсем ни в чем не заинтересована. Не поверю.

Отрываюсь от губ, спускаясь по шее к ключице, затем зарываюсь носом в ложбинку и прямо через тонкую ткань зажимаю губами сосок.

Уля втягивает носом воздух. Шумно, прерывисто. Улыбаюсь и прикусываю его. Выгибается, как кошка, в спине. Елозит по мне.

Черт!

Сам дышу через раз. Одну руку запускаю под велосипедки. Оттягиваю резинку трусов и забираюсь. Лобок гладкий. Она вся гладкая. Я долго не продержусь.

Спускаюсь ниже и нахожу клитор. Сжимаю подушечками пальцев, а затем начинаю поглаживать, растирая влагу. Стонет, кусает губу.

Крышесносно.

Другой рукой обхватываю сосок все так же через ткань футболки и пощипываю, а сам смотрю на реакцию. Ульяна запрокидывает голову назад, прикрывая веки, и начинает двигаться в такт руке. Дышит, дышит, дышит...

Я и сам уже готов слить прямо в трусы.

Дергаю за футболку, задираю до ключиц и облизываю ореол, дотрагиваясь кончиком языка до соска. Втягиваю. А другой рукой ускоряюсь.

Ульяна хватается за мои волосы. Беспорядочными движениями шарит по голове.

Охрененно просто.

Пальцем проникаю внутрь и почти сразу же чувствую, как сокращаются мышцы. По ее телу пробегает судорога. Стонет, выдыхает и обмякает, утыкаясь носом мне в шею.

Ничего не говорю. Жду, когда выровняет дыхание, когда придет в себя. А у самого уже в глазах мутнеет от дикого стояка.

— Расслабил тебя? Больше не напрягаешься? — спрашиваю сквозь улыбку.

И уже жду подкола или какой-нибудь хрени про то, что это больше не повторится.

Но она и не думает язвить. Уверен, что специально проезжается по моему стояку, а затем отодвигается назад, балансируя на моих коленях. Одергивает футболку. Взгляд еще мутный после оргазма, но настолько вызывающий, что у меня в горле пересыхает.

Проводит пальцами от горловины футболки до ремня на джинсах. Обхватывает ширинку.

Теперь моя очередь стонать. Закусываю нижнюю губу и смотрю ей в глаза. Прямой контакт.

Ее рука делает поступательные движения вверх-вниз по члену сквозь боксеры и джинсы. Но мне много ненадо. Я уже на пределе. Сменяет темп с медленного на более быстрый, уверенный. Спускаю взгляд к припухшим губам, острым ключицам и откидываюсь головой на спинку кресла.

Ее пальцы ловко расстегивают ремень, затем ширинку. Дыхание срывается. Я просто охреневаю, что это именно она сейчас делает.

Член уже упирается в резинку боксеров. Ловко достает, размазывая большим пальцем по головке предэякулят.

— Черт, Уль — не узнаю свой голос.

Сдерживаюсь, как могу, лишь бы не разложить ее прямо здесь, на этом самом журнальном столе, захламленном исписанными листами.

Подстраиваюсь под движения ее руки, сжимающими член. Вверх-вниз.

Кусаю губу, немного приподнимаю голову и открываю глаза, чтобы видеть ее. Ульяна напротив тоже смотрит. Снова откидываюсь назад.

Полнейшее дерьмо. Точнее, охрененный кайф. Внутри все стягивает узлом. Уже вот-вот. Уля понимает и задирает на моем животе футболку. Увеличивает темп и я кончаю, подрагивая мышцами на прессе.

У меня губы пересохли, во рту Сахара, а ноги онемели. Но до чего же хорошо.

Коротко целует в губы и спускается с моих колен. Полуприкрытыми от кайфа глазами наблюдаю, как возвращается ко мне с салфетками. Вытягивает одну из пачки и сама проходится по животу, стирая сперму.

Ульяна

"Ты дома?"

Смотрю на сообщение, и руки трясутся. Приятно, волнительно, как давно не было.

"Иду от остановки"

Моментально прилетает.

"Я у подъезда"

Ноги становятся ватными. Еле ковыляю, хоть и в кедах. Страшно, приятно, классно. В животе узлом все скручивает.

Наконец, заворачиваю за угол и вижу его. Кирилл стоит с телефоном в руке, прислонившись бедром о перила. На нем узкие черные брюки, белая рубашка, выправленная из-за пояса, а на шее болтается развязанный галстук. Голова склонена, отчего пряди падают на лицо, закрывая обзор.

Красивый, высокий, широкоплечий, и ему так чертовки идет белая рубашка, отчего потряхивать начинает с новой силой.

Кирилл поднимает голову, откидывает волосы со лба и улыбается. Хищно улыбается. Уже не так, как раньше, а, словно, между нами теперь все есть.

Поднимаюсь по ступеням.

— Привет — отлипает от перил и прижимает к замку магнитный ключ.

— Привет — произношу на выдохе, сиюсь улыбнуться в ответ, но не получается. Я, как натянутая пружина.

Стоит двери за нами захлопнуться, и Кирилл обнимает рукой за талию, притягивая к себе. Оглядываюсь по сторонам. Неловко.

— Ненормальный? Второй вниз едет.

Но тот только прикусывает нижнюю губу, нагло скалясь и прикасается своим лбом к моему.

— Я экзамен сдал. Награду хочу.

— Какую еще награду? — голос срывается на хрип на последнем слове.

— Ты мне свидание сегодня обещала.

— Будет тебе свидание.

Водит носом по моей щеке.

— А сейчас поцелуй.

Кошусь на табло с цифрами. Десять, девять...

— Блин, Кир, сейчас приедет второй. Там люди.

— Тогда целуй быстрее, а то не отпущу. Вдруг соседка твоя?

Боже мой, детский сад на выезде.

Тянусь рукой к его затылку, обхватываю пальцами и касаюсь теплых губ. Мягкие, пахнутФантой.

— Ммм — довольно мычит мне в рот и отстраняется как раз в тот самый момент, когда открываются двери второго лифта.

Оттуда выходит женщина с ребенком, а мы просачиваемся внутрь.

— Мне переодеться нужно — говорю, когда нажимаю на свой этаж, а Кирилл и пальцем не шевелит. — Мы же на вечер договорились?

— А чего вечер ждать? — подходит вплотную, зажимает в углу.

— В смысле?

— В прямом. Переодевайся, я тоже к себе стоняю, и пойдем.

— Тогда почему на мой этаж поднимаешься?

Дергает плечами.

— Проводить — а затем запускает руки в мои волосы, склоняется и снова целует. Сразу с языком. Я тут же вспоминаю вчерашнее, и жар волнами по лицу.

Как только осмелилась сама? Первая?

Он был таким расслабленным, горячим и так смотрел... На меня, точно, помутнение нашло. Ни о чем больше думать не могла, коснуться хотелось до покальваний на кончиках пальцев. До дрожи. Глупо отрицать, что я всего этого хотела.

Двери открываются на семнадцатом.

— Давай через час? — мурчит мне в губы, как кот.

— Ага — только и хватает, что кивнуть и выползти из лифта.

Первым делом иду в душ. Стою минут двадцать, прислонившись ладонями к стене. В себя прихожу. Мысли водоворотом по сознанию кружатся, в голове полнейший хаос. И зачем я только согласилась на это свидание? Ведь обратного пути уже нет. Подумает, что струсил.

Сразу же после душа просушиваю волосы.

Не буду мудрить с прической, выржаться и броско красится. Не хочу выделяться. Не хочу, чтобы разница в возрасте была заметной. Не знаю, как уж так получилось, как воспитали, но мнение окружающих людей всегда меня парило. Что подумают? Что скажут? Как отреагируют? С самого детства все это во мне сидит.

Через час встречаемся снова у подъезда. На мне платье с цветочным принтом длиной до середины икр, джинсовка поверх и кеды. Кирилл стоит в черных джинсах с прорезями на коленях, белой футболке и таких же белых кроссовках. А в руке зажата рыжая вельветовая куртка.

— И куда ты меня поведешь?

— Повезу. Пошли — и направляется в сторону припаркованных автомобилей.

— Так куда повезешь? — не унимаюсь и иду следом.

— В кафешку одну. Тебе понравится. Там такие десерты... Улет просто.

— Ты же не любишь сладкое? И если так дальше пойдет, у меня задница скоро ни в одни джинсы не поместится.

Оглядывается на ходу.

— У тебя классная задница. Охренительная просто. Я из-за нее спать по ночам не могу.

Останавливаемся напротив темно-коричневой Вольво ХС60.

— Это чья?

— Мамина — открывает передо мной пассажирскую дверь. — Она на дачу съехала, работает удаленно, а тачку мне оставила, чтобы я на мотоцикле не гонял.

— А зачем же они тебе его купили?

— Это отец. Мама тогда истерила на весь дом.

Пристегиваюсь и наблюдаю, как уверенно Кирилл отпарковывает машину, одной рукой скользя по рулю. На запястье сверкает серебристый браслет.

— Давно водишь?

— Хм, права совсем недавно получил, а вожу лет с четырнадцати, не бойся.

У него красивый профиль. Не замечала раньше. Так и тянет рассмотреть все до

последней родинки, но я упираюсь взглядом в лобовое стекло, чтобы лишний раз не палиться.

Все же пару раз по дороге я струхнула. Особенно, когда он мазду при обгоне подрезал. Видно, любит полихачить, но из-за меня сдерживается.

Кафе и, правда, очень интересное. Напоминает библиотеку. Повсюду книги, а на столах зеленые лампы с абажуром.

Сначала я сильно напрягалась, но затем незаметно для себя расслабилась. С ним легко. Это я еще в нашу первую прогулку заметила. Кирилл все время шутит и рассказывает мне про экзамен, а я ему историю про то как сама чуть не опоздала на тот же самый ЕГЭ по русскому из-за сломанного лифта.

После кафешки предлагает заехать в недавно открывшийся автокинотеатр на набережной, и я соглашаюсь. Даже ломаться не стала для приличия, потому что сама хочу провести с ним еще хоть немного времени.

Мне уютно и волнительно одновременно.

По пути заезжаем в Мак. Придется потом, конечно, попотеть в спротзале, но это того стоит.

Машин на площадке немного. Находим место прямо перед самым экраном и паркуемся. Крутят "Мальчишник в Вегасе". Я принимаюсь за свой любимый Макфлури с карамелью, а Кирилл достает упаковку с куриными наггетсами.

— И что дальше? — спрашиваю как бы между делом.

При этом очень волнуюсь, потому что сама не знаю ответа на этот вопрос. Поймет ли?

— А что дальше? — отвечает вопросом на вопрос, загребая из упаковки очередной наггетс.

— Не прикидывайся, Кирилл. Я имела ввиду между нами. Ты скоро поступишь, может, свалишь, куда, я не знаю...

Бросает взгляд на экран, упрямо поджимает губы и откладывает еду на панель приборов.

— У меня все серьезно. Я же тебе говорил — кладет руку на мое бедро, и мурашки от затылка к пяткам волной. Его туалетная вода, совсем мужская, будоражащая мои рецепторы... И эта чертова белая футболка, которая совсем не способна скрыть рельеф тела. — Я конкретно попал. Ты у меня из головы не выходишь совсем. И никуда не свалю, буду поступать в Ломоносова. Переедешь ко мне на квартиру, если захочешь. А если не захочешь, сам перевезу, потому что мне нужно тебя постоянно.

Внутри все тает от его слов. Хоть и страшно, но я бы хотела. Только вот думаю, что ничего из этого не случится.

— Считаешь, до того времени мы еще будем... — подбираю слово. — Видеться?

Сжимает ткань платья на моем бедре.

— Мы будем встречаться. Уже встречаемся.

Как в омут с головой. Накрываю его ладонь своей. Кирилл подхватывает мое лицо под шей и целует. Я отвечаю, я уже плавлюсь и от слов, и от переполняющих через край эмоций. Становится горячо. Поцелуй плавно перетекает из невинного и нежного в откровенный секс языками. Его рука живет своей жизнью. Поддевает легкую ткань и движется по внутренней стороне бедра. Распаляемся. Рваное дыхание на двоих. И я понимаю, что Кирилл мне нравится. Не так, как раньше — просто симпатичный мальчик. А очень, очень сильно нравится. И уже совсем не хочется его терять. Безобидная интрижка

перестала быть безобидной.

Кирилл

Я плюхаюсь на крело и откидываю со лба взмокшие волосы. Ульяна весело визжит, подпрыгивая на месте.

— Уделала опять — вскидываю руки вверх, типа сдаюсь, и тянусь к бутылке с минералкой.

Сегодня я сдал ЕГЭ по математике, а Улька защитила курсовую. Мы на радостях завалились в боулинг и налакались каких-то ужасно сладких, разноцветных коктейлей.

Специально выданные ботинки натерли ноги, пришлось взять на размер меньше, потому что нужного не оказалось. Хотя это не причина моего очередного проигрыша, просто я реально не силен в этом метании мячей, а еще мне понравилось, как Ульяна радуется победе, и решил немного подыграть. В итоге она сделала меня в четвертый раз.

В зале долбит музыка, и все тонет в дикой пляске разноцветных огней. Чувствую, как меня развозит от усталости и смеси алкогольных напитков.

— У нас время вышло, пойдем — Улька выхватывает из моих рук бутылку с водой и осушает до дна.

Я лишь лениво киваю в ответ.

В такси моя рука покоится на ее коленке, то и дело съезжая по внутренней части бедра. Уля пыхтит, но в мою сторону не смотрит. Видимо, стесняется водителя. А мне пофиг. Я пьян, мне весело и охренительно хорошо.

— Сейчас пойдем ко мне. Познакомлю тебя со своим хомяками, Чипом и Дейлом.

— Что? — прыскает Уля. — У тебя еще и хомяки есть?

— Ага — поглаживаю ее ногу под джинсой.

— Почему Чип и Дейл? В мультике это же, вроде, бурундуки?

— Ну, а у меня хомяки — растягиваюсь в полупьяной улыбке, закусывая губу.

— А как же твой отец?

— Он укатил к маме на пару дней.

Уля вмиг становится серьезной, но не протестует.

Целоваться начинаем уже в лифте. Кое-как попадаю ключом в замочную скважину, не отрываясь от девчонки. Буквально, вваливаемся в квартиру. Щелкаю выключателем в прихожей и снова целую, стягивая ногами кроссовки.

— Пойдем — тяну ее за руку к своей комнате.

— Крутая квартира у вас — Уля бегло оглядывается по сторонам.

Открываю дверь и обхватываю ее за талию, прижимая к себе. Она обнимает меня за шею и сама тянется к губам. Вслепую двигаемся, не отликая друг от друга, к кровати. По пути останавливаюсь. Так, ради приличия. И киваю на клетки, расположенные на стеллаже.

— Знакомься в верхней Дейл, а в нижней Чип.

Уля хихикает.

— Привет Дейл, привет Чип — машет им рукой и снова тянется ко мне.

— С ума сводишь — уже серьезным тоном шепчу в приоткрытые губы и провожу по ним языком. — Даже не представляешь, как сильно мне нравишься.

Подталкиваю ее коленом к кровати и укладываю поверх покрывала с Дартом Вейдером. А сам нависаю сверху.

— Ты мне тоже — шепчет в ответ, и у меня тормоза летят к чертям.

На Ульяне желтый топ с молнией на груди, который весь вечер мне покоя не давал, и просторные голубые джинсы. Целую в губы и провожу ладонью по шее к груди. От нее вкусно пахнет карамелью.

Нащупываю молнию и тяну вниз до упора. Распахиваю полы, добираясь до лифчика. Отрываюсь от губ. Хочу рассмотреть. У нее крышесносное тело. Просто охренеть можно.

Дышу рвано и часто.

Влюбился. Я, блядь, влюбился в первый раз по-настоящему до розовых соплей.

Ее распущенные волосы разметались по кровати. Уля следит за мной, прикусив губу. Меня уводит.

Как бы не спустить прямо так, в трусы. Это бы было позорным финалом.

Тянусь за спину и щелкаю замком у лифчика. Снимаю его вместе с топом. Грудь упругая с темными ореолами. С катушек слететь можно. Я помню ее на вкус. Снова хочется.

Наклоняюсь и обхватываю один из сосков, засасывая и втягивая внутрь, а второй зажимаю пальцами. Уля выгибается мне навстречу.

Хочу все сделать медленно, на деле же понимаю, что долго не продержусь, поэтому с прелюдией лучше не затягивать.

Спускаюсь губами к животу и расстегиваю джинсы. Снимаю их вместе с узкими трусиками и следками.

Она лежит голая. Подо мной голая. Красивая. Глаза с поволокой, частое дыхание, румяные от возбуждения щеки.

Самое прекрасное, что я видел.

Стягиваю с себя одежду до конца, запутываясь в штанах. Уля привстала на локтях и наблюдает. И от ее пошлого взгляда у меня коленки трясутся.

Она судорожно облизывает губы, когда я устраиваюсь между ее разведенных ног и целую живот, вдыхая сладкий запах. Спускаюсь ниже к лобку, а рукой провожу по клитору.

— Мокрая — шепчу в кожу. — Офигительная просто.

Ласкаю ее между складок, зажимая пальцами клитор. Уля откидывает голову назад и протяжно стонет.

— Тебе нравится? — смотрю на нее, пытаюсь поймать эмоции.

— Да — отвечает охрипшим голосом.

— А так? — склоняюсь ниже и задеваю клитор языком.

Потом еще и еще раз. Уля всхлипывает и зарывается пальцами в мои волосы.

— Кир, хочу. Давай уже.

Ох, а я как хочу. Тянусь к прикроватной тумбочке и достаю из верхнего ящика презерватив. Надрываю упаковку зубами и раскатываю, не отлипая от Ульяны взглядом.

Она такая красивая, с ума сойти.

Подтягиваю ее к себе за ноги и вхожу одним рывком под общий стон. Начинаю быстро двигаться. Уля подмахивает, пока я пощипываю ее соски. Потом разворачиваю к себе спиной так, чтобы она встала на четвереньки, и снова вхожу. Бешеный темп. Спускаю руку к клитору, начинаю вбиваться и одновременно ее ласкать там.

Уля кончает первой, а я, почувствовав, как все внутри сжимается, следом за ней.

Не могу отдышаться. Крышесносно. Переворачиваюсь на спину и стягиваю резинку, завязав ее узлом и отбросив на пол.

— Ты как? — кощусь на нее, оглаживая рукой часто вздымающийся живот с родинкой

возле пупка. Я еще во время секса не мог оторвать взгляда от этой коричневой мушки.

— Обалденно. Ты обалденный, Кир.

Довольно улыбаюсь и притягиваю ее к себе спиной.

Позже, когда мы немного отошли, я разобрал кровать. Уля ходила в душ, а потом мы заснули. Ночью еще пару раз просыпались, чтобы заняться сексом. Но более ленивым, размеренным. С ласками и прелюдией. Под утро я был в полной отключке.

Сквозь сон почувствовал, как будто кто-то смотрит на нас. Открыл глаза и увидел, как папа прикрыл за собой дверь.

Черт! Дерьмовое дерьмо!

Вскакиваю с кровати, укутывая Улю одеялом по самые плечи, ищу в шкафу серые треники и выхожу из комнаты.

Отец на кухонной зоне заваривает кофе.

— Доброе утро — косится на меня с хитрой ухмылкой.

— Только маме не говори — бурчу в ответ, подтягивая резинку треников.

— А то — хмыкает, разливая кофе по кружкам. — Я же понимаю. Дело молодое.

Протягивает мне кружку с дымящимся напитком.

— И кто она?

Присаживаюсь за барный стул.

— Девушка — отпиваю. — Моя. Я ее люблю.

— Уверен?

— Уверен.

— Что ж — вздыхает отец. — Может, тогда познакомишь? — и кивает в сторону коридора, туда, где застыла Ульяна, одетая в свои вещи.

— Здравствуйте — лепечет перед отцом.

Милая до жути. И напуганная. Хочется сграбастать ее в охапку и никуда не отпускать.

— Кирилл, я пойду — виновато смотрит на меня.

— Куда же, милая барышня? А познакомиться? Я кстати, отец этого шалопая, Петр Алексеевич. Присоединяйтесь. У меня отличный кофе. Сейчас еще и яичницу организуем с бутербродами, да, Кир? — подмигивает мне.

Я только и киваю в ответ. Вот уж не ожидал от отца таких любезностей. Он у меня, конечно, мировой, но не до такой же степени.

Уля растерянно смотрит то на меня, то на папу, а потом улыбается

— Ульяна — и робко подходит к нам.

— Так то лучше — наливает кофе еще в одну кружку и ставит рядом со мной. Затем открывает холодильник и достает оттуда яйца, сыр, ветчину. Снимает с крючка сковородку. — А я ведь тебя знаю, Ульяна. Ты в нашем подъезде живешь, так?

Она присаживается за соседний со мной барный стул, и я кладу ладонь на ее коленку.

— Да, на семнадцатом.

— Ясно — выдает отец. — Кир, помоги.

Мы быстро готовим завтрак. И я замечаю, как Ульяна расслабляется, пока отец, раскладывая на тосты сыр с ветчиной, рассказывает про меня самые жутчайшие истории из детства.

Полная идиллия, короче.

Если б я только знал, что скоро все изменится...

Ульяна

Все завертелось и закрутилось как-то само собой. Мы гуляли, ходили в кино, кафе, зависали у меня или у него дома. Могли просто лежать на кровати и готовиться каждый к своему экзамену. Кир учил меня играть в свою любимую приставку. Мы часто занимались сексом. А когда были не вместе, постоянно переписывались по сети. Могли до самого утра строчить друг другу сообщения ни о чем и обо всем сразу. Иногда Кир скидывал мне свои фотки. Иногда не совсем одетые. В такие моменты сердца грохотало, как бешеное, и мне хотелось поскорее его увидеть. Желательно наедине.

Кир был таким живым и открытым. Ничего не стеснялся, я даже завидовала такой беззаботности. Ничего из себя не строил.

Его глаза, губы, руки... Я улетала рядом с ним. Давно такого не испытывала. Наверное, со школьной скамьи. В моих прошлых отношениях с Артемом все было совсем не так. Лаконично, по-взрослому, без розовой мути и нежностей.

Наверное, я влюблялась. А, может, уже влюбилась. Мозг пока еще отказывался принимать такие мысли. Мозг усиленно работал.

О своих отношениях с Кириллом я никому не рассказывала, даже Машке, хотя она догадывалась, когда я с покрасневшими щеками влетала в аудиторию на очередную консультацию перед экзаменом.

Пару раз Кирилл предпринимал попытки познакомить меня со своими друзьями, но я отказывалась, ссылаясь на неотложные дела. Он все понимал, недовольно поджимал губы и уходил один.

Но все хорошее не вечно. Иногда мы сами в этом виноваты.

В этом году июнь выдался достаточно жарким. Моя белая блуза липла к телу, пока я сидела на экзамене. Жутко волновалась, но все же сдала на отлично.

Еще утром мы списывались с Кириллом, и он сказал, что сегодня не сможет встретиться со мной, уедет к родителям на дачу. И поэтому после экзамена я вместе с группой согласилась отправиться в кафе, чтобы отпраздновать окончание очередного экзамена.

Когда все, наконец, отстрелялись, выходим большой компанией из здания. Шум, гогот. На крыльце полно студентов. Сегодня у многих экзамены.

Прямо у основания широкой лестницы, ведущей с крыльца стоит Кирилл.

Улыбается и машет мне. На нем просторная серая майка с бело-красной эмблемой известного бренда и светло-голубые джинсы с подворотами. Волосы небрежно убраны со лба солнцезащитными очками, открывая глаза.

Он вызывает интерес. Он привлекает внимание.

А еще мы движемся всей компашкой прямо в его сторону. Вырулить некуда.

Меня холодным потом пробирает, когда подходим вплотную.

— Привет — пытается считать эмоции, заглядывая в глаза. Тянется ко мне, но я тут же отшатываюсь, отступая на шаг. — Я пытался позвонить, но у тебя телефон отключен, поэтому решил приехать.

Вспоминаю, что выключила его перед экзаменом, а потом совсем про него забыла. Бегло оглядываюсь на однокурсников, с интересом разглядывающих парня.

Машка лыбится. Вперед выходит Дима Козырев.

— О, знакомые люди — косится на меня с хитрой ухмылкой.

— Уль — тыкает меня в плечо подруга, Аня. — Может, представишь?

И почему всем есть дело? Какого они вообще лезут? Злость накрывает меня в перемешку со стыдом. Да, именно со стыдом. Будто в сложившейся немой сцене, действительно, есть что-то постыдное.

Я даже чувствую, как бледнеет моя кожа.

— Это Кирилл — выщеживаю из себя. Только на это смелости и хватило.

— Я ее... — собирается ответить Кирилл, но я, ведомая паникой, успеваю опередить.

— Сосед снизу — заканчиваю фразу. — Мы просто живем в одном доме.

— Ммм — недоверчиво и как-то разочарованно мычит Аня.

— Снизу? — хмыкает Козырев, и я убить его готова. — А сверху бываешь?

Господи, ну, и козел!

Желваки у Кирилла напрягаются.

— А ты, я смотрю, невъебенный юморист?

— Че ты сказал? — рыпается Козырев.

— Димас — Мишка Дронов, наш одноклассник, оттаскивает его за рукав футболки. — Остынь. Пойдем — и уводит друга за собой в сторону остановки.

— Молокосос, твою мать — долетают до нас слова Козырева.

Большинство уходят следом, но некоторые остаются.

Даша и Аня вопросительно пялятся. Машка тоже с открытым ртом разглядывает нас. Понятно, что хочет что-то сказать или спросить. Она знает больше остальных моих подруг, с любопытством рассматривающих сейчас Кирилла. А еще я понимаю, что она злится. Злится на меня.

— Девчонки идите, я догоню — прошу подруг и пытаюсь изобразить спокойствие, хотя внутри землетрясение десять из десяти.

Я не хотела, чтобы все получилось так. Мне просто нужно время.

— Ладно, решайте тут свои соседские дела — язвит Маша, выделяя слово "соседские". — Чего застыли? — рявкает на остальных девчонок. — Поехали уже — и уводит их за собой.

Кир провожает подруг взглядом, а потом поворачивает голову ко мне.

— Значит просто сосед? Ты не рассказала своим подружкам, что у тебя теперь парень есть?

— Нет, не рассказала — выплескиваю на него все напряжение. — И не нужно меня подгонять. Я еще не готова. И зачем ты вообще сюда явился? Не мог подождать меня дома?

— К чему ты не готова? — выходит из себя и делает головой выпад в мою сторону. — И не нужно со мной тоном училки разговаривать.

— Что за бред? Какой тон? — кривлюсь в ответ.

— Это ты несешь бред — обхватывает мое лицо ладонями. — Вот скажи, я — лох какой-то? Может, урод? Придурок? Не хочешь знакомиться с моими друзьями, не рассказываешь своим. Какого черта?

Хочу прокричать ему в лицо, что мне стыдно. Я не в своей тарелке рядом с ним, и никак не могу с этим справиться. Мне просто нужно время.

Но в ответ лишь молчу.

— Оглянись вокруг! — Кир продолжает напирать. — Взрослые мужики мутят с малолетками, молодые пацаны встречаются с бабками. Парни с парнями. А у нас лишь

разница на три сраных года. Я уже не школьник. Мне восемнадцать. Я — совершеннолетний, твою мать! Так в чем тогда проблема?

— Зачем ты меня торопишь, Кир? Что изменится, если они узнают про тебя, про нас?

— Все изменится. Ты не воспринимаешь меня всерьез. Скрываешь от свои подруг. Для тебя эта игра? Долбаное развлечение?

— Нет.

— Нет? — нервно усмехается. — Тогда почему ты не представила меня, как своего парня? Стыдишься меня? Я не тот, кого показывают подружкам? Кем хвастаются, да? Скажи честно.

Столько разочарования в его глазах. Я тону в нем. Но он прав, мне стыдно. Слишком уж зависима от чужого мнения.

— Ты давишь на меня — убираю его пальцы со своего лица. — Я никогда не хвасталась своими парнями, но ты... Я не знаю, Кир — выдыхаю, жмурясь.

Никак не могу подобрать правильных слов.

— Ладно — отсупает на шаг. — Я все понял.

— Кир — подаюсь вперед за ним, но тот лишь выставляет перед собой ладонь.

— Нет, отвали. Не ходи за мной — вскидывает голову к небу, а потом на меня. — Нужно быть полнейшим мудаком, чтобы влюбиться в тебя.

Я смотрю на удаляющуюся спину. Слезы застывают в уголках глаз, слепят, размывают картину.

Нужно было сорваться с места, побежать за ним, остановить, обнять. Сказать, что все не так. Я тоже люблю. Я хочу быть с ним. По-настоящему. Если вернуть время вспять, я бы так и поступила.

Но момент был упущен.

Кир не отвечал на звонки и сообщения, но я знаю, что он переехал. Очень по-взрослому, просто свалить. Его отец уже через неделю сам меня нашел и вручил небольшой тетрадный сверток с адресом внутри.

И вот уже несколько дней эта чертова бумажка прожигает мои ладони, но я упорно отказываюсь ее разворачивать. Хоть и тянет. И невыносимо больно. Я скучаю так сильно.. Не ожидала, что будет настолько плохо.

Все валится из рук, крошится. Только экзамены и помогли отвлечься от бесполезных мыслей и метаний.

Кирилл сам все оборвал. Так зачем я думаю о нем?

— Тебе просто нужно закрыть этот гельштат. Вы не поговорили, не расстались окончательно, ничего не выяснили. Вот тебя и мутит — говорит Машка, потягивая мохито в кафешке, куда девчонки меня насильно вытянули.

Я понимаю, она права. Но у меня коленки трясутся только от мысли, что я заявлюсь к нему домой сама.

— А, может, помиритесь, наоборот — подмигивает Аня. — Он вообще-то классный. Зря ты скрывала, Уль.

Смотрю на стол и чувствую, как по щеке ползет слеза. Медленно протаривает себе дорожку.

— Сама подумай, чего хочешь и ждешь — вздыхает Даша. — В конце концов, чего ты теряешь?

— Думаете, стоит поехать к нему? — с надеждой оглядываю подруг.

Машка тут же улавливает мой позыв и улыбается.

— Думаю, нам стоит выпить еще по бокалу и заказать тебе такси — подзывает официанта.

Дорога до квартиры Кирилла мне кажется бесконечной. За окном уже темнеет, и, может, его нет дома. Но попытка — не пытка. Я и, правда, извелась от неизвестности и неопределенности.

Только вот, готова ли я услышать "нет"... Меня с ума сводит это возможное "нет" или "все кончено".

Стою перед новостройкой оливкового цвета и соображаю, в каком подъезде его квартира. Подхожу к первому, смотрю на табличку "1-87" и понимаю, что мне во второй. Скорее всего, этаж шестой.

Захожу следом за мужчиной с портфелем и нажимаю на шестой.

Сердце грохочет внутри, руки холодеют. Мне уже плохо. И даже тошнит. Никогда не думала, что могу так волноваться перед встречей с ним.

С этажом я угадала и не раздумывая, иначе сорвусь, нажимаю на звонок. За тонкой типовой дверью слышу музыку и шаркающий звук. Пульс раздается в ушах. По ту сторону застывают, видимо, смотрят в глазок, потом снова шуршащие звуки, какой-то грохот, и щелчок замка.

На пороге стоит та самая девчонка из клуба, которая вертелась рядом с Киром. Он говорил, что ее зовут Кристина, и они просто дружат. Но она в его квартире. Уже поздний вечер. Взъерошенная, почти голая. Красивая, стройная фигура, которую прикрывает лишь

серая майка с бело-красным логотипом. Его майка. Его чертова майка, которая висит на ней так соблазнительно, оголяя до предела грудь по бокам и в вырезе.

Совершенно ясно, что просто подружка не будет так щеголять по квартире своего лишь друга.

Кристина понимает по моему лицу, как я ошарашена ее видом, и медленно расплывается в ехидной улыбке.

— Кирилл дома? — спрашиваю на автомате, хотя мне уже совсем не нужна эта информация. Все и так понятно. Не нужно было приезжать. Господи, какая же я дура, раз решила, что он переживает, что ему не все равно. Ведь он не отвечал на звонки. Ясно дал понять, что ничего больше не хочет. А я притащилась, будто у меня совсем гордости нет.

— Его нет.

— Ясно — пачусь назад к лифту.

— погоди — девчонка переминается с ноги на ногу и откидывает свои пшеничные волосы назад. — Ты все правильно поняла. В смысле, я и Кир... Мы вместе, и не ходи сюда. Вы же расстались. Не унижайся.

Гребаный лифт все никак не едет. Долблю по кнопке, как-будто, это поможет ему ускориться. Отворачиваюсь от нее.

А Кристина все никак не уходит. Смотрит мне в спину. Ощущаю ее колючий, надменный взгляд у себя между лопаток и на затылке.

— Ему что-то передать? — чувствую в ее голосе улыбку. Да, она просто издевается. Ведь все понимает.

— Пошла ты — шиплю в ответ и в тот же момент, наконец, открываются спасительные двери.

Вламливаюсь в железную коробку, нажимаю на единицу и прислоняюсь к стене. Меня трясет, как в лихорадке. Лучше бы не знала и не видела. Было бы не так больно и противно до блевоты от увиденной картины.

Вылетаю из подъезда и сталкиваюсь с кем-то. Глаза застилают слезы, и я не сразу понимаю, что передо мной стоит ошарашенный Кирилл, а у него в ногах прямо по асфальту рассыпались апельсины.

— Уля? Ты что здесь делаешь?

Мотаю головой и отступаю. Мой взгляд мечется с апельсинов на его лицо и обратно.

— Просто ошиблась — выдавливаю из себя и на ватных ногах, как будто к ним гантели привязали, ухожу.

— Стой — обгоняет и переграждает путь. — Ты ко мне пришла?

— Да, пришла! Дура — захлебываясь дыханием выкрикиваю ему. — Только зря.

Обхожу его, но он снова меня опережает.

— Не кипятись. Давай, поднимемся. Поговорим.

— О чем? — у меня истерический смех. — Тройничок устроим? Тебе одной мало уже?

— Чего? — делает шаг навстречу, а я одновременно отступаю. — Ты про Кристинку? Так она у меня попросилась на пару дней перекантоваться, пока с отчимом в контрах.

Вскидываю голову к небу.

— Не пойму, ты или сам идиот, или меня за такую принимаешь. Она стояла полуголая в твоей квартире, в твоей майке. Растрепанная вся. Это у вас такая дружба с перепихом или что?

— Какая, бл*дь, майка?

— Твоя! Та самая, в которой ты был, когда притащился в моему универу.

Кир поджимает губы и пытается ухватить меня за руку, когда я отдаляюсь, но мне удается выскользнуть. Несусь вперед.

Он перехватывает меня за талию и прижимает к своей груди. Знакомый запах окутывает, убаюкивает. Такой родной, любимый. Он напоминает мне о времени, когда я была очень счастлива и беззаботна.

— Улька, успокойся, давай поговорим.

— Зачем? — голос вибрирует, потому что меня колотит. — Ты же не хотел говорить? Не отвечал на звонки. Это я глупая... Зачем только...

— Мне нужно было время, чтобы остыть. Я злился. Не хотел наговорить всякого дерьма, о котором буду жалеть.

— Ага, злился. И подружку приютил. Красавчик — ерзаю в его руках, они жгут мою кожу. — Мне казалось, что мы помиримся. Это временно. Но сейчас понимаю, что так и должно быть. Мы слишком разные с тобой. Ничего бы не получилось.

— Разные? — сжимает крепче. — То есть я все-таки не дорос до таких принцесс, как ты?

Жмурюсь на секунду, запонимая тепло его рук, его запах, его дыхание возле своего уха, и остервенело разжимаю пальцы на своей талии.

— Да, не дорос. И поторопись, там такой подарочек заждался. Апельсинки захвати. — не оборачиваясь мчу со всех ног, не понимая даже куда мне надо.

На автомате набираю такси, добираюсь домой и залезаю под горячий душ. Невыносимо хочется смыть с себя эти ощущения, его прикосновения и ее насмешливый, полный обманчивого сочувствия взгляд.

Никогда больше — твержу себе, как мантру. Вдалбливаю в воспаденный мозг и грохочущее сердце.

Никогда, никогда, никогда больше.

Первая мысль, когда я вернулась домой — нужно съезжать. Просто необходимо. И не потому, что хочу. На самом деле НЕ ХОЧУ. И глупо себе врать.

Ведь это единственное место, которое могло бы столкнуть нас с Кириллом, пересечь в одной плоскости. Здесь живут его родители, и он рано или поздно навестит их.

И даже несмотря на то, что за годы, проведенные в уже родных стенах, могу назвать их своим домом, пусть и съемным, я должна оставить эту уютную квартиру. Каждая встреча с Киром будет меня уничтожать. Это, как пластырь — лучше содрать одним рывком, чем отдирать по чуть-чуть.

Именно для этого я позвонила Машке, сидя на полу в прихожей и размазывая тушь по щекам. А потом она приютила меня в своей комнате, пока не найду подходящий вариант для съема, напоила чаем с чабрецом, отдала свой любимый махровый халат и оставила место краю, потому что у стенки я никак не могла заснуть.

Утром просыпаюсь с разбитой головой, покрасневшими белками от слез и разряженным телефоном.

— Ну, ты и дрыхнуть — встречает меня на кухне подруга и пододвигает тарелку с яичницей. — Дома никого, не стесняйся, ешь.

Благодарю Машу и принимаюсь ковырять вилкой. Мне и кусок в горло не лезет. Там комок размером с кулак застрял.

Господи, я и в самом деле влюбилась. Все же, как это больно — любить, быть зависимой от кого-то, быть уязвимой.

Воспоминания о том, как Кир лежал на моих коленях головой, а я перебирала его мягкие волосы и читала перевод статьи о медицинском реабилитационном оборудовании для одной фирмы, где удалось устроиться на подработку в качестве внештатного переводчика. Как он подкрадывался сзади, пока я готовила, и нежно целовал в шею или плечо. Как мы хаотично раздевали друг друга, изучая каждую родинку, каждую впадинку, томно блуждали кончиками пальцев по коже. Все это меня убивало.

— Слушай — Маша присаживается напротив с кружкой крепкого кофе. — Я тут с девчонками переговорила. И, короче, у Дашки напарница в магазине спортивных товаров как раз ищет сейчас второго квартиросъемщика, чтобы место не потерять, потому что одной просторная двушка не нужна, да, и стоит прилично.

Оказалось, что квартира находится на Печорской, недалеко от универа. Машка позвонила этой девчонке, и мы договорились на завтра посмотреть квартиру. Теперь осталось скататься домой и прихватить вещей на первое время, потому что я вчера укатила вообще без всего. А уж после, если понравится, перевезу остальное.

Нажимаю на семнадцатый этаж и под звук жужжащего и гудящего лифта вспоминаю, как въезжала в этот дом. Как мне понравилась квартира, территория вокруг, зелень и чистота.

Тоска разливается по телу.

Двери разъезжаются в стороны и первое, что, а вернее, кого я вижу это он.

Кир сидит на полу, согнув ноги в коленях и уткнувшись лбом в сложенные перед собой руки. Рядом, прямо на полу лежит телефон. Он спит.

Злость и нежность в одном флаконе разливаются по моим венам. Хочется прижаться к

нему, обнять и затаиться в его руках, чтобы весь мир подождал. Но при этом дико тянет залепить ему по щеке и колотить по груди до тех пор, пока ему не станет также больно и мерзко, как мне.

Нужно всего лишь быстренько прошмыгнуть мимо. Но руки предательски трясутся, и ключ выскальзывает, бряцая по плитке металлическим брелоком.

Конечно, Кир просыпается. Трет кулаками глаза, пока я судорожно поднимаю ключи и потными от волнения и злости пальцами просовываю ключи в резьбу.

Наконец, удается справиться с дверью.

— У тебя опять телефон отключен — Кирилл резко вскакивает на ноги. — Ты где ночевала? — успевает поставить ногу между дверью и косяком, удерживая ее передо мной.

— Не твое дело — пинаю его по ноге, чтобы убрал, но тот лишь сжимает плотнее челюсти и резко дергает дверь на себя.

Вталкивается в квартиру и напирает так, отчего приходится отступить к стене рядом с шкафом.

— Не подходи, мне некогда — выскальзываю из-под руки и направляюсь в комнату. Достаяю из шкафа чемодан и начинаю забрасывать туда вещи. А глазах все расплывается, сердце в ушах грохочет, никак сосредоточиться не могу, потому что Кирилл стоит в дверях, прислонившись к косяку и молча наблюдает за моими действиями.

Заставляю себя собраться. Так, нужно еще обувь собрать, мыльно-рыльные и косметику. Остальное заберу завтра вместе с мебелью.

Прохожу мимо Кирилла в ванную комнату, задевая его плечом, и выгребая тюбики с шампунем, гелем для душа и различные баночки и крема.

— И куда ты собираешься? — снова застыл в дверях.

— Переезжаю — коротко бросаю, когда укладываю косметику в небольшую сумочку

— Зачем? — голос у него взволнован.

— Затем — язвлю в ответ и собираюсь выйти, но Кир заталкивает меня обратно и одним движением подсаживает на стиральную машину. Раздвигает коленом ноги и встает между ними. Удерживает за талию, а глазами ищет мое лицо. Наше дыхание напротив друг друга. Брыкаюсь, но тот сжимает лишь сильнее, удерживая меня на месте.

— У меня ничего нет с Кристиной — низкий голос с хрипотцой подрагивает. — Она неинтересна мне, как девушка, только, как друг. Я ее не хочу, понимаешь ты это? Не хочу ее... А тебя хочу. Я так скучал... Не могу без тебя — губы ловят мой судорожный вздох. В сердце грохот, а в животе зарождается то самое волнующее чувство, когда от возбуждения хочется свести вместе колени, когда чувствуешь, как все пульсирует. — Я не могу без тебя, Улька — губами скользит по скуле, прикрывая веки, и притягивает к себе, утыкаясь лицом в плечо. Там дрожат его горячие губы.

— Она носит твою майку на голое тело — пытаюсь отстранить его, но Кир не позволяет.

— Кристинка, дурочка, специально ее натянула, узнала тебя в глазок. Сама призналась. Знаю, что она влюблена, но и отказать ей тоже не мог, когда у нее такой зашквар дома — проникает руками под футболку и проходится по спине. — Представляю, как все это выглядело. Но у меня, правда, ничего с ней нет.

Мои руки, до этого безвольно висящие, ухватываются за его шею. Вжимаюсь, что есть силы, придвигаясь на край стиралки. Вдыхаю аромат лаванды, исходящий от его футболки. Как сумасшедшая трусь носом о впадинку между ключицами.

— Я думала с ума сойду. Пришла мириться, а тут...

— Главное, что ты пришла — шепчет в ответ.

— Ты не отвечал на звонки, такой идиот.

— Знаю — касается губами основания шеи, затем отстраняется, заключая мое лицо в ладони.

Кто первый сократил те несчастные сантиметры, теперь и не важно. Целуемся хаотично, глубоко и влажно, переплетаясь языками. Стукаемся зубами, как неумелые подростки. Отвоевываем свое. Наказываем друг друга за причиненную боль.

— Прости меня — шепчу между поцелуями — Не нужно было скрывать тебя. Просто я... Так боялась всего этого.

— Ты тоже прости — ловит мою слезу губами. — За все.

Самое прекрасное — это прижиматься к нему, целовать, вдыхать запах кожи.

Как же я скучала.

Может, любить — это не так уж и больно. Самое сумасшедшее — зависеть от человека, без которого дышать не можешь.

Кирилл

Стою с кружкой в руке к ней спиной. Голова готова треснуть, как и долбанный фарфор, зажатый в руке. У нас только все наладилось. Уля закрыла сессию и переехала ко мне. Я, наконец, отстрелялся с экзаменами и по баллам прошел в университет Ломоносова, куда и хотел. Казалось бы, живи, отдыхай, радуйся летним дням, а тут, как обухом по голове.

— Я вернусь в сентябре — шуршит тапочками за моей спиной. — Кир, это такая возможность. Реальная практика, понимаешь? Я не могу упустить.

И я понимаю ее. Черт, конечно, понимаю, но... Так дохрена этих "но". Сдержаться бы и не разнести квартиру.

— Кир — Уля касается теплой ладонью моего плеча. Я в одних шортах, и кожу обжигают ее пальцы. — Ты же хотел скататься с друзьями на юг. Вы все спланировали. Отдохнешь, а там и я вернусь.

— Мы хотели поехать вместе.

Веду себя, как малолетний кретин, но ничего с собой поделать не могу. Обида душит. И тоска. Улька еще здесь, стоит позади, мнетя, не знает, как подступиться, а меня уже сжирает невыносимая тоска.

И предчувствие. Липкое, мерзкое. Будто, это наши последние дни вместе, а дальше темнота.

Не хочу ее терять. Только не ее.

— Будем на видеосвязи. Хоть каждый день. Хочешь, проведу тебе онлайн-экскурсию по Лиону? Ты ведь не был во Франции? — осторожно сцепляет пальцы в замок на моем животе, прижимаясь к спине щекой, и меня током прошибает.

Хмыкаю, вспоминая путешествие с родителями, когда мне было пятнадцать.

— Был — говорю, а у самого в горле пересохло.

— Да? И не рассказал.

— Летали с родителями в Испанию. Небольшой город в Коста-Брава. Взяли машину напрокат и укатили во Францию по лазурному берегу. Сан-Тропе, Ницца, Канны, Монако.

— А фотки есть? — сразу оживляется. — Ты должен мне показать.

— Мне было пятнадцать, и я носил брекеты. Ни за что не покажу.

— Мило — целует между лопаток. — Обязательно покажи.

Рвано выдыхаю скопившийся в легких воздух.

— Я не представляю, как буду скучать по тебе.

— Кир — ее ладонь гуляет по моему животу. — Мы справимся.

— А этот лощеный козел тоже поедет?

Ладонь замирает.

— Он не лощеный козел, а мой начальник. И, да, он поедет.

Мать твою, как внутри все скручивает. Один раз, когда забирал Ульку из офиса, видел этого начальника. Костюмчик, все дела. Холеный. На понтах. Глазами ее жрал.

Это, блин, точно ни к чему хорошему не приведет.

Ставлю кружку с остывшим кофе на подоконник и поворачиваюсь к ней. Обнимаю за талию, склоняюсь, вглядываясь в зеленые омуты.

— Улька, ты же не об этом мечтала. Помнишь, рассказывала, как хочешь работать

редактором, переводить зарубежную литературу в издательстве?

Судорожно сглатывает, растерянно шаря по моему лицу.

— И что ты предлагаешь? Оставить эту работу?

— Если тебе не нравится, конечно, оставить. Зачем себя мучить? Я пишу проги. У меня тоже есть деньги. Еще будет стипендия, родители первое время обещали помогать. А потом я сам найду работу. Я уже почти нашел. У тебя будет время подыскать дело, от которого тебя реально прет.

— Кир — стонет. — Это практика в стране — носители языка, которым я занимаюсь. Отказаться — самая большая глупость.

Падаю головой на ее плечо. Она не передумает. Улька уже все решила.

— Я люблю тебя, слышишь? — гладит меня по спине. — Если ты тоже любишь, мы справимся.

А я влюбился. Первый раз в жизни. До скрежета. До взрыва в башке. У меня духи наизнанку рядом с ней.

Она еще немного сонная, теплая, в моей майке на голове тело. Ныряю руками под тонкую ткань. Провожу по упругим ягодицам, талии. Отсчитываю позвонки и подхватываю под бедра. Прихватываю нижнюю губу.

Улька всхлипывает и отвечает на поцелуй. Глубоко и влажно. Чистый кайф. Несу ее в комнату и укладываю на разложенный диван. На смятую после ночи простынь. Она тут же разводит ноги, подпуская к себе ближе. Нависаю, засасывая ее пухлые губы. Мне больно до ломки от ее красоты, от ее хрупкости и нежности.

Поцелуи хаотичные. Губы, шея, ключицы. Снимаю чертову майку, чтобы видеть ее всю. Выпрямляюсь и кладу ладони на грудь. Сминаю и смотрю на реакцию. Прикрывает глаза. Черные ресницы подрагивают. Сжимаю соски, и Улька со стоном выгибается дугой.

Терпеть нет сил. Обвожу языком ореол и играю с торчащим соском. Ей нравится. Она любит так. И елозит по простыне. Рукой спускаюсь и нахожу клитор. Уже влажная и готовая. Родная. Любимая. Моя.

Растираю влагу по складкам и бью языком по соску. Улька подается бедрами навстречу моим пальцам, как будто я ее уже трахаю. Но не так быстро. У меня в боксерах потоп. Я на взводе, но стараюсь изо всех сил не спустить раньше времени.

Целую между ребрами, еще ниже, живот, вокруг пупка, и по гладкому лобку. Улька мутным взглядом наблюдает, приподнимаясь на локтях, как я устраиваюсь между ее ног, обхватывая их под коленями, и провожу языком по клитору.

Дергается. Начинаю усиленно работать языком, а рукой тянусь к груди.

— Кир не могу больше — Уля рвано выдыхает.

Она на пределе. Отстраняюсь, для того, чтобы стянуть с себя боксеры с шортами и дотянуться до тумбочки с презиками. Улька забирает серебристый пакетик, сама разрывает. Стону, когда перехватывает член рукой. Верх-вниз. Большим пальцем по головке. Блаженно прикрываю глаза, когда она раскатывает резинку, и уже не сдерживаюсь. Подминаю по себя и одним рывком вхожу.

Наши стоны перемешиваются. Беглые поцелуи, ее ногти по моей спине, мои руки на ее груди. Движемся в такт. Переворачиваю на живот в коленно-локтевую позу и вдальбливаюсь, как в последний раз, надрачивая клитор пальцами. Покусываю шею.

— Агх... Боже — Улька стонет в голос.

И когда чувствую пульсацию вокруг члена, сам спускаю.

Откидываюсь рядом с ней, запыхавшейся и покрасневшейся. Стягиваю презерватив, завязываю узлом и кидаю рядом с диваном.

Меня накрывает смесью боли и отчаяния. Прижимаюсь к ее спине, сцепляя руки на животе, и утыкаюсь носом в шею. Не могу отпустить. Не хочу. Дышу ее кожей. Только она пахнет так, что у меня крышу сносит.

— Не уезжай, Улька — целую влажную кожу. — Не смогу без тебя.

— Кир — накрывает мои руки своими ладонками. — Пожалуйста, пойми меня... И прости.

А через неделю Уля улетает в Лион.

Ульяна

«За вещами можешь заехать завтра до пяти. Меня не будет»

Это сообщение от Кирилла я получила сегодня в три утра, когда самолет приземлился в аэропорту «Шереметево». Внутри все скрутило. Несколько минут я раздумывала отвечать или нет, но все же решила написать, чтобы наверняка.

«Хорошо, я постараюсь успеть»

Не дожидаясь отметки о прочтении убираю телефон в боковой карман рюкзака и выдвигаюсь за толпой в сторону таможенного контроля. Да, и какая отметка в такую рань. Кирилл, наверняка, еще спит.

Злюсь из-за того, что очередь движется слишком медленно, а у меня уже билеты на поезд куплены. Списываюсь с Машей, она обещала встретить. Пока утрясаю дела с университетом, занимаюсь переводом на заочку и увольнением с прошлого места, подруга разрешила пожить у нее. Еще нужно домой смотаться, решить вопрос с рабочей визой, а там обратно в Лион.

На одной из презентаций оборудования для реабилитации малоподвижных пациентов, мне предложили место в редакции медицинского журнала. Я до сих пор не могу поверить, что переезжаю в Леон. Пусть пока по срочному контракту и в качестве помощника редактора, но все же это за гранью моего представления о своем будущем. Я готова хоть кофе всем подавать, лишь бы остаться. Лишь бы окунуться в эту атмосферу созидания.

Кириллу я сообщила накануне своего вылета домой. Тянула до последнего, потому что понимала, как он может отреагировать. Но на такой исход все равно не рассчитывала.

Он молча выслушал, а потом спросил, собираюсь ли я там остаться, если мне предложат постоянную работу. И по моему молчанию понял все, что я не смогла ему объяснить.

На чаше весов была моя карьера и наше с ним будущее.

— Мы что-нибудь придумаем — твердила ему и сама себе не верила. — Я же все равно буду приезжать на сессию.

Что тут можно придумать, когда мы будем жить в разных странах. У него в России учеба, а у меня во Франции намечается работа. К тому же мне обещали помочь с курсами.

— Ты херишь все, понимаешь? Ты же обещала, черт возьми? — кричал он. — Что мы можем придумать? Я хочу тебя видеть, хочу тебя обнимать, целовать, заниматься сексом, в конце концов. Я молодой парень. Ты нужна мне. Я не хочу просто пялиться в экран. Ты все решила за нас, так каких теперь слов от меня ждешь?

Я молча плакала. Я все понимала.

— Послушай, Кир. Это мое будущее. Ты еще только начнешь учиться. У тебя все впереди, а у меня скоро выпуск. Нужно уже сейчас задумываться о карьере. Я не хочу ни у кого сидеть на шее, хочу сама сделать карьеру, хочу сама хорошо зарабатывать, заниматься любимым делом. Такой шанс, какой выпал мне, это... Я даже не рассчитывала. Признаюсь, что, когда мне предложили, не раздумывала ни секунды, потому что больше такой возможности может и не быть.

Он первым сбросил вызов, а потом написал, что нам лучше больше не видеться.

На перроне меня встретила Маша, как и обещала.

— Улька — машет рукой, когда сквозь толпу пробирается к моему, десятому вагону.

Обнимаю ее и зарываюсь носом в мягкие душистые волосы. Слезы накатывают ручьем.

Подруга все знает и, не докучая лишними расспросами, гладит по спине.

— Я на машине, так что поедem сразу туда. Лучше не тянуть, а сделать все не раздумывая. А то начнешь гонять — то, да, се.

Благодарно киваю и направляюсь к стоянке следом за подругой. Успеваем к трем. Достаю из косметички ключи от квартиры Кирилла и поднимаюсь на седьмой этаж. Машу я попросила подождать в машине. Хочу собраться в тишине. Без лишних шумов. Меня и так колотит.

Открываю дверь и застываю в прихожей, оглядываясь по сторонам. Сердце щемит невозможной тоской, легкие сковывает от сдерживаемых всхлипов. Кладу ключи на тумбочку, снимаю кроссовки и замираю, потому что слышу шаги.

Он молча стоит в проходе в комнату. Ничего не говорит. Просто смотрит, сложив руки на груди. На нем домашняя футболка и шорты. Волосы отросли и небрежно сколоты на затылке в маленький хвостик, открывая шею, скулы и лоб.

На щеках и подбородке еле заметна щетина. И глаза... Усталые и красные.

Кир выглядит старше.

— Еще нет пяти. Ты сказал, что тебя не будет до пяти.

— Знаю — голос охрипший. Отодвигается в сторону. — Проходи, собирай.

Смотрю на него и понимаю, как же я на самом деле безумно скучала. Руки сами тянутся в порыве скорее обнять свое, родное, любимое. Но я сжимаю ладони в кулаки и, молча, протискиваюсь в комнату.

Подальше от него, лишь бы плечом не задеть. Лишь бы не чувствовать его запах, который и так пропитал всю квартиру. Мускат, сандал и что-то терпкое, мужское.

Возле шкафа уже лежат мои чемоданы, разложенные и пустые. Раздвигаю дверцы и растерянно осматриваю полки. Не разбирая начинаю сгребать одежду, потом достаю обувь. Еще у меня есть дорожная сумка

— Можешь одолжить пару пакетов, чтобы обувь сложить?

Кир хмыкает и выходит из комнаты, возвращаясь с пакетами в руках. Молча бросает их рядом с чемоданом и не успеваю подхватить один, как Кир подлетает молнией и встряхивает меня за плечи.

— Что же ты делаешь? — рычит мне в лицо, а взгляд, как у побитой собаки. — Что ты делаешь со мной?

Как же больно. Невыносимо.

Кир ослабляет хватку, опускает руки на мою талию и прижимает к себе, утыкаясь в мою шею.

— Улька, останься. Я не могу, не могу без тебя.

Влажные дорожки уже скатываются по моим щекам.

— Я буду прилетать на сессию. Может, еще получится как-нибудь на выходных.

Его пальцы сминают ткань легкой блузы на моей спине, двигаясь к лопаткам.

— Мне этого мало.

— Кир — стону в бессилии. — Ну, пойми. Поставь себя на мое место. Отказался бы ты от работы за границей с перспективой остаться в стране, о которой даже и мечтать не смел?

Чувствую, как его горячее дыхание заходит в бешеном ритме на моей шее, а потом затихает. Руки отпускают. Кир отступает, проходясь беглым движением тыльной стороной ладони по глазам.

Смотрим друг на друга — я в немой просьбе, а он в отчаянии.

— Тогда это все — бросает мне в лицо и выходит в коридор. — Удачи тебе — бросает, прежде чем хлопнуть входной дверью.

Несколько месяцев спустя...

— И как тебе эта работа? — спрашивает Маша, когда сидим в баре на Набережной.

Пожимаю плечами. Не хотелось бы рассказывать, что это не совсем то, о чем я мечтала.

— Ну, как сказать... Интересно, конечно — отпиваю красное вино из бокала. — Но пока я больше на побегушках. Отнеси, распечатай, подай... Как-то так. А вот курсы интересные. Правда, у меня почти все заработанные деньги уходят на съём жилья, оплату счетов и курсов.

— Ох — Маша мечтательно вздыхает. — Я все равно тебе завидую. Это же Франция и возможность остаться в этой стране навсегда.

— Да, только там далеко не сказка, как может показаться на самом деле. Свои правила, свои законы. И медицина. Лучше ничем не болеть.

Подруга хмыкает

— Ну, и что. У нас здесь тоже не Диснейлэнд, знаешь ли. Кстати, а как там парни? Всегда мечтала познакомиться с французом. Помнишь, тех ребят по обмену, которые приезжали к нам на первом курсе?

Киваю головой. Конечно, помню. Машка от них не отлипала. Особенно от патлатого Луи с серьгами в ушах. Он красил ногти черным лаком и всегда ходил в одних и тех же ботинках.

— У них особый шарм — продолжает подруга. — Движения, манеры, мимика.

— Ага, а еще самовлюбленные до жути.

— Ну, не без этого. Кстати, а у тебя не появился свой личный француз?

Неуютно ежусь. Не хотела бы вообще касаться этой темы.

— Я ни с кем не встречаюсь, если ты об этом. Но есть там один. Поль из типографии. Ходим иногда в кафе, пару раз были в кино, но ничего большего. Я не хочу. Не готова пока к отношениям. Да, и времени на них у меня совсем нет.

Маша придиричиво щурится.

— Это из-за него, да? Вы больше не общаетесь?

Боже, до сих пор больно говорить про него. Опускаю взгляд, рассматривая ножку от бокала, как будто там есть что-то интересное, и мотаю головой.

— Нет. С того самого разговора у него в квартире.

— И что даже страничку его в соцсети не палишь? — не унимается Машка.

Снова мотаю головой. Признаться, руки тянулись не раз и не два, но я сдерживалась. Не хочу знать, есть ли у Кира кто-то. Как отреагирую на это? Что станет с моей душой? Потому что в ней до сих пор он.

— И правильно — берет бутылку. Давай лучше выпьем. Скоро девчонки подъедут и отправимся тусить, как в былые времена, да? Нужно перед сессией хорошенько оттянуться.

Даша и Аня появляются через полчаса. И спустя еще одну бутылку вина, мы выдвигаемся в клуб. Выбираем довольно пафосное заведение, расположенное на той же Набережной. Гулять, так на все, как говорится.

На улице красиво, уходить не хочется. Повсюду царит атмосфера прошедших январских праздников. Гирлянды, украшения, иллюминация. Навивает какую-то щемящую, но при этом благоговейную тоску.

В клубе занимаем заранее забронированный столик на первом этаже рядом с танцполом и заказываем напитки. Девчонки, не переставая, спрашивают меня о жизни в Лионе, о работе, местных парнях и традициях. Еде успеваю отвечать. И все это вперемешку с музыкой, из-за которой приходится чуть ли не кричать.

На танцполе не протолкнуться, но я позволяю себе расслабиться, потому что впереди две недели сплошных экзаменов. Танцую, растворяясь в музыке, в бешеном ритме, а потом взгляд мимолетно цепляется за бар в центре, и я останавливаюсь. Дрожью по позвонкам бежит оцепенение.

Он стоит боком, но я точно знаю, что это все же он. Волосы снова короче и с одной стороны падают на лицо ровно до скулы. Кир улыбается девчонке с темными волосами, которую приобнимет за талию, пока она что-то щебечет и в перерывах потягивает через трубочку коктейль из высокого стакана.

Дыхание учащается, и кажется сердце сейчас разорвется. Щемящая тоска скручивает, как в ломке, мое тело. И не важно, кто ли она девушка или просто случайная знакомая, которую он сегодня подцепил. Все неважно.

Срываюсь с места и мчусь в сторону туалета. Забираюсь в свободную кабинку и приваливаюсь спиной к закрытой двери. Раз, два, три — считаю, пока не выровняется дыхание.

Только не плакать, не смей плакать — твержу себе. Тело кидает то в жар, то в озноб. Больно, как же до сих пор больно.

И в голове водоворот мыслей. Может, подойти. Как он отреагирует на это? Или написать, что я в городе. Или... Господи, что за бред. Хлопаю себя по щекам и выбираюсь наружу. Подхожу к веренице умывальников и подношу руку, чтобы потекла вода.

Блин, никак не выходит. Что за долбаная система.

В крайней кабинке хлопает дверь и боковым зрением замечаю движение. Кошусь на незнакомку и понимаю, что это та самая девушка, что стояла к Киром.

Час от часу нелегче.

Наверное, я пялилась на нее, как последняя идиотка. Потому что девчонка косится в ответ и мило, очень мило мне улыбается.

— Тоже ненавижу такие краны, потому что стоит убрать руку, как напор пропадает.

Наблюдаю за ней.

Красивая и явно меня моложе. Броская. Яркая. Почти черные, немного раскосые глаза, пухлые губы. Стройная фигура, затянутая в темно-зеленое платье выше колен, открывающая прямые ноги.

Идеальный макияж. Я раньше и сама такой делала, но с переездом в Лион перестала. Только ресницы и губы. Там как-то по этому поводу особо не парятся. Даже тон лица не выравнивают.

Она споласкивает руки, вытирает их бумажным полотенцем и достает из сумочки пудру.

Губы не красит. И, действительно, зачем. Вспоминаю, что Кир не любит помаду на губах, даже блеск не переносит. Наверное, она тоже это знает.

Девчонка еще раз улыбается мне и смерив оценивающим взглядом выдает:

— Классный топик. Он из последней коллекции, верно? У нас такой сейчас не купишь.

— Я работаю в Лионе — зачем-то выпаливаю ей. — Там и брала.

— Круто — вздыхает брюнетка. — Ладно, пока подруга — подмигивает мне напоследок

и скрывается за дверью.

А мне снова требуется время, чтобы продышаться. Так и стою над раковиной до тех пор, пока меня не находит Маша.

— Ну, ты чего зависла то здесь? Плохо что ли?

Слезы вмиг накатывают волной. Все размывается. Ничего не различаю.

— Плохо — и утыкаюсь подружке в плечо. — Машка, как же мне плохо — уже не сдерживаюсь.

— Я тоже его узнала — поглаживает по спине Маша. — Хочешь свалим отсюда?

— Нет- мотаю головой, отклоняюсь и вытираю пальцами потекшую тушь под глазами. — Вы оставайтесь, а я такси вызову.

— Не хочу тебя одну сейчас оставлять — заглядывает на меня.

Выдыхаю, освобождая легкие.

— Маш, я все равно уже спать хочу. Сейчас такси вызову.

— Давай, я тебя провожу? — смотрит на меня с беспокойством.

Как же я скучала по ней. Там, в Лионе, мне так и не удалось обзавестись такими подругами, как здесь, дома.

— Давай — соглашаюсь и направляюсь к выходу.

Пока я копаюсь в приложении, Машка забирает одежду из гардероба.

На улице холодно, особенно в моей тонкой искусственной шубке, едва прикрывающей бедра. Но это самое теплое, что удалось впопыхах купить перед поездкой в Россию.

Стоим возле ворот клуба. Мне пришло сообщение, что машина прибудет через семь минут. Главное, продержаться.

— Улька, ты только не раскисай, ладно? Вот, сдашь экзамены и свалишь обратно к своему Полю. А, может, и настоящую любовь найдешь. Знаешь, все что ни делается, все к лучшему, правда?

— Ага — растерянно соглашаюсь, пока вглядываюсь в сторону перекрестка, откуда должна подкатить машина. — Все к лучшему — повторяю за ней, как мантру.

— Будем к тебе в гости летать — Маша пытается разрядить обстановку. — Приютишь нас?

— Еще спрашиваешь — чмокаю ее в щеку, заприметив вырulingивающую из-за поворота бело-желтую тойоту.

— Вот, блин! — недовольно восклицает Машка — Уль, обернись.

Вопросительно смотрю на подругу, на что Машка кивает в сторону клуба.

Оглядываюсь.

Кирилл выбегает без верхней одежды. Ветер треплет его волосы, вздыбливая их вперед, прямо на лицо. Торопится в нашу сторону.

Как будто, и не он вовсе. Совсем другой, чужой, из прошлой жизни, когда моя кожа покрывалась мелкими мурашками, стоило ему ее коснуться.

Останавливается прямо напротив, запыхавшись. Его глаза искрят, дымят. Кир взволнован и растерян.

А рядом Машка и машина с доносящимся из салона шансоном.

Кир молча заключает мое лицо в ладони и вглядывается, не веря.

— Это ты — то ли спрашивает, то ли констатирует факт. Из его рта клубится пар на морозном воздухе. — Черт, это и в самом деле ты — оглаживает мою кожу большими, еще теплыми пальцами.

— Привет — жадно рассматриваю его.

Повзрослел. Скулы стали заметнее и черты лица как-то резче. Но еще красивее, еще притягательнее.

— Такси за тобой? — кивает на машину.

Я и слова вымолвить не могу. У меня стопор. Заклинило. Онемело все.

— Да, за ней — спасает подруга.

— Погоди — хаотично убирает с лица мои волосы, а руки дрожат. И хочется думать, что совсем не от мороза. — Не уезжай. Я сам тебя подброшу.

В панике кошусь на Машку, ищу в ее глазах ответ, что же мне делать. Или спрятаться в автомобиле, хлопнув пассажирской дверью напоследок, или отозвать такси.

Кир, улавливая мое замешательство, сам разбирается с таксистом, отправляя его по следующему вызову.

Молча моргаю, пока красные огни скрываются за поворотом. А потоп оживает Машка.

— Я тогда пойду, Уль? Если что, звони, ага? — мнется возле нас.

Только киваю в ответ. На большее меня не хватает.

И вот остаемся одни посреди заснеженной улицы в тусклом свете фонаря.

Боже мой, я так мечтала увидеть его еще хотя бы раз, а вот встретились и не могу вымолвить и слова.

— Ты на время здесь?

— Да, прилетела на сессию.

Кирилл разочарованно поджимает губы.

— Надолго?

— Две недели.

Ветер колышет его футболку.

— Кир, ты замерзнешь — смотрю, как тот прячет руки в карманах джинсов.

— Уль, ты подожди здесь, ладно? Не уходи никуда. Я сейчас. За курткой сбегаю и вернусь.

— Погоди — останавливаю его за руку. — А как же та девушка? Я видела, ты был с девушкой.

— Да, это Анька с моего курса — чуть склоняется, чтобы рассмотреть мое лицо. — Уль, мы не встречаемся. Не уходи.

И уносится в сторону клуба. А я так и остаюсь на месте, не решаясь даже сдвинуться. Снаружи тело окоченело, а внутри пожар. Внутри адреналин гоняет кровь по венам.

Вскоре Кирилл возвращается в уже накинутой поверх футболки куртке. Хватает за руку и тащит за собой.

— Пошли.

Как под гипнозом следую за ним. Подходим к черной мазде. Кир щелкает брелком, огибает автомобиль и распахивает передо мной пассажирскую дверь.

— Садись, а то сама замерзнешь.

Внутри пахнет ванилью, и еще достаточно холодно. Кир заводит машину и включает климат-контроль, чтобы прогреть салон. Трогаемся с места.

— Может, заедем куда-нибудь? — косится на меня.

Стоит ли это все делать? Ведь я снова скоро уеду. Но разум затуманен от его близости. Такой долгожданной. Я бы сейчас бросила все и кинулась к нему на шею. Чтобы только почувствовать Кира рядом.

— Не отказалась бы от кофе.

— Тут не далеко есть отличная кофейня — расплывается в улыбке и выруливает на трассу.

В машине тепло и блаженно. Запах ванили смешивается с его туалетной водой. И меня

будоражит от всплывающих то и дело камбэков.

— И как у тебя дела? Блин, я дохрена раз хотел открыть твою страницу в соцсетях, убедиться, что у тебя все хорошо. Но... Это больно. Я не смог ни разу.

— У меня все хорошо. Работаю, учусь, обживаюсь.

Перевожу взгляд на его красивые, длинные пальцы на руле. Невольно вспоминаю, как они касались моей кожи, и мурашки расползаются по телу.

— Как и мечтала? — искоса заглядывает на меня.

— Ну, почти.

— Почти? — переспрашивает.

Отрываюсь от созерцания его пальцев и отворачиваюсь к окну.

— Просто это совсем другая страна. Все чужое. Нужно привыкнуть.

Доезжаем до места.

Внутри тихо, и заняты всего два столика. Выбирай любой. Садимся в закутке возле все еще наряженной елки.

Стол совсем узкий, и мы так близко, напротив друг друга, отчего мне кажется, что я ощущаю его дыхание на своем лице.

Приносят кофе и пончики в сахарной пудре. Я помню, что Кир совсем не любит сладкое. Значит заказал для меня. Не забыл. Может, и нас он еще не забыл? У меня то каждый день, проведенный с ним, врезался в подкорку памяти. И стереть не получается, как ни старайся.

Болтаем ни о чем. О пустяках. Об учебе, его новых друзьях. О моей работе и жизни в Лионе. Но ни слова о главном. О нас.

Смотрю на время и спохватываюсь.

— Кир, мне завтра на консультацию. Нужно поспать немного.

— Да, конечно — расплывается, и выходим на улицу. — Тебе куда?

— Отель "Холидэй" на Воровского — усаживаюсь в автомобиль.

Теперь уже едем молча. Вот-вот скоро расстанемся, и мне становится так плохо, что хоть кричи. Кир еще пока рядом. Красивый, родной и не мой. Не мой больше.

— Тебя проводить? — спрашивает, когда останавливаемся на парковке рядом с главным входом.

— Нет, спасибо.

Но Кир все же выходит из автомобиля. Останавливаемся друг напротив друга рядом с передним капотом, освещаемые фарами.

Сердце грохочет, внутри все ноет. Только встретила и снова теряю. И как-то все неловко. Все не так. Без нужных слов, без откровений.

Как же ты жил без меня? Неужели забыл? Я вот не смогла.

— Кир... — закусываю губу, не знаю, как продолжить, что сказать, просто тяну время.

И он понимает без слов. Сокращает и без того ничтожное расстояние между нами и прижимает к себе. Его руки шарят по моей спине, вжимаются в лопатки, горячее дыхание опалает шею. Я же утыкаюсь носом ему в грудь между полами расстегнутой куртки и слышу, как грохочет его сердце. Хочется плакать, хочется кричать на разрыв.

— Я скучал, Улька. Я так скучал... Старался забыть, переболеть, как лихорадкой. Но таблетки нет. Не получается. Ничего не получается.

— И я скучала — признаюсь, сдерживая поток слез.

Кирилл поднимает голову и ловит мои губы. Сначала целует нежно и сладко. Пробует

на вкус, вспоминает. А потом проводит языком по нижней губе и срывается. Хватаюсь за его куртку, в то время как его руки вжимают меня к себе вплотную. Мы просто набрасываемся друг на друга. Он слизывает мои слезы, и я тоже чувствую солоноватый привкус. И уже не остановиться. Даже если землетрясение девять баллов.

Кирилл

— Кир, а что это за Аня с твоего курса? — Уля лежит на мне, подпирая голову ладонями и щекочет своим дыханием кожу в районе грудины.

Бля, вот прямо чувствовал, что Улька все равно о ней спросит. А что ей ответить? Я пояс безбрачия на себя не пялил. Пытался ее забыть. И дохрена злился, потому что решила все за нас. Перед фактом поставила.

— Ну, мы с ней пробовали встречаться, как только познакомились на лекциях. Но потом поняли, что нам лучше дружить.

— И почему? — не унимается Уля.

И меня на ржач пробирает, потому что у нее пипец какой серьезный вид.

Я поднимаю руки, которые до этого гладили Улькину спину, хватаю за плечи, перекатываю ее на спину и нависаю сверху на вытянутых руках так, что моя цепочка с кулоном маячит над Улькиными ключицами.

Она ойкает.

— Блин, я же серьезно тебя спрашиваю, Кир. Почему у вас не получилось? Мы с ней пересеклись в туалете, поболтали, она интересная. И брюнетка — последнее добавляет с явным подколом.

Я и так знаю, что они пересеклись. Когда Аня вернулась из туалета, раздраженно принялась втирать мне про классную шмотку бренда, который сейчас в Раше не достанешь, случайно замеченную ей на ком-то. А потом даже показала на ком именно. Тут я и выпал из реальности, пока наблюдал, как Уля покидает клуб.

Откидываю от ее лица все еще влажные после душа, темные пряди и костяшками оглаживаю острую скулу.

— У нее, вроде как, безответная любовь к одному парню — большим пальцем провожу по распухшей, покрасневшей Улькиной нижней губе. — Уль, но я не буду тебе гнать о том, что все эти месяцы свято верил в твое возвращение и занимался лишь дробкой. У меня были девчонки после тебя во всех смыслах.

Уля поджимает губы, и я убираю палец. Не удивлюсь, если сейчас скинет меня и выставит за дверь, но врать ей я не собираюсь. Но она сама закидывает мне руки на шею и притягивает к себе ближе.

Целую, прикрыв глаза. Сначала медленно, смакую ее вкус, запах, а потом разгоняюсь, раздвигая коленом ее охрененные ноги в стороны, и устраиваюсь между ними. Мы голые после недавнего секса и душа. Трусь уже вставшим членом о ее живот. Улька всхлипывает и выгибается мне на встречу.

— Кир, мне на консультацию нужно.

А мне нужно еще разок. Хотя, если честно, я сейчас в таком запале, что и одного трения о ее живот бы хватило для скорой разрядки.

— Я отвезу — спускаюсь поцелуями по шее и накрываю упругую грудь рукой.

— Блин, я опоздаю — Улька стонет куда-то в потолок, когда я прокладываю языком дорожку от ложбинки до пупка и обратно к груди, а рукой растираю влагу между складок.

На консультацию привожу ее с пятиминутным запасом. Улька улетает в сторону здания, даже не потрудившись натянуть шапку и застегнуть свою недошубу, а я заезжаю в Мак за

бургерами и кофе.

Уля появляется на стоянке, примерно, через час. Сразу же запрыгивает в салон и бросается обниматься. А я только рад, ладно хоть бургер успел дожевать. В ответ на обнимашки жадно ее целую и, напоследок, чмокаю в холодный нос.

— Глянь-ка сюда — верчу перед ее лицом упаковкой с бургером — И тебе зацепил. И еще кофе — киваю на подстаканник.

Улька расплывается в такой трогательной улыбке, отчего невыносимо хочется потискать ее и никуда не отпускать.

— Спасибо, Кир — берет стакан с кофе и делает большой глоток, жадно постанывая от удовольствия.

— И какие у тебя планы — хочу спросить про "вообще в будущем", но не решаюсь вот так сразу подвалить к главному. — На сегодня?

Улька разворачивает упаковку.

— Да, в общем никаких особо, только к экзамену готовиться. Нужно пару статей прочитать и так по мелочи кое-что повторить.

— А мне только курсовую к двум на кафедру завести для автомата. Может... — вжимаюсь руками в руль от перенапряга. — Ты ко мне пока переберешься? Ну, вместо отеля.

Улька морщит брови и мотает головой. Это просто эпик фейл какой-то. Я с таким трудом из себя это выдавил.

И чего она строится? Мы же трахались всю прошедшую ночь и утром, напоследок... Камон, чего теперь-то на попятную идти.

— Давай оставим все, как есть — и жует свой бургер.

— А как есть? — решаю докопаться, потому что у меня в башке уже такие грандиозные планы, самому страшно.

Комкает пустую упаковку и складывает в пустой стакан из-под кофе.

— Вот так, Кир. Ты у себя, а я у себя.

— Потому что ты скоро опять свалишь в свой Лион?

— Да. Не хочу давать ложной надежды.

Вот, это выдала! Меня аж передернуло всего.

— А что было прошлой ночью? Не ложные ли надежды, блять?

Понимаю, что внутри все по новой закипает. Меня сейчас понесет, и мы разосремся. Может, в этот раз окончательно.

— Я же сказала, что прилетела на сессию, а потом снова вернусь туда — Улька не отстает.

Сидим в тачке на парковке возле лингвистического универа, а за окном долбит девятибальный снегопад, и надо бы сваливать.

— Я не про твое возвращение. Не дурак, и так понял. Я про то, что между нами былс ночью. Мне показалось, что мы, вроде как, помирились. Ты не можешь без меня, я без тебя. Так давай попробуем встречаться на расстоянии. Ну, знаешь, переписка в снэпчате, видеозвонки, и все такое. Могу даже подрочить для тебя на камеру — томно понижаю голос, хотя у самого губы в улыбке расплываются, и склоняюсь к ней ближе.

— Дурак — пихает меня в плечо. — В прошлый раз ты сказал, что тебе этого мало. Чтс же изменилось?

— Ну, я понял, лучше так, чем совсем никак.

Улька шарит по моему лицу повлажневними глазами и снова тянется для обнимашек, а

я ловлю ее губы и прикусываю нижнюю.

Нам обязательно нужно что-то решить, но желательно, чтобы это что-то было вместе, иначе я загнусь, нахрен.

Ульяна

Сегодня был последний экзамен, и послезавтра у меня вылет обратно. Билет куплен, вещи в большинстве своем собраны. Я так и не переехала на время сессии к Кириллу, хотя почти безвылазно жила у него.

И мне хочется задержать каждую минуту, уловить время. Замедлить его, остановить, чтобы как можно дальше отстрочить свой вылет. Но так не бывает, и тоска надрыгает мое сердце, отзывается в теле ноющей болью.

Мы сидим на кровати и играем в дурака. За окном крупными снежинками ложится снег. Я в его футболке и дурацких махровых носках с изображением пенисов в новогодних колпаках, которые ему подарил друг с копной кудряшек на голове. Идиотские носки, конечно, зато мягкие и теплые.

Кир расположился напротив в позе по-турецки в одних серых шортах, а волосы, падающие на лоб и глаза, собрал наверху в небольшой хвостик, отчего лицо сделалось совсем юным.

Ходит Валетом крестей. Крою сверху Дамой.

— Еще — хитро щурится, протягивая козырного Валета.

А у меня остался козырный Король и обычная девятка червей. Крою Королем и надеюсь на чудо.

Но Кир, покусывая нижнюю губу и проедавая меня глазами, кидает Даму бубен.

— Блин — кидая карты на покрывало. — Снова ты — хмыкаю и бросаю в него подвернувшуюся по руку подушку.

Кир уворачивается и, сграбастав меня в охапку, тащит на себя.

— Опять мое желание — убирает со лба волосы и нежно касается его губами.

И у меня от этой нежности щемит грудь. У меня все ноет от его запаха, его близости, его теплых рук, потому что совсем скоро я все это оставлю. Его оставлю.

У Кира теперь такое тело. Красиво прокаченные мышцы, которые хочется постоянно трогать, прикасаться. Он с каждым днем становится все привлекательней, и у него, наверное, толпы девчонок. И я не знаю, как буду перебарывать в себе постоянную ревность, потому что Кир всегда окружен толпой.

— И что на этот раз? — прижимаюсь щекой к его груди и в блаженной неге прикрываю глаза, чтобы запомнить эти ощущения.

А потом, когда станет совсем хреново, вспоминать, каково это лежать в его объятиях и слушать биение сердца.

— Ммм, хочу сейчас сходить с тобой в кофейню, что за углом рядом с остановкой и купить там карамельный латте, а потом прогуляться. Мы еще ни разу с тобой не гуляли, вот так, по зимним улицам.

— Ну, неет — стону, утыкаясь носом в кожу. — Не хочу никуда идти.

— Улька, да, не нуди — перетаскивает меня повыше и целует в губы. — На улице сейчас офигеть, как круто. Давай, пойдём. Я тебя в сугроб посажу и снежки за ворот накидаю. Круто же — снова целует.

— А потом отогреешь — ставлю свое условие, хотя мне так неохота куда-то вылезать из уютного тепла его квартиры.

— Еще как отогрею — его руки проворно сползают к пояснице и останавливаются на ягодицах, сжимая их ладонями.

— Но мне не в чем — еще пытаюсь сопротивляться. — Шуба тонкая и шапки нет.

— Пфф, вообще не проблема — выползает из-под меня и скрывается в коридоре.

А затем появляется в проеме с довольной моськой, черным пуховиком в одной руке и вязаной шапкой с помпоном в другой.

— У меня еще есть угги, только они сорок пятого, так что, сорян.

В итоге через двадцать минут выползаем на улицу. Я в черном пуховике, в котором почти утонула, вязаной шапке, шарфе, заботливо намотанном Киром. Тепло, и внутри истома от знакомого волнующего запаха, исходящего от его одежды. А на улице и, правда, волшебю.

Заходим в кофейню. По окнам развешаны фонарики и пахнет выпечкой. Заняты всего пару столиков, но мы не собираемся там оставаться, решили сразу же погулять.

— О, Сем, привет. Твоя смена? — Кир тянет руку баристе с огненно-рыжими волосами, собранными в низкий хвост.

— Здравю — пожимает ладонь и улыбается, обнажая зубы с немного выпирающими клыками. — Да, опять Ленка просила подменить. Как экзамены?

— Норм. Отстрелялся уже.

Бариста переводит взгляд на меня, оценивающе задирает такую же рыжую бровь и кивает Киру.

— Она?

Я удивленно кощусь в сторону Кирилла.

— Да, это Ульяна. А это Сема. Как-то раз ему пришлось выслушивать про тебя целую тираду.

— Ага — хмыкает парень. — Это было эпично, бро.

— Лучше не вспоминай — тянет Кир. — Сделай-ка мне лучше твой потрясный карамельный латте, а тебе? — смотрит на меня.

— Горячий шоколад — отвечаю с ходу.

— Щас по высшему разряду намутим — подмигивает мне бариста и начинает свои пляски у кофемашины.

Кир перекидывается с баристой новостями из универа. Узнаю, что Сема учится вместе с Киром в параллельных группах. Получив напитки, он прощается с рыжим парнем. Тот напутствует, чтобы я больше Кира не обижала, иначе еще одну порцию соплей он не выдержит.

А я лишь мило улыбаюсь в ответ, потому что ответить мне нечего. Ведь совсем скоро я опять улечу, и как все сложится, никто не знает.

Добираемся до сквера, на который выходят окна квартиры Кирилла и прогуливаемся по узкой аллее, освещенной фонарями и разноцветными гирляндами.

Так тихо вокруг, лишь вдали шумят проезжающие мимо автомобили, и где-то лает собака.

— Кир — собираюсь с мыслями, чтобы начать разговор, потому что больше не могу гонять все эти вопросы в одиночестве, которые днем и ночью хорюводят в моей голове. — Ты на самом деле думаешь, что мы сможем? Что у нас получится?

Кирилл приобнимает меня за талию, притягивая ближе, и идти так немного неудобно из-за разницы в росте, но ощущать его тепло невероятно приятно. Мне необходимо

чувствовать его. Я хочу его. Постоянно хочу. И это сводит с ума.

— Я на это надеюсь — останавливается и поправляет мою шапку, съехавшую назад. — Люблю тебя, Улька

Мне так страшно, но одно я могу сказать точно, даже призрачные мечты о будущей встрече, переписки и звонки лучше, чем никогда его больше не увидеть.

Кир засовывает одну руку мне под пуховик в район поясницы и другую на затылок и целует. Губы холодные и пахнут кофе. Сама тянусь к нему, привстаю на цыпочки, сжимаю плечи.

А потом Кир отклоняется, и мы летим в сугроб. Все, как и обещал.

Кирилл

Всю дорогу до аэропорта рассказываю Ульке дебильные байки и травлю анекдоты, как будто, если вдруг заткнусь, то во мне сломается какая-нибудь фиговина, и весь механизм к чертям развалится. Вот такая лажа. По-хорошему, мне бы заткнуться или врубить музыку, или, лучше всего, обсудить, что нам делать дальше, но я сегодня король юмора, мать вашу!

А Улька не перебивает, Улька не просит меня заткнуться, просто мило улыбается и монотонно постукивает пальцами по моему бедру.

Короче, мы делаем фейс, что у нас все зашибись. Словно, она сейчас не улетит от меня за дохрена километров, а я не останусь в пустой квартире с кучей вопросов в голове и самым главным из них — что делать дальше.

Эй, ребят! Все гуд, мы просто влюбленная пара, отправившаяся в путешествие. Посмотрите на нас, мы кайфуем! Вот такие веселые и счастливые!

А внутри я уже рыдаю, как сопливый пацан. Внутри я уже перед ней на коленях, обхватив руками стройные ноги и уткнувшись в теплый живот носом, молю не покидать меня. Зацеловываю ее ладони и прикладываю к щекам, шепчу, как люблю ее, как мне будет плохо. Шепчу, словно тайну, как очумевший, что нам нельзя расставаться. Вот совсем. Не при каком раскладе.

А Улька в моей голове, в моих мыслях обнимает меня в ответ и просит забрать ее обратно, просит не отпускать.

И я подхватываю ее чемоданы и несусь к тачке, как можно скорее, чтобы Улька не передумала. Сцеловываю все слезинки на ее щеках, а потом целую ночь трахаю то быстро и смазано, бешено, то медленно, растягивая кайф, чтобы в башке улеглось одно единственное знание — Улька со мной.

Но вот я выдаю очередной перл, заруливая к развязке возле аэропорта, а Улька хмыкает в ответ, рассматривая в окне здание терминала.

И даже тот факт, что мы вместе не облегчает ситуацию. Потому что сейчас я точно осознаю, что не смогу расстаться с ней, не смогу порвать. Она клеилась в меня, вросла. У меня сердце выбивает ритм, а ее сердце его продолжает. Мы, как сиамские близнецы. Чтобы различить, придется порушить.

— Я сейчас высажу тебя у дверей, а сам припаркуюсь, ладно? — объясняю Ульке, когда заворачиваю на основную дорогу к терминалу. — Только не стой на морозе, иди внутрь.

Улька, словно сбросив оцепенение, растерянно кивает, промаргиваясь, и проверяет содержимое сумочки.

Проезжаю чуть дальше, где нет скопления такси, быстро выбегаю и достаю из багажника чемодан. Подкатываю его на тротуар, где ждет Уля и коротко чмокаю в щеку.

Оплачиваю парковочное место и иду пешком до терминала. Кругом полно спешащих людей, в основном счастливых, потому что, может быть, у них отпуск или медовый месяц, или просто командировка. А у меня Улька уезжает, и охота орать во все горло, чтобы они все перестали улыбаться и счастливо суетиться со своими гребаными чемоданами.

Когда подхожу к главному входу замечаю, жмушуюся на морозе Ульку и чертыхаюсь в голос, ускоряя шаг.

— Блин, ты чего? — зачем-то поднимаю воротник ее дурацкой бесполезной шубы и

растираю порозовевшие на холоде руки. — Пошли внутрь быстро.

— А ввв... вдруг ты бы уехал? Я ссс... следила — семенит за мной и выдает выбивающими чечетку зубами.

— Дурная совсем — перехватываю ее чемодан в одну руку, а Улькину холодную ладонь сжимаю в другой и тяну за собой к очереди, скопившейся перед металлоискателем.

Ульяну пропускаю вперед, а сам забрасываю на ленту чемодан и прохожу следом. Останавливаемся перед табло с расписанием рейсов и находим номера нужных нам стоек.

— Влево, там семнадцать и восемнадцать — тараторит Улька, уже довольно взвинченным голосом.

Потому что совсем скоро мы расстанемся. Потому что совсем скоро она пройдет через ленту с ограждениями, а я останусь по другую сторону. Останусь ее ждать. Или не ждать, но надеяться. Или самому решать, как перебраться к ней, если Уля откажется возвращаться. Или же вообще неизвестно, что будет дальше, и как все сложится.

У меня такой бардак в голове. Клянусь, там настоящий дурдом в стадии обострения.

Времени остается не так уж и много, но Уля совсем не торопится. Идет размеренным шагом. И я за ней. Тоже, как черепаха на прогулке.

Народу на регистрацию рейса немного, да, и самолет небольшой. Вылет с пересадкой в Москве и Стамбуле до аэропорта Лион-Сент-Экзюпери. Я понимаю, что летать часто она не сможет. Это адский ад лететь с двумя пересадками, тереться в аэропортах, ожидая рейсов, волноваться при задержке одного из них и несостыковке по времени. Это же, блин, издевательство какое-то.

Конечно, есть и другие варианты хотя бы с одной пересадкой, ведь из нашего аэропорта прямых рейсов до Франции нет. Только вот и цена будет другая. И мне нужно срочно подумать, как бы побыстрее подзаработать на своих прогах побольше, чтобы была возможность оплатить Уле перелет полегче.

И все эти мысли крутятся в моей голове в то самое время, пока я на автомате двигаюсь с Улькой в очереди, добираясь до стойки регистрации.

Тут меня прошибает. Вот в этот самый момент ей оформляют билет, лента увозит темно-бордовый чемодан, и Уля, сжимая в хрупкой ладони свой загран, с вложенным посередине билетом, отходит квыходу туда, где нужно будет пройти таможеню. Туда, где меня уже не пустят.

Она широко распахивает свои огромные зеленые, колдовские глаза. Клянусь, наверное, девушек именно с такими глазами и сжигали на костре в Средневековье, потому что им совершенно невозможно сопротивляться. Но тут же я замечаю, как уголки ее полноватых красивых губ дрожат. Она сбрасывает сейчас, как минимум, лет пять, превращаясь в маленькую девочку. И у меня внутри бомба взрывается. Я прижимаю ее к себе, обнимаю так крепко, насколько это возможно. Утыкаюсь носом в ее волосы и жмурюсь, чтобы никто не заметил, как чертовы слезы копятая и копятая. Иуды.

— Я смогу прилететь в марте на неделю — тихо шепчет в мой пуховик Уля.

В марте.

Это сколько?

Это дофига.

Это много дней и ночей без нее. Это снова пустая квартира. Это мое одиночество.

— Останься — сжимаю в кулаках плюшевую шубу на ее спине. Продыхаю, чтобы не всхлипнуть, как последний идиот и слабак. — Люблю тебя так сильно. Не могу, не знаю, как

отпустить — целую в висок, обхватывая ее голову дрожащими ладонями.

— И я тебя люблю — Улька позволяет себе слезы. — И тоже не знаю, как буду без тебя. Но Кир... — уже рыдает.

И я принимаюсь гладить ее волосы, вжимая в себя.

Дурак.

— Прости, я такой слабак, прости — твержу, как мантру, лишь бы она успокоилась — Позвони мне по видео, как сможешь. Покажи, как живешь там. В любое время звони, ладно?

Она только коротко кивает головой и утыкается в меня шмыгающим носом.

— Эй — поднимаю ее голову и прижимаюсь к губам.

Целую с отчаянием, прикусывая и оставляя следы. Улька так же с надрывом отвечает, спускаясь напоследок к моей шее и оставляя смачный такой засос.

— Это, чтобы знали — зализывает укус.

И меня так торкает от ее близости. Вот дурак, мозгами понимаю, что никакого продолжения не будет, но мой организм совсем не втыкает в происходящее.

Откидываю ее волосы с одной стороны за спину и тоже спускаюсь губами по шее, прикусывая в том же месте, что и она мне. А еще вспоминаю совсем не в тему, что ночью ей еще в паре мест засосы оставил на память.

— Блин — стонет Уля — И как мне на работу ходить? В водолажке?

— Наоборот — чмокаю еще и еще раз в зацелованные губы. — Ходи так, чтобы все видели.

И снова несем какой-то бред, потом опять целуемся, и тут Уля отчаянно обхватывает меня за талию и еще раз вдыхает.

— Это, чтобы помнить. Пришли название туалетки. Куплю, буду нюхать перед сном и тебя представлять. А лучше обдушу ими все подушки — тараторит Уля.

— Ладно — соглашаюсь и в последний раз пробегаюсь ладонью по хрупкой спине.

— Все — моментально отрывается, тыльной стороной ладони протирая лицо. — Пока, Кир. Я позвоню — давит улыбку и резко семенит в сторону выхода.

Рефлекторно подаюсь за ней, но вовремя себя торможу и принимаюсь считать до ста, чтобы успокоится. Чешу к машине, вдыхаю морозный воздух, но предательские соленые капли все же сползают по щекам.

Ульяна

В марте мне удалось вырваться на неделю в Россию, но эта неделя стала переломной.

Быть с ним рядом, при этом постоянно поглядывать на часы, наблюдая, как неумолимо бежит время и приближает нас к очередному вынужденному расставанию, казалось невыносимым.

Я потом еле оклемалась, закидываясь успокоительными, и понимала, что долго так не вынесу. К тому же и перспективы с работой у меня вырисовывались так себе. Бег на одном месте, по сути.

Мы с Кириллом созванивались почти каждый вечер в одно и то же время. Я уже выучила, что у него на заднем плане стеллаж, заваленный всяким хламом. Там и идиотская фигурка клоуна из фильма "Оно", и различные книги с совершенно разной тематикой, и набор пивных кружек в форме футбольных мячей, и даже целая пластиковая прозрачная коробка, забитая микросхемами.

А он знает, что у меня на заднем плане крашеная в мутно-серый цвет стена, украшенная панно со скачущими лошадьми.

Мы могли подолгу разговаривать ни о чем. Или делиться своими проблемами, успехами, погодой за окном, ныть о наболевшем.

Иногда просто молчали, разглядывая друг друга по ту сторону экрана, прикладываясь к нему дрожащими пальцами, чтобы представить, как дотрагиваешься до любимого лица, испытывая фантомные воспоминания о том, каково оно на ощупь.

Нам невыносимо жить вдали. Не хватает тепла друг друга, и поэтому мы, бывало, срывались, ссорились, а на следующее же утро мирились в сообщениях.

Как-то раз после очередной нашей ссоры, Кир позвонил мне прямо среди ночи ближе к трем часам. Он был пьян, ну, просто в хлам. Стоило мне принять видеозвонок, как Кир настроил камеру, откатил стул и встал посреди своей комнаты.

— Хорошо видно? — спросил с лету.

— Ты напился? — уточнила я сонным голосом, потирая глаза, чтобы лучше видеть, что там происходит на экране.

Он стянул с запястья резинку и прихватил челку в маленький хвостик.

— Я, Уль, надрался в сопли. Но сейчас вообще не об этом. Короче, смотри.

Кир стянул белую, мятую футболку через голову и с вызовом вздернул подбородок, принимаясь за пуговицу на джинсах.

— Давай так же — подмигнул мне и вжикнул молнией. — Что на тебе за пижама? Черт, это кто, пингвины?

Он, закусив нижнюю губу, стянул узкие джинсы, зашвыривая их ногой в дальний угол комнаты и указательными пальцами ухватился за резинку серых боксеров.

А меня в жар бросило. Я жадно уставилась на его молодое, привлекательное, с ума сводящее тело и не верила, что это мое все. Только мое. Но, Боже, как далеко.

Я не стала строить из себя монашку. В конце концов, только такой способ нам и остался.

Тоже перенастроила камеру и откатила свое кресло чуть дальше, чтобы сменить обзор. Меня лихорадило и возбуждало одновременно.

Я медленно расстегнула пуговицы на пижамной рубашке. Кир хрипло застонал, когда я скинула ее к ногам, отчего тело мгновенно покрылось гусиной кожей.

— Снимай остальное — прохрипел он уже куда серьезней, чем в начале звонка, пьяная ухмылка исчезла с его лица.

Кир потянул боксеры по узким бедрам вниз.

Я подцепила белье вместе с пижамными штанами и проделала тоже самое.

Мы стояли друг напротив друга совершенно голые, рвано выдыхая воздух. Кир был возбужден. Он ухватился одной рукой за член и уселся в кресло, откинувшись на спинку и чуть растопырив ноги.

— Охренеть, Улька — он жадно осматривал мое тело. — Я соскучился, сил нет.

— Я тоже.

Сладкое томление расплзлось по телу только лишь от одного его вида. Живот скрутило истомой, когда Кир откинул голову назад, прикрывая глаза, и свободной рукой провел по своему телу.

Это было так горячо — смотреть, как Кир ласкает себя, покусывая пересохшие от частого дыхания губы.

— Давай, Уль, закрой глаза. Я буду говорить, а ты представляй и трогай себя, как если бы это были мои руки.

И я трогала. Касалась шеи кончиками пальцев, спускаясь к ложбине между грудей, прихватывала соски, выгибаясь дугой от острых ощущений, приправленных его хриплым голосом, облизывала палец и спускалась по телу ниже, как будто, это его язык скользил по коже. Все ниже и ниже. Раздвигала ноги шире, вообще улетаю куда-то в прострацию.

Наши стоны, неровное и жаркое дыхание смешивались в клубок.

В какой-то момент Кир попросил открыть глаза. Мы столкнулись помутневшими взглядами, и тело простреливало ярким возбуждением, на грани боли. Невыносимо ярко. До острой пульсации.

Осоловелыми глазами смотрели друг на друга, выныривая из эйфории, и счастливо улыбались.

— Я безумно скучаю — сказал Кир сорванным от сбитого дыхания голосом, когда мы уже снова сидели перед экранами, приблизив лишь лица. — И люблю тебя. Так люблю, свихнуться можно. Сколько бы я всего с тобой сейчас сделал, если бы ты была рядом, Улька...

Он все говорил и говорил, а я утопала в его расширенных зрачках.

Мы стали устраивать такие видеозвонки довольно часто, но с каждым днем все больше казалось, что между нами растет пропасть, и скоро ее будет не преодолеть.

А потом мне позвонила мама. Мы не особо-то часто общались, потому что она скептически отнеслась к моим планам, объясняя, что я теряю время. Нужно искать достойного мужчину, пока молода и перспективна.

Стоит ли говорить, что про Кирилла мама и слышать не хотела, когда узнала, что он еще меня и младше.

— Мам, я на работе.

Но она проигнорировала мои слова.

— Уль, у меня для тебя замечательная новость — голос был воодушевленный. Так и чувствовалось, что у нее совсем не было сил терпеть со своей новостью. — Я договорилась — на последнем слоге мама чуть не взвизгнула от восторга.

— О чем? — пробубнила я, оглядываясь по сторонам, чтобы перебежать дорогу с папками, зажатыми подмышкой.

— Есть у меня некая знакомая в Москве, которая пригласила на закрытое светское мероприятие. Ну, знаешь, интеллигенция, богачи, дорогое шампанское, но суть не в этом. Я рассказала про тебя, и она познакомила меня с важной шишкой в одном из крупнейших издательских домов "МИКС". Слышала о таком?

Конечно, слышала. Нереализованная мечта.

— Ну? — нетерпеливо поторопила ее.

— Так вот, он оставил контакты, куда тебе прислать свои переводы. К ним просто так не прорваться, сама знаешь. Так что терять такой шанс нельзя. Если с работами все будет хорошо, то они готовы взять тебя в штат. Ну, как новость?

— Ты серьезно сейчас? — пролепетала я заплетающимся от волнения языком. — С чего вдруг такая щедрость?

— Никакой щедрости, дочка. Просто связи нужно уметь заводить, сколько я тебе этому учила, а все зря — мама ткнула меня напоследок.

Но я даже не обратила на это внимания, потому что в мыслях уже подбирала, какую именно работу им отослать, чтобы заинтересовать, наверняка.

Только обнаружив себя в тисках железного кресла в зале ожидания аэропорта понимаю, как устала. Устала от поиска, где лучше. Устала от смены мест и постоянных переживаний.

Может, не нужно было вообще ничего этого? Может лучше было остаться в своем городе, доучившись на очном отделении, а в промежутках выполнять хоть не любимую, но стабильную работу?

Понимаю, что нет. Не лучше бы. Не для меня. Потому что всегда тянуло куда-то в дебри.

В этот раз тоже дебри. Наспех снятая квартира на окраине Москвы в обычном человейнике, но довольно просторная и уютная. К тому же до метро минут десять пешком. И работа мечты, но даже без должного собеседования и конкурса.

От Кирилла я все скрывала до последнего, пока меня не утвердили. Он очень обрадовался, и сказал, что приедет ко мне в ближайшие выходные, как только выздоровеет, потому что отхватил по непогоде ангину. Он даже распланировал, что мы успеем посетить, если вообще сможем вылезти из постели.

По прилету меня встретила мама, которая решила задержаться в Москве на неделю по работе, ну, и заодно проверить, как у меня все пройдет.

А прошло у меня все, на первый взгляд, очень даже неплохо. Еще там в Лионе, когда я собиралась в обратный путь, со мной связалась начальница отдела, Анна, где мне предстояло работать, и сказала, что мои переводы ее, действительно, впечатлили, и она приглашает меня в понедельник к девяти без опозданий со всеми нужными документами.

Я, унимая нездоровую тряску в теле, ждала ее в небольшом зале с диванами и всевозможными цветами в горшках, пока мимо пролетали работники данного издательства. От совсем молодых до уже с закрашенной сединой в волосах и чемоданом знаний за сутулыми плечами.

Атмосфера меня поглощала и до зубного скрежета хотелось стать частью этой суетной вакханалии. Я так и трепетала от накативших эмоций, пока не заметила перед собой, как распахнулась дверь, и ко мне навстречу подкатила девушка не старше тридцати с ярко-рыжими кучерявыми волосами, убранными в небрежный пучок на затылке. Ее деловой темно-синий костюм с узкими брюками и, наоборот, довольно увесистым, доходящим до середины бедра, пиджаком, так и кричал о количестве нулей в чеке при оплате.

— Ульяна?

Я только и кивнула в ответ, как болванчик на машинах в форме забавной собачки, что прилепляли на переднюю панель.

— Хорошо. Вовремя. Ненавижу, когда опаздывают.

Хотя сама опоздала минут на двадцать. Но она же занятая начальница. Ей можно.

— За мной — прокомандовала и пошпилила дальше.

Минуя пару коридоров, мы оказались в довольно светлом из-за панорамных окон кабинете.

Анна сразу же прошла к креслу и, сдвинув наваленные в кучу папки, указала кивком головы на противоположное кресло с прозрачной спинкой.

— Значит так — начала она без вступительной речи. — Как я и говорила твои работы мне понравились. Особенно перевод Ле Буш "Одновременно в трех местах". Ее еще не издают в России, но переводы крутятся в различных тематических группах. Твой лучший,

что я читала.

— Это я еще в школе переводила — зачем-то ляпнула я, ерзя в неудобном кресле.

— Даже так? — она выгнула тонкую рыжеватую бровь. — Любишь это дело?

— Да, наверное, лет в пятнадцати.

— Хорошо. Только не пойму, как тебя занесло на работу в организацию, занимающуюся перепродажей медицинского оборудования.

Да, потому что нужны были деньги. Так бы и сказала.

— Хотела набраться практики, а будучи студентом выбирать не приходится.

Анна понимающе кивнула.

— Да, уж. Сама начинала с переводов фанфиков на тематических сайтах.

— Я тоже пробовала, но язык мне показался довольно скудным. Быстро забросила.

Анна оголила в улыбке идеально белые зубы, но в следующую же секунду напустила серьезный вид.

— Ульян, скрывать не буду. Здесь будет нелегко. Работы навалом. Придется как-то совмещать с учебой. Отговорок о нехватке времени я не потерплю. Переводы можешь делать удаленно, но сдавать готовый материал лично мне в офис. И еще... — Анна выждала многозначительную паузу. — Я понимаю, и ты понимаешь, что попала сюда не просто так. Тебя протезировали. Наш биг босс часто берет хорошеньких девчонок на работу себя побаловать, но если таланта нет, держать просто за красивые глазки не станет, так что не расслабляйся.

И вот тут, как головой в унитаз. Честное слово.

— И кто наш биг босс? — я поинтересовалась у новой начальницы.

— Ооо — та аж откинулась в кресле. — Ты еще не знакома с Олегом Павловичем? Интересно. Сначала он знакомится, а уж потом сюда тащит. Впрочем, неважно. Скоро сама узнаешь.

И я узнала.

За все нужно платить — простая истина. Но я до последнего верила, что мама решила помочь мне абсолютно бескорыстно.

Забыла, что люди со временем не меняются. Даже самые близкие.

И вот я сижу на краю кровати перед огромным передвижным зеркалом. Смотреть на себя нет никаких сил. Как я могла ей поверить?

Мама цокает на острых шпильках по дешевому ламинату.

— Только не нужно делать из меня вселенское зло — хватает за руку и грубо тянет к зеркалу, заставляя встать. — Посмотри на себя.

— Отстань — грубо шлепаю ее по руке, удерживающей мое запястье.

— Вот, дурная — мама подталкивает меня вперед и цепляется за плечи когтями, как коршун. — Посмотри на себя. Разве для этого я тебя растила? Ты знаешь несколько языков, учишься, имеешь такой опыт работы. В твои то годы! У тебя есть талант, красота. Своя красота. Не перекроенная под ножами хирургов. Это очень ценится. Ты — ценный бриллиант, Уля. И я не позволю, чтобы ты так бездарно слила свое будущее.

— Я не пойду — шиплю в отражении зеркала.

— Это всего лишь встреча. В ресторане. Не наедине. Может, он понравится тебе? В конце концов, что может дать твой студент? Ничего, кроме секса. И то, в его возрасте, они все думают только о себе. А этот породистый мужик может многое. За ним толпами носятся. Уж, поверь. Но ты смогла его зацепить. Такой шанс не упускают. Будешь потом всю жизнь

меня благодарить — мама откидывает мои волосы за спину, оголяя лицо. — Милая моя девочка, я хочу для тебя самого лучшего.

— Ты хочешь меня продать! — выкрикиваю в бессилии.

— Нет, я хочу устроить твою жизнь. Ты сейчас откажешься, и, кто знает, что дальше будет с твоей карьерой.

— Ненавижу — мотаю головой, вцепляясь в волосы. — Я все бросила, думала, ты действительно решила помочь мне.

— Я и помогла — успокаивающе твердит мама. — Но за все нужно платить, ты же уже не ребенок. Должна понимать.

— Уходи — рявкаю на нее и запинаюсь в ванной

Сползаю по двери на кафельный пол. Собственная мать загнала меня в ловушку. Я мечтала об этой должности. Я грезила. Но теперь даже не понимаю за талант ли меня взяли, или просто потому что я приглянулась биг боссу.

— Знаешь — раздался мамин голос по ту сторону двери. — Я любила твоего отца так сильно, что пожертвовала ради него всем, что у меня было. Я им дышала. А ты от своего мальчишки укатила во Францию. Так ли сильно ты его любишь, или это лишь временное, просто очень сильное увлечение? Подумай над этим, Уля.

Цокот каблучков удалялся, пока не захлопнулась входная дверь.

Для того, чтобы принимать самостоятельные решения, нужно быть взрослым.

А мне захотелось сегодня побыть ребенком. Ни за что неотвечающим. Наивным и беззаботным. Поэтому я просто слилась.

Закинулась валерианой, выключила телефон и нырнула под одеяло с головой, уединяясь от внешнего мира.

Но утром, когда страсти в голове поулеглись, все же собралась с духом, привела себя в порядок и поехала на новую и уже скоро бывшую работу забирать документы.

К счастью Анну застала у себя в кабинете.

— Ох, ты! — восклицает та. — Неужели уже все? Ни за что не поверю. Если ты только не долбаный гений.

— Нет, не гений — отвечаю с порога и прохожу дальше прямо к тому самому неудобному креслу, где она приняла меня в первый раз. — Я увольняюсь — выдыхаю разом. — Точнее, я же на испытательном, так что, не знаю, как у вас это происходит. Но перевод первой части я сдам в срок, как и договаривались.

— Постой — Анна отодвигает беспроводную мышку, отъезжает на кресле и поднимается, поправляя зеленую юбку-карандаш, контрастирующую со свободной белой блузой. — То есть как? Что случилось то?

Мои глаза в пол ответили сами.

— Ясно — начальница обходит стол и приваливается к его краю напротив меня своей пятой точкой. — Уже звал?

Молча киваю головой.

— И как?

— Я не пошла.

— О, многообещающее начало. С ним такое редко происходит. Ты вообще хоть раз его видела?

— Нет.

— И что даже любопытства ради ни разу не гуглила?

— Нет, у меня парень есть. Мне это все неинтересно.

— Даа — многозначительно протягивает Анна. — Странно, что меня еще на ковер не вызвали. Хотя он еще сегодня в офисе не появлялся.

— Если меня взяли только с целью пристроить боссу, то я лучше уйду.

— Подожди, не кипятись, Ульян — Анна нажимает на кнопку на аппарате позади себя и просит принести нам два кофе. — Во-первых, если бы я без протезирования увидела твои переводы, то все равно бы взяла, потому что у тебя на редкость плавный слог. Но, во-вторых, если ты сейчас вот так просто свалишь в закат, Олег Павлович тебе такой волчий билет может устроить, что ни одно издательство не возьмет на работу даже в должности курьера.

— И какой выход? — я и сама понимаю, на что иду.

В любом случае можно снова подыскать работодателей в Европе или начать работать на себя.

— Не знаю — честно признается Анна. — Давай, просто подождем хотя бы до завтра, окей? А там решим. Сейчас же незаметно сваливай домой и притаись. Может, и пронесет. В конце концов, у него молоденьких воздыхательниц целые штаны. Забудет, переметнется на

другую. Я же сделаю вид, что не в курсе всей вашей ситуации, хорошо?

— Хорошо.

Я возвращаюсь на съемную квартиру и, чтобы отвлечься от круговорота мыслей в голове, принимаюсь за перевод. Но перед этим с планшета вхожу в сеть и по Вайберу набираю сообщение Киру, чтобы узнать, как он. Телефон так и не решаюсь включить.

Кир отвечает, что целыми днями дрыхнет, а когда бодрствует, то пишет программу. Его "Скучаю, Улька. Люблю пипец как. Хочу тебя до звездочек в глазах" пробивает в теле дрожь и еще какую-то неумную тоску. Просто пожирающую тоску.

Потом он поинтересовался, почему у меня телефон отключен, ведь Кир весь вчерашний вечер пытался со мной связаться, но я наплела про проблемы с зарядным устройством. Не хочу все ему выкладывать, пока сама до конца не узнаю, насколько повязла в маминой "благодетели".

Но я все же повязла.

Как только включила телефон, на меня сразу же посыпались от нее сообщения с вопросами, как все прошло. А самое последнее о том, что я непроходимая дура и очень сильно ее огорчила.

Но это не самое страшное.

Потому как около шести вечера со мной связалась Анна срочно вызвала в офис, не объясняя причин.

— Пойдем, провожу — встретила меня возле своей приемной. — Только не бойся, не лебези перед ним, но и не хами, авось обойдется.

Прежде чем, меня пригласила его секретарь, я поправила ворот бежевой водолазки и распахнула дверь.

— Можно? — спрашиваю с порога, нацелив взгляд на широкую спину мужчины у окна.

— Да, входи — отвечает тот приятным баритоном и разворачивается ко мне лицом.

На вид не старше сорока. Стильно уложенные темные волосы и светлые глаза. Небольшая щетина. Высокий мужик в белой рубашке, обтягивающей подкаченную фигуру, и темно-синих брюках.

Я изо всех сил пытаюсь не тушеваться прохожу внутрь, но застываю посередине пути, потому что он тоже подается в мою сторону.

Останавливается на расстоянии вытянутой руки и разглядывает, как экспонат в музее.

— Еще привлекательней, чем на фото — криво ухмыляется, обходит кругом и снова встает передо мной, пока я пытаюсь унять грохочущее сердце. — Почему ты не пришла вчера, Ульяна?

Сглатываю, но в горле неприятно засадило.

— Не знаю, что вам наобещала моя мать, но я не стану здесь работать, если придется... — пытаюсь подобрать слова поприличнее.

— Спать со мной? — заканчивает вместо меня биг босс.

— И это тоже.

— Понятно — коротко выдает и возвращается за свой шикарный стол.

А я так и остаюсь на том же самом месте, потому как мне совсем ничего непонятно.

— Документы могу забрать прямо сегодня, но мы с Анной договорились, что полученный заказ я отработаю.

— А кто же тебя увольняет? — удивленно вскидывает брови Олег Павлович.

— Повторяю, я не собираюсь...

— А я ответил, что все понял, Ульяна.

— И как быть дальше? — задаю вопрос и выгляжу. Наверное, при этом совершенно растерянно. Ожидала угроз, пренебрежительного тона, но только не этого всего.

— А дальше иди работать. И, кстати, пока нет законченного высшего образования, на многое здесь не рассчитывай. Сейчас для тебя на первом месте должен быть опыт, а уж потом амбиции.

— Я поняла — выдыхаю как можно ровнее. Только сейчас осознала, что все это время не давала себе дышать полной грудью. — Могу идти?

Биг босс откидывается на спинку кресла и разворачивается лицом к окну.

— Да, конечно.

Обычно мы созванивались по вечерам, а в течении дня только переписывались. Но в тот раз я решила позвонить утром, потому как вечером в нашем издательстве намечался форум с писателями, на котором Аня просила меня поприсутствовать.

Кир долго не брал трубку, а когда появилось изображение, мне показалось, что он взмылен и несколько растерян.

— Привет, как ты? — я прогнала ненужные мысли и улыбнулась ему.

Кир оглянулся себе за спину и, снова развернувшись ко мне лицом, попытался натянуть улыбку. Но она показалась мне фальшивой, вымученной, а взгляд рассеянным.

— Уже лучше. Температуры больше нет. Думаю, в эти выходные смогу к тебе приехать.

От этой новости, напряжение немного спало.

— Это хорошо, я так соскучилась.

— Детка, я тоже, только...

— Кир, ну, ты где? — сначала я услышала обиженный девчачий голос на заднем плане, а уж потом увидела ее.

Там самая Кристина из его школы.

И снова она рядом. В его квартире.

— Бл*, Крис, я же просил подождать меня! — простонал, прикрывая глаза, Кир.

— Я и ждала — блондинка невинно захлопала глазками. — Но ты так долго — фыркнула и вышла из комнаты.

Хотелось в ту же секунду хлопнуть крышкой ноута и отключиться. Раньше бы я так и сделала, но мы уже столько с ним наворотили, поэтому решила прежде спросить.

— Уль, понимаю, как это по-идиотски звучит, но все совсем не так, как ты там снова навоображала — Кир начал первым.

— Ага, все не так, как я навоображала, а она с тобой опять случайно рядом оказалась.

У меня закипало, у меня уже лава на подходе.

— Нет, не случайно — Кир устало потер переносицу. — Кристина мне лекарство колет. Я не хотел тебе рассказывать, потому что догадывался, как ты можешь отреагировать. Но кроме нее у меня реально больше никто не умеет.

— И что, после того цирка, который она устроила, ты продолжаешь с этой девчонкой дружить? — я задыхалась от возмущения и вспыхнувшей ревности.

— Она уже извинилась. Уль, мы с Крис дружим с класса шестого, тусуем в одной компании, я не могу просто так взять и вычеркнуть ее. И вообще какого хрена сейчас происходит? Я теперь должен у тебя разрешения спрашивать с кем дружить, а с кем нет?

— Не выворачивай все наизнанку. А если бы я так к себе какого-нибудь друга — парня водила, что бы ты чувствовал?

Кир удивленно вскинул бровь.

— Что не думал над таким?

— А у тебя есть парень — друг?

— Это гипотетически! — я начала конкретно распалаться. — Она тебе еще и уколы делает. Оголяешь свою задницу перед девчонкой, которая тебя хочет. У нее вообще есть кто-нибудь? В смысле парень?

— Вроде, нет — невозмутимо ответил Кир.

А я заметила скрытую улыбку на его губах.

— Уль — промурлыкал томно. — Я люблю тебя. Кристина всего лишь делает мне уколы. И сейчас она здесь тоже только для этого. И вообще ей в универ пора, а мы тут ее задерживаем.

— Я вам еще и мешаю? — вспыхнула гневом.

— Бл*, Уль, не тупи — Кир закатил глаза и откинулся на спинку кресла.

Тон его голоса обидел. Так разговаривают с девушкой, от которой хотят избавиться, только не знают, как. Так разговаривал с моей подругой Аней перед самым расставанием ее татуированный бывший Матвей.

— Пошел ты! — я разъединилась и хлопнула крышкой ноута.

И ведь понимала, что повела себя, как малолетка сопливая, закатывающая истерики из-за любого пустяка. В конце концов, если бы он хотел быть с этой Кристиной, то давно уже встречался бы с ней. Но поделать уже ничего не могла.

Еще и перед девчонкой себя неуверенной идиоткой выставила. Осталось только надеяться, что Кристина не подслушивала за углом наш разговор.

Но на первый шаг я никак не решалась, а Кир тоже молчал.

Лишь спустя пару дней написал:

«Если ты меня еще ждешь, я приеду в субботу. Уже купил билет. Поезд прибудет к двенадцати на Ярославский вокзал»

«????»

Боги мои, в каком раздрае я жила эти гребаные два дня, пока гипнотизировала телефон, и врагу не пожелаешь. Но стоило получить долгожданное сообщение, и меняхватило лишь на "Жду" в ответ.

Больше ничего.

Гордость, глупость, ревность — вот, что двигало мной тогда.

А в пятницу вечером Анна попросила меня заехать в офис, чтобы обсудить редактуру первых пяти частей «Призрачного леса» Софии Шерро, которые я уже успела ей сдать.

— Уль, у меня к тебе еще просьба — Анна наваливается на стол, складывая руки перед собой в замок, и строит глаза, как у кота, из «Шрека» — Регина никак не успевает с «Демонами». Срок уже через месяц, а она дошла лишь до двенадцатой главы. Подсоби ей, пожалуйста, а я для тебя премию повыше пробью, ок?

В уме я прикидываю по времени. Смогу ли, потому что у самой висят три перевода и занятия на заочном. Но деньги лишними никогда не бывают, так что я соглашаюсь. Разрулю как-нибудь.

Попрощавшись с начальницей и переговорив с редакторами по поводу своих недочетов, я сгребаю в охапку папку с текстом, сумку с ноутом и сбегая по ступенькам вниз, не дождаввшись лифта.

До приезда Кира еще нужно успеть навести в квартире порядок, забить холодильник продуктами и приготовить еду. Одним словом, меня от предвкушения нашей скорой встречи кидает в дикий мандраж.

Выбегаю из здания, и (что же за день сегодня!) сразу попадаю под мелкий морозящий и пакостный дождик. Решаю сократить путь до метро, но рядом со вторым рядом спотыкаюсь, и все листы из папки оказываются на асфальте.

Чертыхаюсь. Только этого еще не хватало. Принимаюсь на карачках собирать рассыпанный материал, пока бумага окончательно не промокла, но один из листов, как

назло, залетел под капот дорожного внедорожника.

Хорошо, хоть клиренс высокий, и я вытягиваюсь в струну, чтобы достать злополучный намокший клочок бумаги.

— Могу сдать назад, чтобы удобнее было — раздается позади меня уже знакомый низкий голос.

Я тут же подскакиваю на своих двоих, прижимая к груди подобранные страницы и встречаюсь взглядом с биг боссом.

На нем черные брюки и светло-серая водолазка, а в глазах лукавые искры. И, вроде как, между нами все решено без недоговорок, даже мама от меня отстала, махнув напоследок рукой, все равно я чувствую в присутствии этого внушительного мужчины некую неловкость.

— Было бы хорошо, а то там правки по тексту. Хочу сегодня подбить.

Олег Павлович насмешливо дергает уголком рта и садится в машину. Я же отхожу немного в сторону и жду, пока он отпаркуется чуть назад, и сразу же подхватываю еще не успевший промокнуть лист.

Биг босс опускает стекло.

— Спасибо большое.

— Садись, подвезу — утвердительно заявляет Олег Павлович. Как будто и не просит вовсе, а приказы раздает.

— Я на метро — подрываюсь, было, с места.

— Боишься меня?

— Нет, просто на метро не нужно пробки собирать.

— Я тебя в обход пробкам домчу. Садись, давай, быстрее, а то промокнешь насквозь.

Пару секунд мнусь на месте, но тут он протягивается через салон и изнутри распахивает передо мной дверь.

Тут уж неловко свалить, как трусиха последняя. Поэтому я все-таки прыгаю в тачку.

В салоне автомобиля тепло, приятно пахнет лимоном, а, главное, сухо.

— И как тебе в издательстве? Нравится? — начинает разговор босс.

У меня на коленях лежит сумка с ноутбуком, а папка так и остается прижата к груди. Смотрю перед собой.

— Да, затянуло сильно.

— Хорошо — судя по тону мой ответ ему нравится. — И что тебе доверили?

— Мюрай и Шерро. Это как раз Шерро — указываю кивком головы на папку.

Мчим и, правда, быстро. Болтаем больше о работе. Никаких попыток по моему соблазнению Олег Павлович не предпринимает, и это очень радует. Я даже, не заметив, как, успеваю расслабиться.

Но только до того момента, пока мы не подъехали к подъезду. Потому что там, на лавочке, сидит парень, закрывшись глубоким капюшоном от толстовки, а рядом с ним лежит рюкзак. Сам же парень смотрит на экран телефона, но стоит ему услышать звук мотора, как он поднимает голову, и я пересекаюсь с медовыми глазами.

Удивленными, а потом вмиг вспыхнувшими нездоровым огнем.

Говорю Биг боссу спасибо и, не дожидаясь его ответных слов и реакции, выпархиваю из автомобиля.

Кир подрывается с места, но я подлетаю к нему, чтобы не успел глупостей натворить, и хватаю за рукав.

— Нет, это начальник мой. Остынь, слышишь?

Кирилл

— Какого черта он тебя подвозит?

— Ты, может, не заметил, но на улице дождь.

Скалюсь в ответ.

— А он что со всеми сотрудниками так нянчится?

— Кир — Улька устало стонет. — Нет у меня с ним ничего. Просто совпало. Случайно пересеклись на парковке.

Оглядываюсь на выезжающую со двора навороченную тачку.

— Тебя же мать в издательство устроила, да? Под него подложить хотела?

— Хотела! — выпаливает Уля, и у меня чуть челюсть не отъезжает, я же просто предположил. — Только ничего не вышло.

— Что так? — спрашиваю с издевкой и скидываю ее руку с предплечья.

— Потому что у меня есть ты. Потому что я тебя люблю. Неужели ты думаешь, что я приспособленка, готовая лечь под мужика, чтобы спалось мягко?

— Но ты же в итоге работаешь там.

— Работаю. Но когда узнала о планах матери, решила уволиться. Но мы с Олегом Павловичем поговорили и утрясли все непонятки. Он принял, что мне это не нужно и отстал. Дал спокойно работать. Не подкатывает, не достает. Я и в офисе то бываю наскоками, больше дома работаю — Улька ежится. — Кир, пошли домой, а? Холодно.

Внутри такой раздрай, хочется крушить все подряд. Но когда она тянет меня за собой, не сопротивляюсь.

Как же мне теперь ее здесь оставить одну? Нужно что-то придумать. Не могу так больше. Осточертели отношения на расстоянии. Пусть она теперь намного ближе, но все не то.

Я хочу жить с Улей вместе, хочу по утрам просыпаться и целовать. Целовать и заниматься сексом. Хочу проводить с ней вместе каждую свободную минуту. Хочу разговаривать и видеть ее лицо не через экран, а напротив себя, чтобы можно было коснуться, черт возьми!

Впереди лето и сессия. Совсем скоро. Времени почти не остается.

— А там что? — Улька кивает на лавку, где валяется мой рюкзак и букет.

Совсем про него забыл с такой-то дерьмовой встречей.

Хотел сюрприз сделать, в последний момент поменял билеты на поезд, чтобы оказаться у нее на день раньше. В голове у себя намечтал, как она откроет дверь, как удивится, а потом бросится на шею. Представлял, как крепко сожму ее, засасывая так, чтобы Уля на ногах стоять не могла. А потом всю ночь от себя не отпущу, потому что безумно ее не хватало, и последний секс у меня был еще в марте.

Возвращаюсь к лавке за вещами и протягиваю ей букет из бледно-розовых пионов, который под дождем заметно скис.

— Думал, наша встреча пройдет по-другому.

Улька утыкается носом в букет.

— Красивые, спасибо. Кир, я ведь не ждала тебя сегодня, не успела ничего — произносит виновато.

— Хотел побыть с тобой подольше.

— Я рада, правда — тянется к губам. — Только не обращай внимание на беспорядок, ладно? Работы накидали много, день и ночь сидела за компом. И приготовить не успела.

— Я помогу.

— Кстати, а почему ты не машине? — спрашивает, когда поднимаемся в квартиру.

— Помнишь, я тебе говорил, что мы с другом писали приложение для защиты банковских операций? Короче, у нас дело пошло, нами заинтересовались в паре организаций, но условия предложили не очень. Мы хотим протащить ее дальше, немного усовершенствовать, но нам нужны деньги, так что пришлось машину продать. Если выгорит, заработаем вдвое, а то и втрое больше.

— Не сомневаюсь, что у тебя все получится.

Уля привстает на носочки и смазано чмокает в губы, в то время как ее пальцы останавливаются на язычке для молнии на моей промокшей толстовке. Встречаюсь с зелеными завораживающими глазами, и мы оба замираем.

Не знаю, что сейчас передает мой взгляд, но ее так и плавится, заражая возбуждением на грани похоти.

Я так долго ее не трогал, так чертовски долго не целовал, что это мимолетное касание кажется, как глоток воды в пустыне. И я уже забываю о том, что всего несколько минут назад страшно на злился, бесился и ревновал к тому мужику, что оказался ее боссом. Забываю, что в планах было немного помучить ее, подинамить за то, что села к нему в машину, за то, что не рассказывала она намерениях своей матери. :К:н:и:г:о:е:д:..н:е:т:

Только зеленые омуты напротив. Уля рвано дышит, ее грудная клетка вздымается под тонкой тканью блузы.

Я не позволяю ей уйти, не позволяю сейчас отдалиться и испортить этот момент, потому что безумно соскучился. И меня разрывает от этих крышесносных ощущений, которые затопили изнутри.

Обхватываю ее лицо ладонями.

— Я что-нибудь придумаю и переберусь к тебе в Москву. Сдам экзамены, переведусь, хочешь?

— Да, очень — отвечает уверенно и открыто. На ее лице нет и тени сомнений.

Тянется ко мне, и я целую. Сразу с диким напором, потому что оголодал без нее, чуть не сдох без нее. И мы уже цепляемся друг за друга мертвой хваткой. Улька нервно тянет за мою молнию и стягивает с плеч толстовку, пока я вожусь с пуговицами на ее блузе.

Не сил больше ждать. И похрен на все прелюдии, лишь бы скорее быть с ней.

Покрываю поцелуями глаза лоб, скулы, спускаюсь к шее. Наконец, добираюсь до груди, стиснутой телесным лифчиком. Задираю его вверх и втягиваю сосок, срывая стон.

— Дико хочу тебя.

— Я тоже — Улька шепчет в ответ, выгибаясь, подставляясь по поцелуи. — Так скучала.

Снова возвращаюсь к сладким губам и наступаю, пока она задним ходом тянет меня за собой в сторону единственной комнаты.

Ошалело сдираем остатки одежды. Уля толкает меня на кровать и садится верхом. И снова мокрые поцелуи. Пальцами сжимаю напрягшиеся соски, пока она трется о мой член. И нет сил терпеть. Нет сил даже вспомнить, где у меня презервативы.

Ее волосы струятся по острым плечам, а руки блуждают по моему животу. Улька отсаживается чуть назад и теплыми пальцами сжимает член, оголяя головку. Вдох-выдох. Я,

блин, на грани от гребанного воздержания. Мне бы хватило и просто смотреть, как она сидит сейчас на мне до охренения красивая.

Не выдерживаю, хватаюсь сжимаю тонкую талию и перекаत्याю Ульку на спину, оказываясь сверху. Веду языком по телу спускаясь к животу. Раздвигаю ноги. Касаюсь языком клитора, и она дергается со всхлипом.

— Давай, пожалуйста — ерошит мои волосы.

— Я сейчас — приходится оторваться, чтобы сбегать до рюкзака и трясущимися от возбуждения руками найти чертов презик.

На нервяке хватаю всю связку и мчусь обратно. Она замороженно смотрит, как я натягиваю резину на член, кусая губу. А в глазах такой огонь, что сгореть не страшно.

Подхватываю ее под колени, дергая на себя и вхожу со стоном. Как же долго я ждал, черт возьми!

И хочется зацеловать ее румяные щеки и покусанные губы, но одурманившее меня возбуждение выбивает дух. Я спускаю тормоза и ускоряю темп, поглаживая податливое тело.

Мы так долго не виделись, и теперь до самого утра нам точно не уснуть.

Ульяна

Два месяца спустя...

"Разобрать?"

Кир скинул фотки коробок, что перевезли вчера.

Три дня назад мы переехали в новую съемную квартиру побольше, чем та, что снимала я. Здесь две комнаты и просто огромный санузел. Хоть дискотеку закатывай.

Кир поступил и перевелся в Московский технический университет и заработанными на своем приложении деньгами оплатил квартиру сразу на год вперед. Я дико разозлилась, потому что уже отвыкла от того, что кто-то за меня платит.

Кир посмеялся, типа отработаю на нашей новой кровати, но я все же настояла, что буду вносить квартплату. Все-таки я тоже деньги зарабатываю, и уже довольно неплохие. Даже по московским меркам.

Его мама сразу же нас снабдила припасами с собственного огорода в загородном доме, куда она вместе с собакой перебралась из города на постоянной основе, и уже несколько раз приглашала к себе, чтобы со мной, наконец, познакомиться.

Но я все тяну с этим. Мне неловко и как-то стыдно. Что они на самом деле обо мне думают? Ведь мы раньше постоянно пересекались в подъезде. Видели меня с Артемом, который на несколько лет старше Кира, а теперь "Здравствуйте, я новая девушка вашего любимого сыночка".

"Нет, оставь, сама разберу, как приеду"

"Сдала?"

Как же сдала. Сижу вот до сих пор в коридоре, ожидая препода, чтобы защитить курсовую. Два часа уже динамит. То у него совещание, то неожиданная пересдача у перваков. До нас никак добраться не может. А мне еще на работу нужно заскочить, забросить Анне перевод "Номера триста пять".

"Твоя половина шкафа)"

"Зацени, как я круто все развесил"

Скидывает фотку шкафа, в котором бултыхаются на вешалках мои платья. Сцепляю зубы.

Вот, засранец, добрался-таки до коробок.

"Сказала же, не трогать!"

Но Кир в ответ игнорит мою просьбу.

"Ого, это че такое?"

Скидывает несколько удивленных смайликов и фотку моего черного кружевного боди, что покупала еще во времена, когда встречалась с Артемом. Он очень любил такие вещички. Прямо тащился. Еще и стриптиз заказывал. А я по маминой указке исполняла все его прихоти, даже когда была совсем не настроена на секс.

Теперь то понимаю, какая же это глупость. Потому что С Кириллом все по-другому. Стоит ему лишь посмотреть на меня, как все уже искрит в момент. Тяга безумная, не отлипала бы вечность. Но если уж мне плохо или некогда, он ничего против моей воли делать не будет. По каким-то неведомым волнам сразу угадывает настроение.

"Блин, оставь мои вещи"

"А вот еще"

Не унимается и присылает фотку моего нежно-розового комплекта белья с подвязкой для чулок.

"Почему я их никогда не видел?????????"

"Хватит меня отвлекать!"

Пишу, а губы так и расплываются в улыбке. Может он все-таки отвлечь от переживаний.

"И оставь мои коробки в покое"

"Кир, я серьезно"

"Че напряженная такая?"

Прилетает ответка.

"Препода два часа ждем, а мне еще на работу успеть надо"

Моментально новое сообщение:

"Расслабься"

"Ща подожди"

И затем присылает фотку, отчего я чуть не подскакиваю на стуле.

Там Кир стоит перед зеркалом в нашей новой ванной комнате в абсолютном неглиже с мокрыми после душа волосами. Развязно, но так красиво. И с правой стороны от лобка красуется недавно набитая небольшая татуировка.

Невольно вспоминаю, как Кирилл пришел вечером и тут же поволок в комнату, завалил на кровать, а потом приспустил джинсы с наглой ухмылкой, прослеживая мою реакцию.

Реакция была бурной, потому что татушка ему невероятно шла.

"Совсем больной"

Присылаю в ответ, ощутив, как щеки пылают огнем на весь коридор.

"Ага, на всю голову"

"Расслабься, детка"

"Сходи в туалет, сними напряжение"

"Я вот уже начал"

"Прямо на твоё бельишко:)"

Несмотря на работающий во всю кондей, мне становится невыносимо жарко.

"Все, препод пришел"

"И оставь мои шмотки, озабоченный"

Строчу в ответ и поднимаюсь вслед за остальными студентами, тонкой струйкой стекающими в двести шестую аудиторию.

Быстро разделяюсь с курсовой, особенно после того, как преподаватель узнает, что меня взяли на работу в издательство в качестве штатного переводчика зарубежной литературы.

А потом мчу к Анне, дабы показать перевод последней части антиутопии "Номер триста пять".

— Представляешь — делится со мной начальница, пока читает первую главу. — Вчера наш биг босс привел практикантку новую, а через два часа увез ее с собой в ресторан. Так что можешь выдохнуть. Про тебя там уже забыли.

В подтверждение этой новости получила очередное сообщение от мамы, что я для нее разочарование номер один и самая неблагодарная дочь на свете.

И откуда она только все узнала, будучи на очередном отдыхе в Дубае?

Я же для себя решила, что сведу с ней общение на нет, пока не перестанет так нагло

лезть в мою жизнь и навязывать свои устои.

Домой добралась уже к семи вечера. И то, как меня встретили точно на подкорках памяти запечатлится. Еще ни разу до отношений с Кириллом меня так не встречали, и никто до него обо мне так не заботился.

Из кухни доносится аромат запеченного мяса. Вылетает Кир в футболке, испачканной каким-то бордовым соусом неизвестной консистенции, и баскетбольных шортах.

— Ну, как твое "порву там всех"? — спрашивает и обхватывает меня за попу.

— Порвала там всех — отвечаю и слизываю бордовую капельку с его верхней губы. — М-м, брусника?

— Ага, я там наваял такого, даже сам охренел.

— Тогда веди, я голодная — целую его, когда Кир забирается прямо под топ.

— Че так до туалета и не добралась? — подмигивает и спускается губами к плечу.

— Дурак — ворчу совсем необидно, потому что очень приятно, когда его теплый язык зализывает место укуса на коже.

И я уже забываю, что перенервничала сегодня не на шутку, и что голодная. Мысли только о нем, а дальше все в тумане.

Но Кир отрывается первым и усаживает меня за стол. Расстраиваюсь, что не на стол.

— У маман в следующие выходные днюха, так что на этот раз не отвертись — говорит, пока накладывает мне свой шедевр.

— Блин, а раньше сказать не мог, нужно же подарок придумать — растерянно закусываю губу, но возражать ему не хочется.

В конце концов, раз у нас все, кажется, серьезно, такой день неизбежен.

— Не парься, я уже давно заказал ее любимые крема. Там доставка месяц.

И пока едим, я все никак не могу отделаться от ощущения надвигающейся катастрофы.

— Кир — ловлю его взгляд напротив. — Я боюсь.

Он пережевывает еду и лыбится.

— Улька, ну, ты чего? — встает с места и подходит ко мне, обнимая за плечи. Утыкаюсь лицом в его живот, вдыхаю аромат кондиционера с запахом альпийской свежести. — Предки у меня мировые. Все будет хорошо. Ты только не строй из себя никого, будь собой. Ты же такая клевая.

Слушаю вибрацию его голоса, она действует на меня умиротворяюще. Медленно расслабляюсь и киваю в ответ.

— Хорошо.

Кирилл

— Ну, ты и задвинула там на французском — шепчу Ульке в ухо, когда заталкиваю ее к себе в комнату, расположенную на мансарде.

— Твоя мама же сказала, что изучала его в школе.

— Ага — прохожусь губами по тонкой шее. — Только вот она, когда мы заезжали в Сент-Максим, в кафешке и двух слов связать не могла. Тупо пялилась на официанта, а потом вообще свалила в туалет, типа, разбирайтесь сами.

— Как думаешь, я им понравилась? — спрашивает Улька, и глаза такие... Вроде наивно растерянные, но на дне зеленых омутов сверкает что-то такое, отчего у меня в новых узких джинсах становится совсем тесно.

— А то — целую и тяну за нижнюю губу, залезая рукой под кромку воздушного платья.

— Блин, Кир, я не могу здесь.

— А мы в душ — рукой нащупывая молнию на спине. — У меня тут собственный душ и толчок, все дела.

Пока стягиваю тонкую ткань с плеч, Улька наперекор своим словам несколько не сопротивляется.

— Слышно не будет? — спрашивает, отклоняясь.

— Блин, Уль, не думаешь же ты, что они до сих пор меня непорочным девственником считают? Все норм. Они еще на веранде чият, можешь сама в окно глянуть.

Улька в ответ только дерзко ухмыляется и проводит большим пальцем по моей нижней губе.

Размыкаю рот, чтобы кончиком языка лизнуть его, а потом засасываю ее так, чтобы больше ни о чем не гоняла там в своей красивой голове, потому что родителям Улька действительно очень понравилась.

Она же всю принимает за мою рубашку, как будто тоже весь вечер только об этом и думала.

Как конченные подростки срываем друг с друга одежду, потому что не терпится.

Голую волоку за собой в душ. Не разрывая поцелуй ступаем за ширму. Я наугад пытаюсь настроить воду. Но она резко меняет температуру, становясь почти ледяной, отчего Улька визжит. Поэтому приходится заткнуть ее очередным поцелуем, а свободной рукой подтянуться к крану, в то время, как другая рука скользит по позвоночнику к упругой попке.

Хочется развернуть ее к стене и нагнуть, чтобы до онемения в конечностях. Чтобы растеклась прямо здесь.

— Это полный пипец — Улька шепчет, задыхаясь от возбуждения и лупящего сверху потока воды.

— Повернись — прошу вмиг охрипшим голосом.

Когда вижу плавный изгиб спины с немного выпирающими лопатками, у меня внутри все в кашу. До боли в члене тянет жестко взять, но вместе с тем и зацеловать каждую родинку, нежно гладить мягкую кожу и прижимать к себе.

Кладу руки на Улькину талию и притягиваю к себе вплотную. Оглаживаю живот, пока вылизываю ее шею, а потом веду вверх, чтобы щипнуть затвердевшие соски.

Улька мычит, я уже тоже мало соображаю. Спускаюсь рукой к лобку, а затем

надавливаю на клитор. Она приваливается мне на плечо и с тихим "люблю" находит мой член, что так удобно устроился у нее на пояснице.

Ласкам друг друга, как ошалелые, захлебываясь водой в промежутках между хаотичными от возбуждения поцелуями. Кайф накатывает волнами. Улька содрогаясь закусывает ладонь, а я улетаю следом, присасываясь к ее плечу.

— Блин, они, наверное, все слышали — задыхаясь стонет она.

— Они и сами таким занимаются — тянусь к гелю с запахом лаванды

— Фу — оборачивается на меня и кривится, как от дольки лимона.

— Че фу? Сами такими будем. Будем же? — медленно проводу губкой по ее бедру, растирая пену.

— Я бы хотела — говорит стене перед собой.

Выдыхаю и целую Улька в напрягшуюся лопатку.

— Значит будем.

Теперь уже неспеша домываемся и заваливается спать.

А на следующее утро я встаю раньше, и пока Улька еще спит, осторожно натягиваю домашние серые брюки, футболку и спускаюсь вниз прямо на обалденный запах маминых сырников.

— Привет, мам — подкрадываюсь со спины и целую в щеку.

— Доброе утро, сынок — ерошит меня по голове свободной рукой. — Сырники будешь, твои любимые. Еще и варенье малиновое достала.

— Буду, конечно — утаскиваю из тарелки четыре сырника, достаю из холодильника молоко и усаживаюсь за стол.

— Ульяна еще спит? — спрашивает мама, выглядывая на меня из-за плеча.

— Агм — мычу с набитым ртом.

— Она мне понравилась, сынок. Честно. И ты... Шалопай ты мой... Да, ты влюбился.

— Влюбился — подтверждаю в ответ.

— Только не торопитесь, ладно? Вы еще так молоды, все впереди. Успеете.

— Ты о чем?

— Все о том же. О семье, о детях. Нужно к такому серьезно подходить. Устроить карьеру, жилье, а уж потом все остальное. Короче, предохраняйтесь.

— Блин, мам — тяну, закатывая глаза. — Ну, ты и выдала. Я уже давно в курсе всей этой темы.

— Даже не хочу знать, с каких лет ты в курсе — бурчит в ответ, прикрывая сырники бумажным полотенцем.

— А папа где?

— Он поехал с Вилли на площадку заниматься.

Я чуть молоком не поперхнулся от услышанного.

— Вы че из моей милой собаки решили сделать дрессированного пса?

— Есть такая тема — усмехается мама.

А в это время сверху спускается заспанная Улька в своем вчерашнем платье.

— Улечка, проходи — улыбается ей мама. — Сырники любишь? Они у меня по особому рецепту.

— Доброе утро — она растерянно смотрит на нас, но я тут же ей подмигиваю, и Уля немного расслабляется. — Да, спасибо.

Я подрываюсь с места, подхожу к ней и, приобнимая одной рукой, целую в губы.

Коротко. Едва касаясь. Но даже от такого поцелуя Улька смущается.

Затем достаю тарелку, завариваю ее любимый кофе, а потом присаживаюсь рядом доедать свой завтрак.

И все думаю о том, когда она так мило смущается, хочется растравить ее еще больше. Интересно, что Улька будет делать, если положить руку ей на обнаженное колено?

Пока она пытается слушать маму о рецепте сырников и кивать в ответ, я решаюсь пройтись рукой под столом по гладкой ноге с внутренней стороны бедра. Но при этом сохраняю невозмутимый фейс.

Сначала Улька пытается незаметно скинуть мою ладонь, потом свести ноги вместе, пока я не добрался до трусиков, а потом сама щиплет меня за пах. Я чуть не подпрыгнул, клянусь. Но руку убрал.

И когда уже мама довозит нас до аэропорта, Улька после прохождения стола регистрации на рейс зыркает на меня во все свои зеленющие глаза.

— Ты зачем так делал, Кир? Я и так думала от волнения в обморок свалюсь.

— Расслабься — обнимаю в ответ. — Ты очень зависима от мнения других людей. Но тебе не пофиг ли? Одну жизнь живешь, делай, как тебе хочется, а не смотри, как выглядишь со стороны.

— Я не могу так — утыкается носом мне в плечо.

— А я тебя научу — касаюсь зардевшихся щек и целую прямо посреди прохода.

Мимо нас снуют люди. Туда-сюда. А я держу Ульку крепко, чтобы не отвлекалась и, наконец, расслабилась. Здесь и сейчас только я и она. И было бы круто, если б так продолжалось и дальше.

Больше книг на сайте - Knigoed.net